

A large, dark, scaly dragon with a glowing red mouth is breathing fire in a medieval setting. The dragon is the central focus, with its head and neck dominating the frame. The background shows a stone building with a wooden walkway and a person in the distance. The overall tone is dark and dramatic.

ИСТОРИЯ ПЯТОГО МОРА

По первоначальному концепту Алистер предполагался уставшим от лжи ветераном, озлобленным от предательств и судьбы никому не нужного бастарда. И стало интересно, как бы изменилась игра, если бы вторым Стражем был бы не юный неопытный новичок, только полгода назад ускользнувший из одного ордена, и сразу же оказавшийся в другом?

Шнейдер Наталья

История пятого мора

===== 1 =====

Когда Дункан сказал, что заниматься последним пополнением придется Алистеру, тот разозлился. Дело было даже не в том, что придется нянчиться с сопляками, утирая им носы. Противно было видеть, с какой пафосной жертвенностью эти агнцы идут на заклятие. Великие цели, великие деяния — и никто никогда не расскажет, какова цена, пока та не будет уплачена. Сполна. Сам Алистер в своем давнишнем решении не раскаивался, но ему, по сути, и деваться некуда было. Лучше уж Скверна в крови и Зов в будущем, чем всю жизнь прожить надсмотрщиком, не видя ничего кроме стен тюрьмы и медленно сходя с ума от лириума. Так что Стражам он был благодарен. До какой-то степени. Но видеть горящие глаза новичков все равно было невыносимо. Так что он просто напился вместе с двумя рекрутами, славные оказались парни. Поэтому последнюю Дунканову добычу разглядел лишь когда та сама нашла его. Занятная барышня. Именно "барышня" — десятки поколений высокородных предков прямо-таки были начертаны на тонком породистом лице огромными рунами. Да и глядела она так, что Алистер, будучи на самом деле выше на полторы головы, впервые в жизни ощутил, что ему явно не хватает роста.

— Тейрна Кусланд, — представилась она.

Алистер усмехнулся. Видывал он подобных... как быстро слетала спесь, когда они понимали, что в ордене на былые звания всем наплевать.

— Кажется, ты слишком юна для этого титула.

— Пока не будет подтверждено, что мой брат жив, я наследую Хайевер. И титул.

— А Дункан не предупредил, что среди Стражей ни происхождение, ни звание не имеют значения?

— Нет. Но это неважно. Можно сделать вид, что за твоей спиной нет поколений славных предков, но сами предки и долг перед ними никуда не исчезнет. Кровь есть кровь.

Алистеру стало интересно, как повела бы себя эта высокородная зазнайка, расскажи он о собственном происхождении. Впрочем, это он тоже видел. И смотреть на то, как на лица наползает угодливая маска тоже было противно. Так что пусть лучше не знает.

— С остальными знакома?

— Да. Если можно назвать знакомством беседу с двумя... нет, пожалуй, что уже с тремя похмельными типами. Один из вассалов эрна Гейрина, род захудалый, земель почти нет, сбежал в орден от беременной жены, и, похоже, сделал ей большое одолжение. Зачем женщине такой заботливый супруг. Второй — голодранец из Денерима. Третий похмельный тип стоит сейчас передо мной, и про него я пока не знаю ничего, кроме того, что на его чересчур похожем на... неважно, довольно известная персона... настолько похожем, что даже странно слышать о том, что происхождение не имеет значения... аристократичном, хоть и опухшем с похмелья лице слишком откровенно видно, как я обладателю этого лица не нравлюсь.

Алистер хватанул ртом воздух. Заставил себя снять пальцы с рукояти меча.

— И правда. Очень не нравишься. Не люблю девчонок, которые с утра успевают напиться и несут околесицу.

Она улыбнулась:

— Что взять с глупой бабы? Его величество на сегодняшней аудиенции обещал мне справедливый суд над убийцей моей семьи. Вот я на радостях и болтаю, что попало.

— Врешь. Никто не пустит к королю девку с улицы.

— Девку с улицы — не пустят. И безродного серого стража тоже. Но я — Элисса Кусланд.

— Если твой норов фамильный — немудрено, что до семьи добрались убийцы. Как саму-то во младенчестве не придушили? Я бы не удержался.

— К моему счастью, от тебя это не зависело, — она снова улыбнулась. — Но мы теряем время. Дункан велел найти тебя и привести как можно скорее. Насколько я поняла, именно ты будешь нашей троице носы утирать. Может, расскажешь, чем так провинился?

— Наверное, тем, что не свернул тебе шею.

— Это легко исправить.

— Думаешь, не осмелюсь?

Элисса остановилась, нарочито медленно оглядела — Алистер прямо-таки шкурой ощутил, как ее взгляд задерживается на криво сросшемся носе, шраме через щеку, широких плечах.

— Думаю, осмелишься. Но это не имеет значения.

— То, что твой язык может тебя угробить — не имеет значения?

Она перестала ухмыляться, прямо глядя в глаза.

— Единственное, что имеет значение — это то, что моего отца убил человек, которого он всю жизнь считал другом. Моего отца, мать, невестку и племянника. И людей, которые присягали моему роду и защищали наш дом, пока могли. Единственное, что по-настоящему имеет значение — то, что тот человек еще жив.

Что ж, таких он тоже видел. Только что понесло ее в Стражи вместо того, чтобы поднять всю ближнюю и дальнюю родню — и намотать кишки мерзавца на его же шею? Впрочем, "мерзавцу" Алистер почти сочувствовал — если и правда в этой семейке все такие... глазастые и языкастые. Может, и правда, придушить, пока не пошла языком мести? Хотя — не поверят. Но о несчастном случае он, пожалуй, подумает. Если до того кто-то другой нож в спину не всадит.

— И как ты будешь мстить, со свернутой-то шейей?

— Ты прав. Приношу свои извинения. — Она как ни в чем не бывало повернулась спиной и зашагала по направлению к костру Дункана.

Алистер покачал головой. То ли он эту девицу все-таки убьет, то ли она начинает ему нравиться.

Дункан заливался соловьем, новобранцы слушали, Алистер откровенно скучал. Все то же самое можно было уложить в дюжину слов.

— Вам все понятно?

Парни закивали.

— Принести три склянки с кровью порождений тьмы и архив Серых Стражей. — по-армейски четко сказала Кусланд.

— Именно. Ступайте. Алистер за вами присмотрит.

Алистер хмыкнул. Присмотрит, еще как. Уж развлечься ему никто не помешает.

Новобранцы остановились перед воротами, глядя на Стража точно птенцы на мамку, только что рты не пораскрывали.

— Ты, — он ткнул пальцем в девушку. — Командуй.

— С чего бы это? — спросила Элисса.

— Ну ты же из нас единственная высокородная особа, — ухмыльнулся Алистер.

Прищурился недобро, если не дура — поймет.

Она не отвела взгляд, хмыкнула углом рта.

— Если ты так ставишь вопрос...

— Именно.

— А я слышал, что среди Стражей неважны былые титулы, — сказал Давет.

— Правильно слышал.

— Тогда почему я должен ей подчиняться? — влез Джори. — Не буду.

— Вы оба будете ей подчиняться, потому что я так приказал, — отрезал Алистер. — Я буду ей подчиняться потому, что сам так решил. Еще вопросы?

Вопросов не было.

— Мы с Алистером впереди, Давет — следи за флангами, Джори прикрывает тылы, — сказала Элисса. Спокойно и уверенно, точно не ее только что обсуждали. Вперед.

— Не терпится увидеть, как я облажаюсь? — произнесла Кусланд едва слышно, когда Алистер пристроился за ее правым плечом.

— Угадала.

Она рассмеялась, весело и беззлобно, продолжать разговор не стала, чему Алистер только обрадовался.

Конечно, он вволю позлорадствует, когда девчонка ошибется. Но если не ошибется — именно из таких высокородных зазнаек часто вырастали толковые командиры. Привычка повелевать, впитанная чуть ли не с пеленок, приличное образование и отношение к низшим как к расходному материалу — весьма ценному, но все же — лишь материалу позволяли тем, кто поумнее, довольно быстро сделать карьеру. Сам Алистер в командиры не стремился, хоть Дункан и намекал не раз. Нести всю ту отеческую чушь, коей сам Дункан заботливо пичкал подчиненных, Алистер мог бы хоть с похмелья, хоть восстав из мертвых, но бестрепетно обменивать чужие жизни на некие высшие цели так и не привык. И не хотел привыкать. Хотя бы потому, что все высшие цели, которые он когда-либо в жизни видел почему-то всегда служили во благо кому-то конкретному.

Да и интересно посмотреть, почему Дункан завербовал в Стражи Элиссу Кусланд. С двумя остальными все было понятно — вид имеют лихой и придурковатый, оружием владеют прилично... для новобранцев, мечтают о высоких целях и отчаянно заискивают перед ним, Алистером. Если переживут посвящение, станут справными служаками. А эту за что? Не за язык ведь.

Он начал догадываться "за что" четверть часа спустя, когда из кустов на тропы вылетел волк, целя в горло самой легкой и хрупкой добыче. Только там, куда он летел, Элиссы уже не было, а миг спустя ее нож вонзился в мохнатый бок. Второго зарубил Алистер, точно так же, пропустив мимо себя и достав мечом с полоборота. Следующих трех зверей они тоже убили вдвоем, быстро и слаженно, словно уже не раз сражались вместе, так что Джори начал было роптать, что на его долю битвы не достанется. Правда, вся его жажда битвы иссякла, когда они набрели на останки отряда, уничтоженного порождениями тьмы. Тела казались совсем свежими, и, кажется, Джори впервые увидел, как на самом деле выглядит "сладостная и почетная" гибель на поле боя. Он метнулся в кусты, откуда раздались характерные утробные звуки. Давет застыл, побледнев. Элисса на миг остановилась. Потом за шкуру вытащила рыцаря из кустов, сопроводив замечанием о том, что блевать он может сколько влезет, но на

виду остальных, а то не ровен час, вылезет кто и сожрет, велела Давету приглядывать за бедолагой, а сама целеустремленно двинулась вперед, перешагивая через трупы. Прямоком к раненому, которого Алистер тоже углядел, но решил, что если бедолага до сих пор прожил, то пять минут его определенно не прикончат, так что сперва надо за Джори приглядеть. Порождений тьмы он не чувствовал, но и кроме них в Диких Землях много чего водилось.

Им пришлось вернуться в лагерь вместе с раненым, а когда наступило время идти обратно, Джори и Давет заартачились. Нет, они не против доблестно погибнуть в борьбе с Мором, но помереть, даже не пройдя посвящение? Алистер выслушал их с непроницаемым лицом, и обернулся к Элиссе — мол, ты за главную, ты и разбирайся. Демонстративно отшагнул в сторону. Та вернула ехидную усмешку, медленно и презрительно оглядела парней с ног до головы — Алистер готов был поспорить, что оба за считанные секунды успели вспомнить каждый изъян в собственной одежде и внешности.

— Кажется, во всей нашей троице, яиц нет ни у кого. Мне от рождения не полагались, а вас двоих создатель за что-то обделил.

Алистер решил, что защищать ее он не будет. Сама напросилась — пусть сама и расхлебывает. Только его помощь не понадобилась, — спустя миг Джори лежал носом в грязь, а Элисса, устроившись у него на спине и придерживая его неестественно задранную руку, неторопливо вешала:

— Крупные мужчины обычно тяжелы и неповоротливы... Алистер, я сказала "обычно", к тебе это не относится, уже всем понятно. И с тобой бы этот номер не прошел... Давет, я все вижу, не надо.

Давет отпустил рукоять кинжала, натужно улыбнулся. Элисса слезла со спины Джори.

— Вставай. И пойдём. Никто вас за яйца в стражи не тянул.

— Пристало ли так выражаться высокородной даме? — не удержался Алистер.

— Ты же сам сказал, что про титулы и звания надо забыть, — парировала та. — Пойдешь в арьергарде.

"И будешь прикрывать мне спину, если эти двое решат вдруг поквитаться", — подумал Алистер, а вслух сказал.

— Хорошо. Кто тебя учил?

— Матушка.

— Сильна матушка!

— Была сильна, — отрезала Элисса. — Если бы не она, я бы не прорвалась через замок к потайному ходу. Когда мы там очутились, отец уже не мог держаться на ногах, я была тоже не в лучшем виде, а до матушки не дотянулся ни один.

— Тогда почему "была"?

— Потому что она решила не покидать отца.

— А ты сбежала?

— Нет. Дункан скрутил и вытащил силой. Эти, — она небрежно кивнула в сторону товарищей, — неучи. Но с ним я справиться не смогла.

Она тряхнула головой.

— Ладно, что-то я разболталась. Пойдем. Надо ж притащить эту... кровь.

===== 2 =====

Эту... кровь они, конечно же, добыли. И даже без потерь — не считать же потерями царапину на ребрах Давета, сломанную ключицу Джори (а попали бы мечом вместо палицы

— там бы ему и лежать) и здоровенный синяк на холемом личике тейрны Кусланд. Причем синяком этим девушка обзавелась не в честной битве, а после приватной беседы с ведьмой Диких Земель.

Когда они обнаружили пустой тайник, а вместо договоров возникла девица в наряде, который больше демонстрировал, нежели скрывал, поначалу, растерялись, пожалуй, все. Но если Алистер больше всего обеспокоился тем, как бы не явить миру типично мужскую реакцию — а реагировать там определенно было на что, то Давет с Джори были заняты совсем другим.

— На ней хасиндские одеяния, — сказал Джори. — Сейчас кликнет своих, и как набросятся...

— Набрасываться нехорошо, — хмыкнул Алистер.

— Это же ведьма Диких Земель, — Давет осенил себя священным знаменем. — Вот окажемся мы у нее в котле, как пить дать.

— Насколько я помню, ведьмы предпочитают детишек, — ухмыльнулась Элисса. — И я их понимаю. Старый, некастрированный, вонючий... жеребец — такое разве что совсем с голодухи можно есть.

— Сама ты старая, — обиделся Давет.

Элисса расхохоталась, сделав знак остальным ждать, подошла ближе к ведьме. О чем они там говорили, мужчины не слышали. Элисса присела в реверансе, словно на ней был не доспех, а роскошное бальное платье — умеет, зараза, — восхитился Алистер, самому ему изящное обхождение так и не далось — впрочем, не очень то и хотелось. Спустя несколько минут Элисса обернулась:

— Я иду за договорами. Ждите меня, пока солнце не будет на ладонь выше верхушек деревьев. Если не появлюсь — значит, искать не надо. Некого. Все понятно?

Смотрела она почему-то на Алистера, и тот кивнул — понятно, мол. Он сам сказал, что командует Элисса, а она, командуя, не решилась вести своих людей, возможно, в ловушку — прекрасно зная, что если она не вернется, есть кому остальных довести до лагеря. Чего уж тут непонятного.

Вернулась Элисса куда раньше, чем начало опускаться солнце — с подпорченным личиком и выжженным клоком волос, под руку с Морриган. Прощаясь, девушки обнялись едва ли не по-сестрински, а то, что у ведьмы перья на одежде помяты, да пара весьма импозантных прорех в костюме появилась, заметил, пожалуй, только Алистер. Давет с Джори думали лишь о том, как бы поскорее вернуться в Остагар. Мало было порождений тьмы, после первой встречи с которыми простился с завтраком и Давет, а Элисса, когда рухнуло последнее чудище, медленно сползла наземь, опираясь спиной о кстати подвернувшееся дерево — так еще и ведьма. Оба они откровенно обрадовались, вернувшись за частокол. Элисса — поскольку Алистер так и не снял с нее командование — довела Давета и Джори до лекаря, отдала Алистеру склянки с кровью и документы, велев вручить Дункану, и исчезла, не сочтя нужным попрощаться.

Дункан потребовал подробный отчет, и Алистер отчитался — не скупясь на комментарии и характеристики. Дункан несколько раз одобрительно хмыкал, потом сказал.

— Теперь девушка еще выше нос задерет, это может добром не кончиться. Впрочем, она неглупа и умеет быстро подстраиваться под обстоятельства.

— Да выше уже некуда, точно тебе говорю, иначе просто небо носом проткнет, — Алистер помолчал. — Правда, что ты выволок ее из замка силой?

— Глупышка всерьез собиралась умереть рядом с родителями.

— Ты всегда говорил, что право на смерть — единственное, которое нельзя отнять у человека. Поэтому-то мы и уходим на Глубинные тропы, услышав Зов.

— Я помню, что говорил. Ей семнадцать, Алистер! Какая достойная смерть, только-только в куклы играть, поди, перестала.

Дункан зашагал по палатке. Места было не так уж много, и выглядело забавно — пара шагов туда, резкий поворот, пара — обратно. Только смеяться Алистеру почему-то не хотелось.

— Да, порождения тьмы — прекрасная замена оставшимся в замке куклам. Они так забавно дрыгаются, когда умирают. И выпускать кишки — достойное развлечение для только-только выросшей девочки. Неповторимый свежий воздух Глубинных троп, пешие переходы в полном вооружении, укрепляющие юный организм...

— Прекрати паясничать!

— Почему ты просто не отвез ее каким-нибудь родичам?

— С ума сошел? Упустить такой материал? Если все пойдет как надо, лет через пятнадцать из нее получится Страж-Командор. Я уже не увижу, ты, возможно, успеешь. Да и... Мор на носу, если уже не начался. Может статься, что в ордене девушке будет безопасней, чем где бы то ни было.

— О да, чем только не поступишься, ради блага дальнего своего. Порядочностью, например.

— Моли Создателя, чтобы тебе никогда не пришлось выбирать между порядочностью и благом людей, за чьи жизни ты в ответе.

Алистер усмехнулся.

— Я не устаю молить Его об этом с тех пор, как узнал о своем происхождении... Ладно, все ясно — великолепный потенциал, благо ордена, и прочее. Но я полагал, что все мы добровольцы.

— Алистер, ты давно не наивный юноша, каким был, когда мы познакомились. Что, по-твоему, такое — Право Призыва?

— Скажи мне только одно: пятнадцать лет назад...

— Из тебя не вышел бы хороший храмовник, и ты не хотел им стать. Это было очевидно с первого взгляда.

— Это было очевидно всем, кроме матери-настоятельница. Но что двигало тобой тогда — просто сострадание к несчастному мальчишке, или, — он хмыкнул, — нежелание "упустить такой материал"?

— Алистер... Я всегда относился к тебе как к родному сыну, хоть ты и не настолько младше меня.

— Ты молчал на полсекунды дольше, чему нужно было для того, чтобы поверить. — Алистер шагнул к пологу.

— Никто из нас не может позволить себе руководствоваться только состраданием. Мне жаль эту девушку. Но такие, как она, очень нужны ордену. И такие, как ты.

— О, да. — Кивнул Алистер. — Ради общего блага. Для спасения мира — ведь только мы стоим между ним и ордой порождений тьмы. Во имя будущего. Только, знаешь... все равно — противно.

Жаль, что у палатки не оказалось двери, которой можно было бы смачно хлопнуть.

Алистер сам не понял, почему ноги понесли его именно к палатке Элиссы. Не искать

же сочувствия у той язвы... которой, на самом-то деле, сейчас приходилось куда хуже. Ему случалось сталкиваться с предательством, и хоронить друзей доводилось не раз — таков уж путь воина, никуда не денешься. Но в один миг потерять и семью, и надежду на нормальную жизнь... Впрочем, нет. Когда Эамон отдал его Церкви, потому что молоденькая жена ревновала к воспитаннику, считая Алистера внебрачным сыном эрла...

Или просто тогда он был избалованным мальчишкой, воспринявшим отъезд из дома как изгнание из рая? В конце концов, все сложилось к лучшему, верно? Надо будет найти повод помириться с Эамоном, что ли. И с Дунканом он, наверное, был слишком резок. Чем бы тот ни руководствовался, в Церкви Алистер был как никогда близок к тому, чтобы наложить на себя руки, наплевав на грех перед Создателем. Он же тогда считал себя недостойным... такая честь выпала — служить Ему, являя Его волю вооруженной рукой — а он рыдал в подушку ночами, несмотря на то, что мужчины не плачут. Потом появился Дункан — и теперь у Алистера была семья, пусть и не по крови. Впрочем, по крови тоже — всех их роднила Скверна.

Задумавшись, он двигался совершенно бесшумно, по давней привычке человека, чья жизнь слишком часто зависела от того, кто успеет нанести первый удар, он или враг. Откинул полог палатки, не сообразив дать о себе знать — и мягко отступил обратно.

Надменная тейрна сидела на полу, уронив голову на прижатые к груди колени, и плечи ее вздрагивали.

Извиняться перед Дунканом расхотелось совершенно.

Спустя час, когда Дункан прислал слугу с просьбой собрать новобранцев на ритуал Посвящения, подходя к палатке Элиссы Алистер топал и сопел, как только мог.

Девушка высунулась из-за полога.

— В твоём роду случайно не было бронто?

— Они меня воспитывали.

— Тогда понятно. Что-то случилось?

— Дункан зовет. Пора проводить Посвящение.

Джори и Давет нервно перешептывались, Элисса стояла чуть поодаль. На лице не читалось ничего кроме холодной надменности, но Алистер почему-то не мог отделаться от мысли о королеве, идущей на эшафот.

— Присоединяйтесь к нам, братья и сестры. Присоединяйтесь к нам, сокрытым тенью, где мы бдим неусыпно. Присоединяйтесь, ибо на нас возложен долг, от которого нельзя отречься. И если вам суждено погибнуть, знайте, эта жертва не будет забыта. И однажды мы присоединимся к вам.

Алистеру не раз доводилось бывать на Посвящении, но сегодня древние слова ритуала показались насквозь фальшивыми и ненужными. Когда-то он был уверен — то, что новобранцам не говорят, в чем состоит Посвящение, и что отличает Стражей от нормальных людей — нужно и верно, иначе мало бы нашлось добровольцев. Потом это стало казаться неправильным — такого рода клятвы человек должен давать по доброй воле и сознавая, на что идет. Пусть желающих станет меньше — но это будут искренние, убежденные добровольцы. Сейчас больше всего хотелось развернуться и уйти, раз уж изменить происходящее он не в силах.

— Отныне и навеки, ты — Серый Страж.

Давет принял чашу, отпил, и спустя миг рухнул на колени, задыхаясь. Дернулся несколько раз, и затих.

— Прости, — сказал Дункан. — Джори. Твоя очередь.

Такое тоже случалось, и нередко. Сперва пугало, потом Алистер стал относиться к смертям на Посвящении как к неизбежному злу. Сейчас... Он выругался про себя. Да что с ним такое сегодня! Распустил сопли, как девчонка.

— Я не буду, — забормотал Джори, отступая. — Не буду... У меня жена... дома... ребенка ждет.

Дункан шагнул к нему.

— Не буду! — завизжал Джори, выхватывая меч.

Сознавал ли он, что самоубийство — кидаться с мечом на человека, как минимум вдвое старше, человека, который провел всю жизнь в битвах и по сию пору не растерял ни силы, ни ловкости. Скорее всего нет — потому что ни капли разума не оставалось на искаженном страхом лице. Кинжал Дункана вошел чуть левее грудины — от прямого удара не спасет ни один доспех — и спустя миг на земле замерло еще одно тело.

— Элисса...

Девушка, будто не слыша, присела рядом с Даветом, закрывая ему глаза.

— Ты так мечтал, что будешь Стражем...

Она покачала головой, касаясь лица Джори.

— Глупенький... Пусть будет милостив к тебе Создатель.

Распрямылась — под этим взглядом Алистер внутренне поежился, опуская левую руку на рукоять меча. Драться она не ползет — не дура, видела, чем это кончится. Но оружие... успокаивало.

Элисса медленно — очень медленно и плавно — вытянула из-за спины клинки, разжала пальцы.

— Я не просилась в Стражи. Убивайте.

И ведь не бравирует — понял Алистер. А что спина прямая и подбородок задран — так то повадка человека, с младенчества привыкшего повелевать.

— Твой отец обещал, что ты станешь Стражем, — сказал Дункан. — Наследная тейрна готова допустить, чтобы люди сочли, что его слово ничего не стоит?

— Любой суд скажет, что обещание, данное под давлением, не имеет силы. Ты вырвал у него это слово, обещав вывести меня из замка. Я бы сказала, что это называется "шантаж" — но как я могу подумать такое про представителя столь героического и славного ордена?

Алистер мысленно застонал. Все оказалось еще хуже, чем он думал.

— Что ж, дело твое. Обычно я говорю, что обратной дороги нет, но... передумала — так передумала. Правда, я не уверен, что и его величество не передумает, узнав, как ты себя повела сегодня. Кайлан, знаешь ли, боготворит Стражей.

— Ты не посмеешь!

— Если ты нарушила слово, данное ордену... кто поручится, что ты не солгала королю, опорочив доброе имя его верного слуги Рэндона Хоу?

— Дункан!

— Алистер, заткнись!

Элисса медленно покачала головой.

— Я этого не забуду.

— Отныне и навеки ты — Серый Страж.

Чаша выпала из рук, глаза девушки закатились, и она упала бы, не подхвати ее Алистер. Склонился к лицу — дышит. Создатель насмешник — наверное, для нее лучше было бы,

чтобы все кончилось по-другому.

Он обернулся к Дункану, все еще держа на руках обмякшее тело.

— Я чтил тебя, как отца.

— Со временем, ты поймешь, что я прав.

Отвечать Алистер не стал.

===== 3 =====

Он решил не дожидаться, пока Элисса очнется. Немного ей будет радости, едва придя в себя увидеть лицо врага — а в том, что девушка запишет его во враги заодно с Дунканом, Алистер не сомневался. Поэтому он просто оставил монетку эльфийке, одной из многих, прибившихся к лагерю в надежде на какой-никакой заработок, чтобы подождала, пока девушка очнется, и поухаживала, если той будет нехорошо. По большому счету, в этом не было никакой необходимости: не погибла сразу, значит, очнется живой и невредимой. Просто так ему будет спокойнее.

Наверное, надо было бы пойти к Дункану и высказаться. Не для того, чтобы переубедить: спорить со стальной уверенностью "со временем ты поймешь, что я был прав" бессмысленно. По большому счету — исключительно ради успокоения совести. Как же, не смолчал, осудил. Алистер выругался. Кому и чем это поможет? Если бы он вмешался на посвящении — смог бы что-то изменить? Спорить и уговаривать бесполезно. Попытаться остановить силой? Решился бы он поднять руку на наставника? Взялся бы Дункан за оружие, если бы Алистер попытался остановить его силой? Совсем недавно Алистер бы возмутился самой мысли — но сейчас ответ казался совсем неочевидным.

Ужасно хотелось напиться. Пятнадцать лет... даже не дружбы — слепого, щенячьего обожания, обрушились к гарлокам из-за почти незнакомой злоязыкой девчонки. Алистер готов был ее возненавидеть. Стражи ей, вишь, не милы. Великая честь, за которую многие готовы были отдать полжизни — а она нос воротит. И вообще, сама... он выругался снова. Действительно, как она посмела не позволить себя убить, вот ведь наглая девка.

Алистер проверил доспех — медленно и тщательно, подергал все ремешки, проверяя на прочность, отполировал все, что хотя бы теоретически можно отполировать — занятие совершенно бессмысленное, учитывая, что назавтра под вечер ждали орду порождений тьмы — и после боя, если он его переживет, доспех все равно придется отчищать полностью. Потом долго точил меч. Обычно это монотонное занятие успокаивало, но в этот раз не вышло. От смятения духа часто помогала усталость плоти — вымотаться так, чтобы не осталось сил гонять по кругу одни и те же мысли. Марш-бросок лиг этак на десять в полном доспехе и с оружием. Алистер представил, как он нарезает круги вдоль лагерного частотола и почти развеселился. Добросовестно поносил головы глиняным чучелам — не помогло, только есть захотелось. Алистер снова отчистил оружие и решил, что нечего голодным сидеть. И вообще, ребята, поди, потеряли уже, второй день носа к своим не кажет.

В шатре, который стражи сперва предназначили под столовую, а потом превратили в пивнушку, было шумно илюдно. Завтра с утра все будут сосредоточенно проверять и перепроверять снаряжение, которое, по большому счету и без того содержалось в идеальном порядке, ибо как не содержать в полной исправности то, от чего зависит твоя жизнь. Завтра люди потянутся за благословениям к святым матерям, а кто-то будет истово молиться у себя в шатре. Но это завтра, когда битва будет близка и неизбежна. А пока — нечего гневить

создателя, тревожась о том, чего изменить не в силах. Нужно жить, куда мы живы.

Алистер пошел вглубь зала, выискивая место ближе к котлу, аромат из которого заставлял желудок яростно бурчать. То и дело приходилось останавливаться, хлопать по плечу мужчин или обнимать девушек, отвечать шуткой на дружеские подколки.

— Иди к нам, место есть! — замахала рукой Рианне, эльфийка. Алистер взял у повара миску — от тушеного с олениной гороха шел пар — устроился рядом, не забыв чмокнуть девушку в щеку и приобнять за плечи ее соседку Камиллу.

— Рассказывай. Как там новенькие?

— Новенькая. Одна пережила Посвящение.

— Так почему ты ее к нам не привел? Дункан, ладно, занят, говорят, на королевском совете. А ты чего?

— Она еще не очнулась, когда я ее оставил.

— Ты что, бросил ее одну? — Рианне покачала головой.

— Да что случится?

— Мужики! — фыркнула эльфийка. — То, что человеку может быть плохо и одиноко после Посвящения и кошмара. — Она вздохнула. — Пошли за ней кого-нибудь, немедленно. После моего Посвящения рядом всегда кто-то был — знакомили с новой жизнью, поддерживали, и все равно мне было так одиноко, что порой казалось — лучше бы Дункан не спасал меня от виселицы.

Трактирная служанка, безродная "эльфка" осмелилась отпихнуть дворянина, распустившего руки. Тот был слишком пьян, чтобы устоять на ногах... а каминная решетка оказалась крепче черепахи. Что привело Дункана в зал суда — впрочем "зал" — громко сказано, видывал Алистер те "залы", которых удостаивались безродные и неимущие — и что побудило его вспомнить о Праве Призыва, знал только Дункан. Каким чутьем угадал в отчаявшейся девчонке великолепную лучницу, которой та стала через несколько лет?

— Пошли за ней немедленно, — вмешалась Камилла. — Алистер, иной раз ты просто медведь-медведем. — Сколько ей?

— Дункан сказал — семнадцать.

— Как у тебя вообще ума хватило бросить ребенка одного?

Алистер отхлебнул пива:

— Этот "ребенок" может довести до белого каления самого Архидемона.

— Ты наверняка преувеличиваешь. Кто она?

— Аристократка из Хайевера. Тебе понравится.

Камилле пришлось оставить орлейский двор после ошибки в Игре. Оставить спешно, бросив имение и ценности — жизнь дороже, фыркала она, рассказывая о том времени. Что сподвигло надменную аристократку просить убежища именно у Стражей не знал никто, кроме Дункана, который привел ее в орден.

— Хорошенькая?

— Говорю же, тебе понравится, — хмыкнул Алистер. — Правда, не уверен, что она разделяет твои постельные пристрастия.

— Не спросишь — не узнаешь, — пожала плечами Камилла.

— И не получишь по морде.

Было дело, когда Камилла попыталась слишком настойчиво поухаживать за новенькой. Крестьянской девке, подавшейся в Стражи после того, как в голодный год перемерла вся семья, изыски аристократов оказались недоступны. И едва сообразив, что, собственно, от

нее пытаются добиться — надо сказать, что времени на это ушло порядочно — вlepила оплеуху. Рука у привычной к работе крестьянки была тяжелая, Камилла потом неделю возилась с примочками.

— Оставьте ее в покое, — сказал Алистер. — Там... Право Призыва.

— Ты же тоже — по Праву Призыва, — сказала Рианне.

— Дункан не мог по-другому меня забрать, а сам я не хотел оставаться в Церкви. С ней, похоже... все очень плохо.

Девушки переглянулись.

— Тогда надо найти Керана. Чтобы поговорил и помог...

— А то выйдет, как с Орной.

— Постойте... — Алистер отставил кружку. — Керан? Наш Керан? А кто — Орна?

— Я все время удивляюсь, как ты в упор не видишь того, что знают все, — сказала Камилла. — Впрочем... сам Керан о ней никогда не говорит, а мы не напоминаем. — Это было, когда вы карты Глубинных троп составляли. Орна — сестра Керана, Дункан их привел по Праву Призыва.

— Она магичкой была, — вмешалась Рианне. — Отступница. И когда храмовники везли ее в Круг... Керан был готов попытаться отбить ее силой. А Дункан как раз тогда искал новобранцев, как уж они разговорились — ему лучше знать...

— И поставил условие, — Алистер отодвинул тарелку.

— Так ты знаешь?

— Догадался.

Снова захотелось выпить. И не уйти ведь теперь, придется дослушивать.

— Орна прошла Посвящение... А через две недели удавилась, оставив записку — мол, она не просила, чтобы решали за нее. И одна тюрьма ничем не лучше другой, по крайней мере, в Круге она могла бы рассчитывать на мирную жизнь и покойную старость. Керана тогда срочно перевели в Вал Руайо, вернулся он уже при тебе... Но эту историю при нем никто не вспоминает. Ее вообще стараются не вспоминать.

— Так что пошли за ней, — сказала Рианне. — Если все так плохо, как ты говоришь, нужно, чтобы кто-то был рядом.

— Сам схожу, — поднялся из-за стола Алистер.

— Тогда и мы с тобой.

Эльфийка, которой Алистер оставил монетку, до сих пор сидела у палатки. Она сказала, что "госпожа" очнулась давно, потом пришел Дункан и увел ее "на совет к королю".

— К королю? — переспросила Рианне. — Ты ничего не путаешь?

— Нет, госпожа.

— Постой-ка... — вмешалась Камилла. — Семнадцатилетняя аристократка из Хайевера, ты сказал? Неужто сама младшая Кусланд?

По старой привычке она до сих пор знала все знатные семьи — теперь уже Ферелдена — следила за придворными сплетнями, непонятно, каким чудом узнавая их, в какие бы отдаленные уголки ее не заносило. словно это было последней ниточкой, связывающей с прежней жизнью.

— Ее зовут Элисса, — сказал Алистер.

— Угу... Кого он приведет следующим? Побочного сына Мэрика-Освободителя, последнего потомка Каленхада Великого?

— Завидуешь, что появился кто-то знатнее тебя?

Камилла покачала головой.

— Серые Стражи Ферелдена уже однажды вмешались в политику. Кончилось это очень плохо для ордена... Идут.

Дункан выглядел задумчивым и уставшим.

— Позвольте представить вам Элиссу, нашу новую сестру.

Девушка поклонилась, и Алистеру на миг померещились шелка и драгоценности. Он увидел, как распрямились плечи Камиллы, как замедлились, наполнившись изяществом, движения и понял, что почудилось не только ему.

— Я украду у вас Алистера ненадолго, — сказал Дункан.

— Можешь и надолго. Мы тут пока чисто девичьей компанией пошепчемся, — сказала Камилла, обнимая Элиссу за талию.

Алистер послушно зашагал к палатке Дункана.

— Завтра, когда все начнется, вы с Элиссой отправитесь в башню Ишала. Подниметесь на вершину. Когда увидите, что порождения тьмы увязли в сражении и строй смешался — зажжете маяк, чтобы резервные отряды могли атаковать с фланга. Все ясно?

— Постой... вы там будете драться, а два серых стража будут торчать на верхушке башни, чтобы сделать то, на что способен любой слуга старше десяти лет от роду?

— Незачем бросать новобранца в самую гущу битвы.

— Я видел, как она дерется. В чем настоящая причина?

— Это личная просьба короля.

— Чтобы маяк зажгла тейрна Кусланд? А я должен приглядывать, чтобы не сбежала под шумок?

Дункан промолчал.

— Или дело не столько в ней, сколько во мне?

— Алистер, повторяю. Это личная просьба короля. И завтрашний бой — не первый и не последний в твоей жизни. Не думал, что ты будешь рваться в драку, словно зеленый юнец.

— В драку я не рвусь, как и любой нормальный человек. Я просто хочу быть там, где я на самом деле нужен.

— Значит, смиришься с тем, что ты нужен именно на вершине башни. Приказ ясен?

— Да уж куда яснее... И, кажется, я знаю, почему ты выбрал именно меня присматривать за девчонкой.

— Потому что она тебя знает и доверяет, очевидно.

Алистер усмехнулся:

— Дункан... возможно, я до сих пор слишком наивен и легковверен... но я далеко не дурак. Так что... не трудись. Да присмотрит завтра за тобой Создатель. — Он развернулся и зашагал в темноту.

— Да присмотрит он за всеми нами, — донеслось в спину.

Оглядываться Алистер не стал.

===== 4 =====

Алистер был уверен, что Элисса опоздает — было уже за полночь, когда он вернулся к себе, а рядом с палаткой девушки еще горел костер и слышались голоса. Разгонять "девичник" Алистер не стал — нянчить велковозрастных дитятей он не нанимался. Их с Элиссой задание опасным не выглядело, может приходить хоть спроне, хоть с похмелья,

а Рианна с Камиллой девочки большие, меру знают.

Но Элисса пришла вовремя. А рядом с ней трусил здоровенный мабари.

— Где ты его взяла? — спросил Алистер вместо приветствия.

— Это Пончик. Я его вырастила.

— Это — что? — надо ж было додуматься так обозвать боевого пса.

— Не "что", а "кто". Пончик. Мой пес. — Она улыбнулась, потрепала мабари по холке. — Когда мне его принесли... в корзинке, он был маленький, пухлый и мягкий. И шерсть видишь, какая, золотистая. Поэтому — Пончик. Ему нравится.

— А где ты его прятала все это время? — Алистер зашагал к мосту. Поговорить можно и по дороге.

— Попросила пса приглядеть. В самый первый день. Они с Пончиком друг другу понравились.

Пес и правда был великолепен — крупный, широкогрудый, с огромными сильными лапами. Под лоснящейся шерстью играли, переливаясь, мышцы.

— Псарь сказал, что когда мабари рвут порождений тьмы, они волей-неволей глотают кровь, и потом болеют и умирают от Скверны. Поэтому я его вчера с собой не взяла. А сегодня, — она усмехнулась, — мне обещали прогулку с факелом. Пусть разомнется.

Вокруг сновали люди, кто-то что-то кричал — обычная суета перед боем. Потом хаос замрет ненадолго идеальным строем, прежде чем разбушеваться вовсю.

— Так-таки прогулку?

Элисса пожала плечами.

— Башня занята солдатами тейрна Логейна. Сама она, насколько я помню планы, стоит в глубоком тылу по отношению к предполагаемой линии сражения. Может, конечно, все пойдет наперекосяк... но тейрн считает, что его солдаты прекрасно бы справились сами. Его величество, насколько могу судить, с ним согласен — иначе бы он попросил отрядить не двоих Стражей, один из которых зеленый новобранец.

— Так это правда была личная просьба короля?

— Чтобы огонь зажгли Серые Стражи — да. Чтобы одним из них была я — тоже. — Элисса снова неподражаемо передернула плечами. Не Дункана же туда посылать, а больше никого в лицо Его Величество, похоже, не знает. Он и меня не знал бы, не прорвись я на аудиенцию.

— А я-то думал вы там, наверху, все друг друга знаете, — не удержался Алистер. — "А, это двоюродная кузина троюродного дедушки третьего мужа сватьи, конечно-конечно, очень милая девочка".

Элисса рассмеялась.

— Ну конечно, он знает, кто такая Элисса Кусланд. Меня даже ему представляли — после коронации. "Тейрн Брайс Кусланд с супругой тейрной Элеонорой и их чада...", — ее улыбка померкла. Девушка мотнула головой, и продолжила: — Ну и узнал бы ты человека, которого видел ребенком, раз в жизни, пять лет назад, в очереди одинаково расфранченных дворян?

Теперь рассмеялся Алистер. Мимоходом подумал: до чего легко течет беседа. Он ожидал если не открытой ненависти, то, по крайней мере, настороженности, а девушка болтала с ним, точно с давним приятелем. Смирилась? Девчонки ночью объяснили, что к чему? Ой, вряд ли. Но разбираться не хотелось. Со временем все само выяснится — так или иначе. Он как раз собирался спросить, как Элиссе показался король — любопытно же! —

как впереди грохнуло.

Алистер помимо разума толкнул девушку к ближайшему дереву, закрывая всем телом. Вокруг посыпались камни. Мабари возмущенно залаял.

— Что это? — прошептала Элисса, едва он отстранился.

— Катапульти порождений тьмы.

— Они же неразумны!

— Неразумны. Но до катапульти додумались.

Алистер посмотрел на мост, что простирался перед ними. Кажется, порождения тьмы решили пристреляться именно по нему. Но другого пути к башне не было.

— Так. Прогулка закончилась, — он взял девушку за руку. — Сейчас по мосту — вместе. Я бегу — ты бежишь. Я падаю — ты падаешь. Ясно?

— Ясно. — Она вцепилась в его ладонь. — Пончик, делай, как я.

Мабари гавкнул.

— Пошли, — крикнул Алистер и рванулся вперед.

Несколько мгновений безумного бега, когда сердце колотится об ребра и отчаянно не хватает воздуха. Упасть, прикрывая руками голову — рукой, вторая не выпускает девичью ладонь. К плечу прижимается мохнатый собачий бок, часто-часто дыша. Чуть ниже лопатки ощутимо прилетает чем-то тяжелым, но доспех держит, хвала Создателю. Дождаться, пока с неба перестанут падать камни, перемешанные с огнем, снова рвануться...

Он выпустил руку ЭлиССы лишь когда мост остался далеко за спиной, растворившись среди деревьев, а впереди сквозь стволы начали виднеться стены башни. Девушка рухнула на четвереньки, тяжело дыша. Алистер присел рядом, приобняв за плечи.

— Я тебе руку не вывихнул?

— Нет... — она повела плечом, поморщилась. — Кажется, нет. Но даже... если бы и... неважно. — Она медленно поднялась, опираясь о ствол дерева. — Спасибо.

Алистер кивнул. Подождал немного.

— Идти можешь?

— Должна — значит, смогу. — Элисса оторвалась от ствола, пошатнулась. — Полминуты.

Она торопливо провела ладонями по шкуре мабари, ощупывая пса быстро и ловко.

— Цел. Пошли.

— Пош... — Алистер замер, предостерегающе выставив ладонь. Элисса послушно застыла рядом, лишь встревоженные глаза спрашивали, что случилось. Этого не могло быть. Неоткуда было здесь взяться порождениям тьмы. Неоткуда.

Но чутье подвести не могло.

И он уже не удивился, когда навстречу вылетели бледный до зелени солдат, маг с ободранной мантией, а следом за ними, рыча и гикая, явились порождения тьмы.

Алистер отпихнул за спину колдуна — в ближнем бою от чародея толку чуть, зато издали заклинаниями прикроет — если совсем от страха ума не лишился. Рывкнул на солдата так, что тот позеленел еще сильнее, но послушно развернулся. Отстраненно и совершенно нехотая подумал, что холеная барышня от таких слов должна бы чувств лишиться, а она, поди ж ты, уже и кинжалы свои держит, и рвется куда-то... куда поперек батьки в пекло, я сказал! Пончик... Молодец, Пончик, соображает. Девчонка тоже соображает, на рожон не лезет, а вот пырнуть чудище в спину, пока то занято им, Алистером, не гнушается. И... так его, по яйцам, хотя если задуматься, зачем они гарлоку...

Создатель, почему вечно в бою всякая чужь в голову лезет! Колдун, твою мать аккуратней огнем плевать надо. Последний... Кажется, все.

Он остановился, переводя дух. Элисса медленно опустила клинки — с ног до головы в черной крови, глаза ошалевшие.

— Тот, кто обещал тебе прогулку, бессовестно врал, — сказал Алистер. — Цела?

— Вроде... Я ему скажу, все, что об этом думаю. Позже.

— Непременно, — Алистер огляделся. — Ты и ты... Идете с нами.

— Вы с ума сошли... — Маг тяжело оперся о посох. — Башня кишит порождениями тьмы.

— Это не имеет значения, — сказала Элисса. — Маяк нужно зажечь.

— Но...

— Там, — она ткнула большим пальцем за плечо, — те, с кем ты вырос в Круге. — Можешь считать, что все они мертвы и знать, что это твой страх их убил. Или идти с нами, и зажечь маяк, чтобы его — она указала на солдата — соратники знали, когда ударить.

Чародей перевел взгляд с нее на Алистера, уставился на герб на щите, с трудом различимый под черной кровью.

— Серые Стражи?

— Да, — сказал Алистер. — Пойдем. Держись сзади и колдуй — это у тебя здорово получается.

— Я тоже с вами, — сказал солдат. Прозелень медленно исчезала с его лица.

— Разумеется. Вперед.

Они прорывались. Ярд за ярдом, этаж за этажом. Щит становился все тяжелее. Мабари обзавелся подпалиной на боку, Элисса щеголяла здоровенной ссадиной на лице — аккурат поверх синяка, оставленного ведьмой, незнакомый солдат — некогда было представляться по всей форме — прихрамывал, а сам Алистер старался не замечать боль в ребрах, по которым угодила палица. Он прислонился к стене перед лестничным пролетом, позволив себе миг слабости.

— Откуда эти твари поналезли? Их здесь в принципе быть не должно.

— Наткнемся на следующих — скажи, что они зданием ошиблись, — хмыкнула Элисса, размазывая по лицу кровь — красную вперемешку с черной.

— Думаешь, извинятся, и уйдут?

— Да кто их знает... но попробовать можно. Ты этажи считал?

— Да. Там, наверху — последний. Костер.

Он заставил себя отлепиться от стены — и так и застыл в дверном проеме.

Чудовище насыщалось. Огр, ростом, наверное, с трех взрослых мужчин, сидел спиной к ним, рыгал и чавкал, засовывая еду в пасть обеими руками. Поймать бы мастера, который сделал в башне такие высоченные потолки и огромные двери... ведь не с неба это чудовище сюда свалилось.

Элисса сунулась в дверь под мышкой Алистера, сипло вздохнула и шарахнулась обратно. Остальные топтались позади — хвала Создателю — почти бесшумно. Даже Пончик, и тот молчал.

Алистер отшагнул назад, пальцем поманив мага. Прошептал:

— Вон там, у стены — куча дров, видишь? Сможешь огнем плюнуть, так, чтобы этого не задеть?

Колдун кивнул.

— Тогда давай. — Смотреть, как там внизу идет битва, смысла не было — они и без того непростительно запаздывали с сигналом, и Алистеру не хотелось даже думать о том, во что это обернется для тех, кто сражается внизу. — А потом — ходу, пока это... не поняло, чьих рук дело.

И в этот миг чудовище обернулось. Алистер выругался — уже вслух, и рванулся навстречу, отшвырнув бесполезный против этакой громадины щит.

— Зажигай огонь! Все остальное — потом!

Над плечом полыхнуло, сгусток пламени влетел в разложенный костер.

— А теперь уходите — все!

Все-таки не зря он тут оказался. Жаль, с Дунканом простились не по-людски, ну да что ж теперь... Много было тех, с кем так и не получилось проститься, ам теперь, похоже, его черед...

Додумать и преисполниться подобающей торжественности Алистер не успел. Потому что наглая девчонка, проигнорировав приказ, рванула следом, а за ней полетел пес.

— Катись отсюда к... собачьим! — выдохнул Алистер.

— Сам катись. Хоть бы одна зараза спросила, хочу ли я, чтобы меня спасали такой ценой. — Элисса отступила туда, где сполохи пламени мешались с тенью, норовя зайти к чудовищу в тыл.

— Ты же не просилась в Стражи, — рявкнул Алистер, как можно громче — чтобы огр не успел оглядеться. — Вот и уноси ноги.

— Был бы вместо тебя Дункан — непременно унесла бы, — хмыкнула она, примеряясь к сухожилию чудища. Клинки мелькнули, огр взвыл... царапина. Туда бы топор...

Солдат Логейна, до сих пор стоявший столбом, поспешил к ним.

— Я тут не справлюсь. Меняемся.

Она завопила нечто совершенно непотребное о нравах и обычаях огровых родичей, перебирая их до седьмого колена, попутно обвинив само чудище в грехе, анатомически едва ли возможном. Это ж где благородных дам учат так выражаться? Вряд ли огр понял хотя бы половину, но послушно оставил в покое Алистера, и занялся другой целью — мелкой, шумной, и докучливой, точно слепень. Алистер ударил — удачно. С другой стороны успел логейнов воин. В морду чудища влетел огненный шар, и пока огр визжал, схватившись за глаза, Алистер добрался до сухожилий под коленом, чудом увернувшись от здоровенной пятки метнулся к другой ноге. Чудовище рухнуло, вызвав небольшое землетрясение, Алистер с Элиссой успели почти одновременно: он — к горлу, она — к глазам.

— Снизу новые лезут! — закричал маг.

Алистер выпрямился, поминая всех гарлоков разом, когда что-то загрохотало и стало темно.

===== 5 =====

Алистер сидел на краю озерца, больше напоминавшего болото, и увлеченно и вдохновенно жалел себя. Больше все равно было нечего делать. Элисса лежала без сознания: обе ведьмы, старая и молодая, утверждали, что она поправится, но когда именно, сказать не могли. У самого Алистера голова оказалась покрепче, но особой радости ему это не прибавило.

Сначала он не поверил Морриган, потребовал, чтобы его отвели на поле битвы, чтобы

увидеть собственными глазами. Увидел. Насмотрелся на всю жизнь. Морриган презрительно кривила губы, пока он бродил среди тел, узнавая и не узнавая тех, с кем делил кров, хлеб и саму жизнь. А вот со смертью — не вышло. Керан, всегда такой спокойный, с мягкой полуулыбкой и вечным "все так или иначе случится по воле Создателя, так к чему переживать?" Пышечка-хохотушка Ниссэ. Олофер, жесткий и надменный, они вечно грызлись друг с другом из-за какой-то ерунды. Камилла... Надо было бы похоронить их всех, как подобало — но во всей округе не хватило бы леса для погребального костра. Тело Дункана он не нашел, но искал, пока не свалился без чувств — как и предупреждала ведьма, он был еще слишком слаб для подобных прогулок. Очнувшись во второй раз в хижине на болотах, Алистер уже никуда не пошел. От кровати Элиссы его прогнали, так что всех дел и оставалось, что сидеть у воды, слушать, как кричат птицы в камышах, и перебирать в памяти лица тех, кто уже никогда не хлопнет по плечу, не ответит подколкой на шутку, не сядет рядом с кружкой пива, не... Слишком много набиралось этих "не", так что он даже на миг малодушно позавидовал Элиссе, для которой все они были просто безликой толпой Серых стражей — и тут же осознал, что совсем недавно ей довелось пережить ровно то же самое, и у нее хватало выдержки на то, чтобы шутить и даже смеяться. Что ж, не всем дано такое самообладание — Алистер был готов завывать в унисон с волками, бродившими ночью по этим болотам. На лице молодой ведьмы при виде него неизменно возникало презрение — но Алистеру было наплевать. Вот только девчонка...

Он как раз снова подумал о том, что если Создатель и впрямь милосерден, то он не позволит ей очнуться: два раза подряд одно и то же явный перебор, когда его окликнул знакомый голос.

Каким чудом она держалась на ногах, Алистер так и не понял. Бледная, висок выбрит, уже порозовевший рубец перехвачен швами. Глаза, обведенные уже пожелтевшими синяками, которые случаются от сильного удара по голове, ввалились, губы в трещинах и корках, в ворота ставшей слишком просторной рубахи торчат ключицы. Лучше бы ей полежать еще хотя бы несколько дней, а еще лучше — и вовсе не очнуться. И все же Алистер эгоистично обрадовался тому, что снова не один.

— Алистер... это правда?

Алистер хотел было поиграть словами, уходя от ответа, но это оказалось малодушным и недостойным... да и слов, по правде говоря, не осталось. Поэтому он просто молча кивнул. Прикусил губу — невыносимо было видеть, как опустились, сутулясь, плечи и разом помертвело лицо.

— Значит, Ферелдена больше нет.

О чем это она? Если верить ведьмам, Логейн сохранил войска, а орда порождений тьмы еще не... Алистер все же прокусил губу до крови, поняв: между Мором и людьми всегда стояли Серые Стражи. И не только потому, что все они были отменными воинами и умели чутать чудовищ. По большому счету, сразить рядовых порождений тьмы не так уж сложно. Но убить Архидемона мог только Серый Страж. Ордена больше нет. А значит, Орда безнаказанно прокатится по этим землям, и лишь дойдя до Орлея встретит тех, кто сможет остановить ее раз и... по крайней мере, до нового Мора.

— Я надеюсь... — голос девушки звучал еле слышно, — что Фергюс со своими разведчиками погиб в Диких Землях. Что он никогда не узнает про Орианну и Орена...

А потом рассмеялась зло и жестко, так, что Алистер вздрогнул.

— "Это будет битва, как в древних легендах. Король, скачущий с отважными Серыми

Стражами против мерзкого бога тьмы!", — ее голос упал до шепота. — Создатель милостив к его величеству. Он не увидит, что Мор сделал с его землей и людьми, которые ему присягали...

Она замолчала. Молчал и Алистер. Наконец, Элисса с видимым усилием подняла голову, распрямила плечи.

— Прости, что тебе пришлось это выслушать. Это было недостойно и неподобающе.

Она пошатнулась. Алистер подхватил девушку на руки. Торопливо опустился на бревно, на котором сидел до того, как пришла Элисса, устроил ее на коленях поудобней, обнял, баюкая.

— Не надо. Не надо так... с собой.

Она ткнулась носом ему в ключицу.

— Ты не понимаешь. Всего... сколько там времени прошло... Я думала, что самое страшное уже случилось. А оказалось — все еще хуже. И очень хочется просто отпустить вожжи и... просто свихнуться. Перестать сознавать.

— И все, что тебя держит — фамильный гонор, — мягко усмехнулся Алистер.

— Да... Родителям бы это не понравилось.

— Значит, не будем их расстраивать. — Алистер погладил ее по голове, стараясь не задеть свежий рубец.

Элисса помолчала. Потом подняла голову.

— Алистер... теперь уже, наверное, все равно, так что можно спросить... кем тебе приходился король Кайлан? Вы слишком похожи для простого совпадения.

— Любопытная. — Он легонько щелкнул девушку по носу. — Теперь, наверное, действительно все равно. Единокровным братом.

— Вот оно как... Выходит, ты теперь наследник... Только наследовать скоро станет нечего.

— Да упаси Создатель, — не на шутку испугался Алистер. — Видал я ту корону... Надеюсь, ты не начнешь трепать об этом на каждом углу?

— Кому рассказывать-то? Воронам? Да и... Серых стражей нет, Ферелден обречен.

— А вот это мы еще посмотрим, — сказал Алистер. Скорее, из чувства противоречия, нежели осознанно: просто признать, что все действительно кончено казалось невыносимым. Все, что угодно, только не сидеть, сложа лапки и ждать смерти. Если уж она неизбежна, тогда, хотя бы, надо поступить так, как подобает воину... Демоны его раздери, это "недостойно и не подобает", оказывается, заразно.

Элисса выпрямилась, озадаченно на него глядя.

— Ты серьезно?

— Я вижу здесь двух Серых Стражей.

— И что мы можем — вдвоем?

— Пока не знаю, — признался Алистер. — Разве что явиться пред очи Архидемона, бряцая мечами, и надеяться, что он умрет от смеха, глядя на это дело. Но мы что-нибудь придумаем.

— И, кажется, в этом я могу вам помочь, — раздалось из-за спины.

— Госпожа Флемет. — Элисса торопливо соскочила с колен Алистера и склонилась в поклоне. — Я не успела поблагодарить вас.

— Пустое, девочка, — усмехнулась старуха. — Отблагодарите, когда остановите Мор.

Она протянула Алистеру пожелтевшие листы пергамента.

— Морриган отыскала их на останках лагеря... по моей просьбе. Иногда перо дороже меча.

Алистер пробежался взглядом по строчкам, посмотрел на ведьму. Укладываться в голове прочитанное не хотелось.

— Что это? — Элисса потянула у него из рук пергамент.

— Кажется... это армия.

Элисса выхватила листы у него из рук, впилась взглядом в руны. Прочла один лист, другой, третий, снова вернулась к первому. Подняла совершенно ошалевшее лицо, улыбнулась:

— Что ж... поздравляю, ваше высочество.

— Еще раз так меня назовешь, и я утоплю эти бумаги в болоте.

Элисса стала очень серьезной.

— Алистер... Происхождение, кроме привилегий — множества привилегий, надо признать — предполагает еще и обязанности.

— Я — сын посудомойки, — осклабился Алистер. — Так что видал я и привилегии и обязанности... сама знаешь, где. Обещала не трепать языком, так не заставляй меня пожалеть...

Ему снова пришлось подхватить девушку на руки.

— И вообще, пойдём-ка, отлежишься сперва. Как говаривал Дункан "голодный, грязный и больной, ты труп вернее, чем герой". На ногах не стоит, а туда же — Ферелден спасать.

— Но...

— Он прав, девочка. Несколько дней ничего не решат. Или ты хочешь перечеркнуть все мои старания?

Элисса тихонько вздохнула.

— Я была не права. Приношу свои извинения.

===== 6 =====

Элисса уснула, едва Алистер донес ее до постели. Выйдя во двор, он тихо выругался. Нечем заняться? Да дел выше головы, стр-р-радалец хренов!

Собственный меч он привел в порядок в самом начале — скорее, по въевшейся в нутро привычке, нежели осознанно. Но клинками Элиссы все это время не занимался никто, и Алистеру заранее становилось дурно от мысли, во что превратилась за это время сталь, покрытая едкой кровью чудовищ, и сколько сил понадобится на то, чтобы вернуть ее в приличный вид.

Потом настал черед доспехов. Ведьма, невесть каким образом вытащив их из рушащейся башни, умудрилась даже не позабыть про Алистеров щит. Но отчистив и оглядев оба доспеха, Алистер снова ругнулся, и пошел просить у Морриган, которая, собственно, и вела хозяйство, шило и дратву — с металлом без инструмента все равно ничего не поделает. И еще тонкий шнур для силков.

И только собравшись в лес он сообразил, что все это время его, здорового — по крайней мере, последние несколько дней — мужика, кормили и обихаживали, а он и пальцем не пошевелил, чтобы как-то помочь. Дров хотя бы наколот, что ли... Так стыдно ему не было с тех пор, как одна из сестер застала взрослеющего ученика подглядывающим с дерева за женской купальней. Правильно Морриган рожицу кривила, ой, правильно.

Ставить силки Алистер научился еще в детстве, когда ходил в ночное с конюхами эрла Эамона. Сколько лет прошло, а помнится, как сейчас — и руки не забыли... Он как раз устраивал последнюю петлю, когда в кустах зашуршало. Распрячься Алистер не успел — в грудь ему ударило что-то тяжелое, уронило навзничь, вышибив дух, и захочешь крикнуть — не выйдет. Что-то мокрое и скользкое заелозило по лицу. Алистер, окончательно ошалев, бестолково рванулся, кое-как сбросив с себя чудовище, потянулся к мечу. Чудовище радостно загавкало.

— Живой, зараза этакая! — восхитился Алистер. — И нашел ведь! Пойдем, провожу в хозяйке.

Пес слегка осунулся — если можно сказать так про мабари и обзавелся парой свежих шрамов, но в целом выглядел сытым и довольным жизнью. Почему так, Алистер понял уже через несколько минут, когда мабари, не останавливая ровной трусцы, кляцнул челюстями, молниеносно нагнувшись к земле, и довольно зачавкал. Алистер хмыкнул, глядя, как в пасти исчезает мышинный хвост:

— Да, с твоей кормежкой точно забот не будет. А для хозяйки ты охотиться станешь?

Мабари гавкнул, то ли соглашаясь, то ли протестуя, и развивать тему Алистер не стал. Все-таки боевой пес, не охотничий. Сам себя голодом не уморит, и то хорошо.

Элисса сидела на завалинке, подставив солнцу лицо. Алистер подумал, что если и так дальше дело пойдет, благородную леди будет от крестьянки не отличить — черная да худющая. Потом он заметил, что пока его не было, девушка сбрила остатки волос. Многие женщины-Стражи поступали так же — в походе с косами слишком много хлопот, и эта, с прозволенья сказать, прическа, разом сделала Элиссу "своей". Додумать Алистер не успел. Пончик рванулся вперед, вертя обрубок хвоста так, словно пытался на нем взлететь, и лая во всю глотку. Спустя миг радостный лай сменился не менее счастливым женским визгом, и пес вместе с хозяйкой покатались по траве хохоча, сопя и гавкая.

— Где ты его нашел? — спросила Элисса, не торопясь подниматься и выпускать из объятий Пончика.

— Это он меня нашел.

Девушка подозрительно шмыгнула носом, торопливо отвернулась. Пес вывернулся из девичьих рук и заскакал вокруг, не забывая гавкать.

— Вы меня с ума сведете, — раздался капризный голос Морриган. — Где ты откопал это слюнявое чудовище?

— Сама ты чудовище... в перьях, — обиделась Элисса. — Это мой мабари.

— А. Если ты собираешься оставить его, предупреди: увижу, что он гоняет моих кур, превращу в жабу.

— Морриган, если ты в самом деле хочешь, чтобы он не трогал твою птицу... и прочую живность, выражайся яснее. А то он решит, что можно гонять кур, пока ты не видишь.

— Сама воспитывай своего пса. Я предупредила.

— Понял, Пончик?

Пес гавкнул.

Алистер хмыкнул, и пошел на задний двор, где стояла поленница.

В силки попались несколько зайцев. Алистер отдал их Морриган, взамен попросив, если есть, выделанной кожи. Кожа нашлась, и весь следующий день он провел на завалинке, приводя в более-менее сносное состояние доспехи и латая стеганый поддоспешник. Он почти не удивился, когда Элисса устроилась рядом с иглой и домотканью. Только спросил:

— Неужто Морриган расщедрилась?

— Я заплатила. В поясной сумке немного денег было... Привыкла всегда с собой брать, когда не дома, тогда вроде и ни к чему было, а пригодились.

— Ясно. Мне заплатить нечем, но если останется — дашь в долг?

Надо бы хоть одну рубашку пошить, а то в этом доме на болотах они оба очутились "в чем есть", если выходить в путь, имея только одну нательную рубаху, что на себе, завшивеет еще не дойдя до Лотеринга. Сейчас она висела, свежeweыстиранная, на веревке, а сам Алистер щеголял голым торсом, благо, тепло, но долго так не проходишь.

— Да ладно, чего там считаться... Я взяла только на себя, закончу — попрошу у Морриган еще, чтобы тебе хватило. Сам-то с иглой управляться умеешь?

— Ни храмовникам, ни серым стражам личных белошвеек не положено. Так что управлюсь уж как-нибудь.

— Хорошо. — Она разгладила ткань на коленях, оцениваяоце разглядывая шов и продолжила работать иглой.

— Пойдешь силки проверять — возьми с собой. Надо веток набрать, мясо закопчу.

— Осилишь?

— Морриган с Флемет надо мной колдуют, так что сейчас вообще чувствую себя здоровой, хоть сейчас в дорогу. Но, думаю, пару дней еще тут проживем, собраться надо.

— Я не о том, — что Элисса чувствует себя куда лучше, Алистер видел и сам, как и то, что без магии тут явно не обошлось. — Ты готовить-то умеешь?

Она рассмеялась:

— Ну конечно, знатная белоручка. Я много чего умею, Алистер, как и большинство женщин нашего круга. Просто многое уметь — не обязательно многое делать самой. Но как разумно распорядиться хозяйством, если не знаешь, сколько щелока и жира нужно взять, чтобы сварить мыло, которого хватит всем домочадцам и слугам хотя бы на пару месяцев? Как знать, сколько мяса со свежего забоя можно сразу отдать на кухню, а сколько пустить на солонину, если не умеешь готовить? Как быть уверенной, что ключница не приворовывает, если не знаешь, куда, когда и что именно нужно в хозяйстве?

— Я тоже был уверен, что умею готовить, — хмыкнул Алистер. — Ровно до тех пор, когда в первый раз пришлось.

— Я не говорю "уверена". Я говорю "умею". Правда, терпеть не могу. И шить-вышивать тоже.

На взгляд Алистера, получалось у нее довольно ловко.

— Ну вот, а я уже размышлялся, что в долгом-долгом пути кто-то будет меня кормить и латать одежду, пока я буду валяться у костра. А то вдруг враги — а я уставший.

— Разве я могу запретить тебе мечтать?

— И на том спасибо. Кстати... ты умеешь плести морды? Я вчера приглядел ручей, в котором определенно была рыба.

— Нет...

— Ну хоть что-то я могу из того, чего не умеешь ты, — Алистер отложил залатанный поддоспешник и потянулся.

— Я не умею чинить доспехи, добывать дичь... Даже на охоту ни разу не ездила. Колоть дрова не умею. Так что можешь не переживать — твой авторитет старшего не пострадает.

Алистер вздохнул.

— Знаешь... если начистоту — я бы дорого дал за то, чтобы не быть "старшим". Чтобы

просто выполнять приказы — как всегда.

Элисса опустила на колени шитье, посмотрела пристально и оценивающе.

— В башне ты был очень хорош.

— Не волнуйся, сваливать все на тебя я не намерен, — ответил Алистер на повисшее в воздухе. — Но сама же сказала, — помечтать-то можно.

Он унес починенное в дом, натянул волглую рубаху.

— В лес не передумала?

Они вышли в путь через два дня: с добрыми запасами копченой рыбы и мяса в мешках, с отъевшимся за эти дни и совершенно счастливым Пончиком. И с Морриган в качестве проводника.

Нельзя сказать, чтобы ведьма обрадовалась, когда мать приказала ей сопровождать Стражей. Алистер тоже в восторг не пришел. Флемет была права — самим им из болот не выбраться. Но Морриган ему не нравилась — даже если забыть о том, что она отступница и ведьма. Она была надменной, самовлюбленной и склочной и — и он в упор не мог понять, о чем Элисса может с ней часами болтать. Когда он сказал об этом девушке, та только рассмеялась.

— Так ведь и я — надменная, самовлюбленная и склочная, разве нет?

— К тебе я уже привык.

— Ну так и к ней привыкнешь.

Алистер втайне надеялся, что "привыкать" не придется. Вот доведет до границы Диких Земель, а там пусть возвращается к матери. Но когда он однажды вечером заикнулся об этом Элиссе (Морриган, по обыкновению не удостоила их своим обществом, разведя отдельный костер поодаль), та долго молчала, глядя в огонь.

— Ты решил окончательно? — спросила она, наконец.

— Прекрасно, — хмыкнул Алистер. — Вот и вся цена тому "старшинству", если приходится отчитываться за каждый шаг.

Элисса добавила веток в костер, снова надолго затихла прежде, чем ответить.

— Командир прав даже когда он неправ. Потому что если что-то пойдет не так, знание, что какая-то пигалица вроде меня была убеждена, будто лучше по-другому, никого не спасет. Что мы могли видеть воочию совсем недавно.

— Но?

Она подняла взгляд.

— Обязательно должно быть "но", после которого ты обстоятельно расскажешь, какую ужасную ошибку я собираюсь совершить, сказал Алистер.

— Ты злишься.

— Нет... Да.

— Она отступница. Ты — человек, которого половину его сознательной жизни учили ловить и, если нужно — убивать, таких как она. Даже странно, что между вами не вспыхнула страстная любовь с первого взгляда.

— Она опасна.

— Так ведь и ты опасен, Алистер. И я... пусть не настолько.

— Она злюка и вредина.

Элисса рассмеялась, вслед за ней фыркнул и сам Алистер. Вздохнул.

— А еще третьего дня она одна спалила стаю волков еще до того, как те успели подобраться на длину клинка. — он помолчал. — И отпаивала меня какой-то жуткой дрянью

после того, как я пропустил удар дубинкой по башке от того гарлока... Думал, буду несколько дней отлеживаться... И все равно я терпеть ее не могу!

— Что за дрянь ты сунул в мой мешок, вонючее убожество! — раздалось с края поляны. Элисса вприпрыжку подбежала к соседнему костру.

— Это... кажется, в прошлой жизни это было ондатрой. Морриган, ты ему нравишься — со мной Пончик добычей не делится.

— Научи его выражать симпатию как-то иначе! — Ведьма отшвырнула "дрянь" за круг света и принялась яростно мешать что-то в котелке. Элисса вернулась на место. Встретилась взглядом с Алистером. Девушка изо всех сил старалась выглядеть серьезной, но по лицу неудержимо расплывалась улыбка.

— Пожалуй, я передумал, — сказал Алистер.

===== 7 =====

Разбойников, засевших на мосту у Лотеринга, они раскатали за несколько минут. Если не считать четверти часа, в течение которого Элисса по памяти цитировала "сборщикам податей" уложение Мэрика-Освободителя о мытарях. С подробнейшим описанием того, как должно выглядеть именем его величества выданная грамота, где именно на ней должна красоваться гербовая печать его величества Кайлана... Кстати, учитывая последние события, не должна ли это быть печать ее величества Аноры, кто-нибудь помнит юридические прецеденты, как такого рода дела ведутся в промежутке до коронации следующего монарха? В последний раз нечто подобное происходило пять лет назад и, к величайшему сожалению, — лицо ЭлиССы отразило всю скорбь этого мира — по молодости и глупости она тогда не удостоила своим вниманием столь важный вопрос... Да, и если сбор ведется не в пользу королевской казны, а в казну баннорна, тогда кроме грамоты его величества должно быть повеление местного владетеля. Но точно ли этот мост имеет сугубо местное значение, а не находится под надзором государя в связи со своей особенной важностью для беспрепятственного движения по стране?

Продолжи ЭлиССа на полминуты дольше, Алистер убил бы ее сам. К счастью для него, бандитов выдержка оказалась короче — хотя терпели они на удивление долго. Лишь один, с мордой тупой как обух, толкнул главаря в бок — мол, что-то какие-то они неправильные беженцы, может, ну их, пусть себе...

— Вот чудо, — проворчала Морриган. — Самый глупый самым умным оказался.

Некоторое время Алистер не без удовольствия наблюдал, как на лице главаря осторожность борется с жадностью. Победила жадность, главарь решил прервать ЭлиССу довольно бесцеремонно — кинжалом в бок, но там, куда он целился, девушки уже не было. Миг спустя он хрипел, уже не в силах оторвать мабари от глотки, лучник свалился на камни, вдохнув ядовитое облако, насланное Морриган, Алистер зарубил разбойника прежде, чем он успел сообразить, что происходит, а ЭлиССа достала еще одного. Самый тупой — или самый умный, как еще посмотреть — сбежал, только пятки сверкали. Гнаться за ним никто не стал.

— Странно, — сказала ЭлиССа. — Эти деятели явно молодцы против овец. Дюжины мужиков с дубьем хватило бы, чтобы прогнать раз и навсегда.

— Может, делились добычей с кем надо. А может крестьян внизу вполне устраивает, что эти молодцы не пускают в деревню новых беженцев. — Алистер опустил рядом с главарем и начал деловито стаскивать с него доспех.

— Ты... Что делаешь? — Элисса дернула его за плечо, разворачивая к себе с такой силой, что Алистер потерял равновесие и едва не свалился.

— Добычу беру, — буркнул Алистер. Сейчас эта соплячка начнет читать мораль, как пить дать.

Он не ошибся.

— Я не собираюсь подвизаться мародером. И тебе не позволю.

Алистер едва не рассмеялся, представив это "не позволю". Неторопливо выпрямился.

— Благодородная тэйрна не хочет пачкать ручки?

— Я не хочу уподобляться... Этим.

Алистер кивнул.

— Угу. А, скажи на милость, сколько еды у нас осталось? И сколько денег?

— И пары серебряников не наберется. Но это же не повод...

— Сколько возьмет кузнец за починку вот этого? — Алистер указал на здоровую дыру в кольчужном воротнике. Сколько мы заплатим за новые башмаки для тебя? — Дорогие сапожки ЭлиССы из тончайшей мягкой кожи троп Диких Земель не выдержали, и на них пришлось поставить несколько заплат — что, впрочем, лишь ненадолго оттянуло их конец.

— Босиком пойду!

— Угу. Пока не наступишь на какую-нибудь колючку и не начнется бронзовая рожа. Похоронить-то мы тебя похороним, на такую мелочь дров много не надо...

— Крестьянские девки всю жизнь босиком бегают!

— Крестьянские девки мрут дюжинами, еще не успев повзрослеть! Крестьянские девки не стирают ног в кровавые мозоли, потому что кожа у них тверже копыта — не то, что у холеной барышни.

— Я не виновата в том, кем родилась!

— Не виновата. И я тебя в том не виню, — сказал Алистер. — Поэтому вернемся к началу.

— Сколько, по-твоему, будет стоить хотя бы самая простая еда? Запас проса на пару недель — на нас троих... четверых, если с Пончиком? Сухари, какая-нибудь репа, морковка, сушеный горох. Мяса, так и быть, наловим, все равно рано или поздно надо будет на дневку вставать.

— Если брать средние цены в это время года...

— Элисса, опомнись! — Алистер тряхнул ее за плечи так, что голова мотнулась. — Там, внизу — деревня, полная беженцев, которые сожрали все, что не успело убежать. Надвигается Мор, свежего урожая не будет. Какие "средние цены в это время года"?

— Не понимаю, к чему тут ссора, — сказала Морриган. — Вот еще — платить за то, что можно просто украсть.

Она стянула кольцо с пальца одного из бандитов и, внимательно разглядев, спрятала куда-то в складки своего немислимого одеяния.

Элисса опустила голову и лицо у нее было такое, что Алистеру показалось — вот-вот разрыдается.

— Вот, слышу глас рассудка, — сказал он. — Как думаешь, что лучше — взять у мертвых мерзавцев то, что им больше не нужно, или воровать у людей последнее, потому что голодными мы далеко не уйдем, а тягаться с Мором кроме нас некому?

Элисса закусилa губу. Медленно выпрямилась.

— Я была не права...

— Тшш... — Алистер коснулся пальцем ее губ. — Не извиняйся. — Провел ладонью по ежику на голове. — Просто трудно сразу привыкнуть к тому, какая бывает война.

Поймал насмешливый взгляд Морриган и смутился, сам не понимая чему.

Увидев лежащее поодаль тело с гербом Рэдклиффа на щите, Алистер не столько расстроился, сколько удивился — покойного он не признал, как ни старался, но что рыцарь эрла Эамона мог здесь делать? Насколько Алистер слышал, войска из Рэдклиффа к Остагару не явились, по слухам — потому что эрл внезапно слег, а его младший брат не успел вернуться из Денерима. Так что здесь делал этот несчастный, не сумевший в одиночку отбиться от разбойников? В кошельке покойного нашлось письмо к серу Доналлу, которого Алистер знал — когда-то, очень давно — и, судя по тону письма, рыцари были друзьями. Алистер прихватил вместе с письмом медальон — передать с какой-нибудь странствующей сестрой, а то и вовсе сам отдаст серу Доналлу, когда будет в Рэдклиффе. Он еще не решил до конца, куда они двинутся из Лотеринга. То ли по кратчайшему пути к долищам, требовать исполнения договора, то ли сперва посоветоваться с кем-нибудь, кто хорошо разбирается в политике — и, как ни крути, на роль "хорошо разбирающегося" Алистер не мог подобрать никого, кроме Эамона. Дядя покойного Кайлана, как-никак. Но, опять же, встреча с эрлом обещала быть тягостной, так что, может, сперва к долищам, потом к озеру Каленхад...

Алистер обнаружил, что вот уже несколько минут стоит с письмом в руке, глядя сквозь окружающие предметы, и Элисса посматривает на него почти испуганно. Ладно, ну его. Будет день — будет пища, а пока... Кстати, о пище. Первое, что они сейчас сделают — завалятся в местный трактир и съедят что-нибудь. Что угодно, кроме копченого мяса, хоть тухлые бобы. И хлеба. Добротного черного деревенского хлеба. И пива. Или сперва молока?

Алистер проверил, хорошо ли увязаны вещи, снятые с мертвых бандитов, и двинулся к деревне.

Внизу все оказалось еще хуже, чем он предполагал. Прямо за околицей группками стояли, сидели, лежали люди. Молодые женщины с грудными детьми на руках, старики, худые и обессиленные, семьи по полудюжине душ всех возрастов. На всех лицах — усталость и отчаяние. Кто-то, кто побогаче, ставил палатки, кто-то довольствовался шалашом из веток, кто и вовсе довольствовался пяточком утоптанной земли у костра. В самой деревне на улицах совсем не видно было птицы — видать, что голодные беженцы не украли, хозяева сами зарезали. Услышать коров и коз в это время дня Алистер и не думал — наверняка на выгоне, если осталось, кого выгонять.

Как и собирался, он поспрашивал, где здесь трактир, и двинулся прямо туда. То, что заночевать придется за околицей, стало очевидным, но Алистер еще надеялся, что нормально поесть и запасть провизией в дорогу им удастся. Он перешел мостки, оглянулся — Элисса, которая все это время шла рядом, отстала, разговорившись с мальчишкой. Одежда ребенка была, хоть и испачканная, но без прорех и заплат, сам он не выглядел истощенным, на пухлых щеках размазана грязь — словно он плакал, вытирая слезы ладошками.

— Иди в церковь, малыш, — услышал Алистер. — Там тебе помогут дождаться маму. Вот, отдай им, — блеснула монетка, — попроси, чтобы тебя накормили.

Морриган в очередной раз скорчила презрительную физиономию. Элисса вприпрыжку догнала Алистера.

— Пойдем.

Если здесь есть церковь, можно попробовать попроситься к храмовникам переночевать. Свои ребята, как-никак, если поговорить с ними по-человечески, для него с Элиссой место

найдут. Только что делать с ведьмой?

— Морриган, здесь есть церковь, — сказал Алистер как можно тише. — Храмовники...

— Их не боюсь я. Приходилось многожды оставлять их в дураках.

— Отлично. Все же... — Алистер осекся, поняв, что манера речи ведьмы оказалась заразной.

— Если на меня вдруг обратят внимание лишнее — то просто убегу. А заночую я одна, в холмах — не выношу людские поселения. Нет повода для беспокойства твоего, хотя, не скрою, мне оно приятно.

— Договорились. — Алистер повел носом, вдыхая изумительный запах, доносящийся от трактира — надо же, обычно в таких местах воняет протухшими помоями — и распахнул дверь.

Внутри оказалось шумно илюдно — слишкомлюдно даже для той суеты, что творилась кругом. И слишкоммного людей при оружии. Дезертиры из Остагара? Отряд наемников? — размышлял Алистер, шагнув в сторону стойки. Не похоже, слишкомдобрая броня и хорошее оружие. Он замедлил шаг — чувство опасности, которое никогда его не подводило, било прям-таки в набатный колокол. Рядом напряглась Элисса — видимо, заметила по лицу, что что-то не так.

— Этот, рыжий, с грифоном на доспехе, — слышалось сбоку. — И девка. Точно, они.

— А точно девка — та?

Меч лег в ладонь еще до того, как Алистер расслышал: "Да насрать, потом разберемся. Мужик точно Страж, а золото на дороге не валяется", и первого, рискнувшего напасть, он встретил, как подобает. Не так уж много солдат, на самом-то деле, но сражаться с тренированными вояками — совсем не то же самое, что "молодцов против овец" раскидывать. Им пришлось бы ой, как туго, если бы из-за стола в углу не вылетела рыжая девица в церковном одеянии, и, достав невесть откуда пару кинжалов, ринулась в самую гущу то ли сражения, то ли форменного бардака. К сражениям Алистер давно привык, в трактирных потасовках тоже участвовать приходилось, но два в одном — явный перебор.

Он таки сумел бить с ног командира, но когда меч уже летел, чтобы довершить дело, тот вдруг заорал:

— Сдаюсь!

Алистер замер. Происходящее все отчетливей отдавало безумием. Рубиться с людьми, с которыми не так давно собирался сражаться бок о бок. Рубиться с людьми? Не порождениями тьмы и не бандитами, которых и за-людей-то держать незачем?

Запястье неожиданно цепко перехватили тонкие пальцы.

— Он просит пощады. Довольно.

Алистер медленно опустил оружие. Миг назад он зарубил бы этого в бою, не раздумывая. Но убить человека, который просит пощады...

Рука не поднималась.

Лицо Морриган выражало величайшую степень презрения. Значит, он все делает правильно.

— Катитесь... Кто бы вас ни нанял. Быстро, пока я не передумал.

Дважды просить не пришлось.

===== 8 =====

Молока у трактирщика не нашлось, еда оказалась сносной, пиво — отличным, правда

сначала пришлось велеть трактирщику унести разбавленную мочу и притащить что-то, что не разозлит прищелков с оружием, а то как бы второй раз трупы прибираться не пришлось... А за надругательством над добрым напитком трупы им лично он, Алистер, с удовольствием обеспечит.

Рыженькая сидела напротив, рассказывая, и Алистер жалел, что снял шлем — тогда бы никто не заметил, что волосы у него медленно поднимаются дыбом, как у иглоспина.

Серые Стражи предали короля, отправив его на смерть. За головы уцелевших Стражей платят золотом. Алистер крепко подозревал, что проблема тут не в Стражах — а только в одном из них. Одним, конкретном "рыжем". Ну не мог же старый друг Мэрика не знать. И если до сих пор королевская власть была незыблема, а никому не нужный ублюдок болтался большей частью где-то на глубинных тропах, с немалыми шансами не вернуться оттуда вовсе, то сейчас регент при ее величестве потенциального соперника для дочери не потерпит. И никому не интересно, что тому "сопернику" эта корона нужна как порождению тьмы — свечка. Написать, что ли, официальный отказ за себя и всех возможных потомков, которых у него все равно не будет, да отослать в Денерим? Алистер мысленно усмехнулся, повернулся к Элиссе, до сих пор молча жевавшей.

— Ты лучше меня разбираешься в политике. Кто правил страной до сих пор?

На лице девушки промелькнуло изумление, мол, не так давно король помер, чтобы имя забыть, сменившись задумчивым прищуром.

— Ее величество советуется с отцом, но, говорят, не слишком часто.

Тоже считает варианты, понял Алистер. Что ж, возможно и насчитает нечто путное. У самого Алистера пока никаких вариантов не получалось. Либо он наденет эту демонову корону, либо его убьют. Если Логэйн бестрепетно списал со счета человека, который вырос у него на глазах и женился на его дочери, то уж с безвестным сыном посудомойки церемониться не станет.

— Пойдем сперва в Рэдклифф, — сказал Алистер. Совершенно невпопад, но Элисса поняла.

— Да, пожалуй. Эрл Эамон может подготовить общественное мнение, пока мы разбираемся с договорами.

— Опять за свое. Не хочу я!

— Тогда тебя убьют. У ее величества нет детей.

Значит, и у нее других вариантов не выходило. Паршиво. До сих пор мысль о смерти Алистера не пугала: Серые Стражи не доживают до старости. Но одно дело — в честной битве и зная, ради чего, совсем другое — от рук убийцы и просто потому, что папаша был тем еще кобелем, не умевшим вовремя завязать на узел. Странно даже, что таких алистеров полстраны не бегают — или там вовремя позаботились, а за ним не доглядели и папочка узнал, да прослезился? Сейчас уже не скажешь, да и неважно, по большому-то счету. Важен Мор. Важно дожить до тех пор, пока они не доберутся до Архидемона. После этого все политические проблемы отпадут самостоятельно. На том пока и успокоимся, решил Алистер и снова начал слушать рыженькую... Лелиану. И снова взвился едва ли не до потолка.

— Они это всерьез про "спас остатки армии"?

Элисса придержала его за локоть.

— Вполне возможно, что они правы.

Алистер на миг лишился дара речи.

— Хочешь сказать, — выпалил он, отдышавшись, — что этому... из лесочка в заднице

гарлока было виднее, чем нам с башни, и вообще мы зря корячились?

— Хочу сказать, что, возможно, это мы опоздали настолько, что спасти оказалось уже нечего, — Элисса говорила еле слышно. — А может быть, сам план изначально никогда не годился. Я слушала на совете. Внимательно. Не все были согласны. Но чтобы сделать вывод мне надо хотя бы знать, сколько у нас было солдат. В нашем лагере об этом не говорили, в основное расположение армии рекрута Серых Стражей не пустили, а тэйрна Кусланд к своим людям прорываться не стала.

— Почему?

— Ты уверен, что людям накануне боя нужно узнать, что все, ради чего они готовы умереть завтра, погибло? В доме хозяйничают чужаки, а семья, скорее всего, мертва — это именно то, что ты бы хотел услышать перед тем, как встать на пути чудовищ, от одного вида которых коленки подгибаются?

Сам Алистер давно привык к тому ореолу ужаса, что распространяли вокруг себя порождения тьмы. Со временем и Элисса привыкнет. Но пока — о, в самих стычках она неизменно была на высоте, зато потом вызывалась дежурить первую треть ночи и просиживала все это время, обняв Пончика и вздрагивая от каждого шороха. Вряд ли от такого "караула" было много толка, но пока мабари оставался с ней, Алистер был уверен — никто к ним просто так не подберется. Так что если девчонке так легче — пусть. Каждый Страж проходил через нечто подобное.

— Да, пожалуй. — Он снова вернулся к тому, что не давало покоя. — Но ты серьезно... про то, что это мы опоздали?

— Совершенно серьезно.

— Был жив еще король, когда маяк в ночи зажегся. Я с холма по матушкиной просьбе наблюдала. Его легко заметить было — позолотой доспех сиял, и перья на плюмаже под ветром развевались. Он сражался с честью, как истинный монарх и даже жаль на миг его мне стало.

— Морриган, ты прямо-таки сняла камень с моей души, — сказал Алистер.

— Не для тебя старалась я.

— Спасибо, я знаю.

— Вы хотите услышать о чем-то еще? — спросила Лелиана.

— Пожалуй, все, спасибо.

Пиво, кстати, тоже закончилось. Алистер бы взял еще и надрался в дым, но сперва надо было как-то пристроить Элиссу с Пончиком, ведьма сама о себе позаботиться сумеет. Да и... кузнеца найти, доспех подлатать, пока он с этим возится — посмотреть, нет ли какой работы для наёмника у проповедников — деньги всегда нелишними будут. Сбыть с рук разбойничье барахло, разжиться если не провизией — с этим тут туго, Алистер уже понял — то хотя бы какими-никакими вещами, а то даже ветки для костра ножом рубить приходится. Пить-то особо и некогда, вот незадача.

— Возьмите меня с собой!

Алистер оторопел. Элисса вытаращилась на церковницу с немым изумлением, Морриган — со своей обычной презрительной миной. Рыженькая что-то залепетала о пророческих видениях и Создателе, глаза Элиссы становились все круглее, а Алистер вспоминал, как она возникла за спиной у здорового бугая, сшибла его с ног какой-то хитрой подсечкой и перерезала глотку еще до того, как тот успел грянуться оземь.

— И где это святых сестер учат так драться?

— Я не всегда жила при церкви.

— Это я понял. Что еще ты умеешь?

Элисса открыла было рот — и снова закрыла. Видимо, вспомнила про "командир всегда прав".

— Мы будем всех убогих подбирать, покуда в пути?

— Не нравится — силой не держу.

— О нет, мне любопытно. Остаюсь. И помолчу — пока.

Лелиана молча выложила на стол кошелек, который еще четверть часа назад висел у Алистера на поясе. Ну точно, с трактирщиком же расплачивался! Элисса хихикнула. Рядом с кошельком легло кольцо — изящное и очевидно дорогое. Алистер уже его видел — Элисса носила это кольцо на кожаном шнурке на шее. Элисса изменилась в лице, схватившись за ворот, начала подниматься. Алистер тяжело положил ладонь ей на плечо.

— Впечатляет.

Сам он воров не любил — но кто его знает, на что пойдешь, если будешь с голода помирать.

— А еще, если вы вспомните все, что сказали, сидя со мной за одним столом, поймете, что были непростительно откровенны в присутствии человека, которого видите впервые в жизни.

Морриган расхохоталась. Элисса снова вспомнила выражения, которым благородных девиц явно не учат.

— Убедила, — усмехнулся Алистер. — Но будь любезна, в будущем избавь меня от разговоров о пророчествах и воле Создателя.

Лелиана пожала плечами.

— Его воля существует вне зависимости от того, что ты о ней думаешь. Поэтому — я могу молча подождать, пока она свершится.

— Договорились.

— И еще я была бы очень признательна, если бы ты помог мне раздобыть лук и стрелы. С ними я управляюсь лучше, чем с ножом.

— Заметано.

===== 9 =====

Пообщавшись с храмовниками, просить у них ночлега Алистер передумал. Хотя бы потому, что люди, заявляющие о том, что охраняют порядок в деревне и защищают беженцев, так и не удосужились разобраться с разбойниками, которых он сотоварищи уложил, особо себя не утруждая. Оставь на их попечение девчонку — не ровен час, потом окажется, что и гостей своих они стерегут так же, как порядок в деревне, и крайнего не найдешь. Ну их. Ночевали столько времени в лесу — и в этот раз так же заночуют. Не развалятся.

Разговор с сером Доннелом порадовал Алистера еще меньше. Если эрлесса решила, что вся надежда только на священную реликвию, утраченную невесть сколько времени назад — то еще полбеды. Изольда запомнилась Алистеру как дама, способная создать трагедию совершенно из ничего. Впрочем, возможно, он был к ней несправедлив, детский разум склонен искажать воспоминания. Но то, что бывалые рыцари без возражений сорвались в поиски этой самой реликвии, встревожило Алистера не на шутку. Стоило поторопиться.

Кузнеца в деревне не нашлось, с лавочником пришлось торговаться едва ли не до

хрипоты, но, в конце концов, поводов задерживаться в деревне не осталось. И после того, как какой-то немый гений тактической мысли попытался напасть, сиганув с дерева, Алистер решил, что они уйдут, не дожидаясь вечера.

О том, что в клетке за околицей сидит злодей, убивший семью, которая подобрала его, раненого, и выходила, Алистер слышал. Но одно дело — слышать, другое — увидеть воочию. Когда-то этот гигант явно был могуч и полон достоинства. Он и сейчас, грязный и исхудавший почти до скелета, умудрялся выглядеть внушительно. Глядя на него, Алистер почему-то припомнил осанку Элиссы в первые дни их знакомства. И взгляд оказался похожим. Глаза существа, которому уже нечего терять.

— Я бы даже эрла Хоу не оставила так, в клетке, дожидаться, пока придут порождения тьмы, — сказала девушка. — Если злодей заслужил смерть — он должен умереть. Но мучить?

Может быть, именно этот взгляд и заставил Алистера совершить величайшую глупость, с какой стороны не посмотри. Это существо отплатило злом за добро. Его придется выхаживать и откармливать прежде, чем он станет — если вообще станет — полезен. И вообще, действительно теперь, что ли, подбирать на дороге всех убогих подряд? Но прочтя себе эту тираду, Алистер развернулся и пошел в церковь узнавать, на каких условиях мать-настоятельница согласится отпустить убийцу.

Народ чужака назывался "кунари", себя он просил именовать Стэном. Удивительно, но после многих дней в клетке, он мог самостоятельно идти, и даже порывался разделить ношу со спутниками. Вещи ему Алистер не дал, а когда посмотрел, как тот чешется и принюхался, понял, что далеко они не пойдут. В первом же подходящем месте нужно вставать на дневку и приводить в приличный вид это... сокровище.

Они нашли небольшую лесную речку еще до сумерек. Алистер обошел поляну, поднялся на пару сотен ярдов вверх и вниз по течению и велел разбивать лагерь. Подходя к Лотерингу, он надеялся раздобыть палатки — пусть их и придется таскать на горбу, зато не придется ночевать под открытым небом, когда леса закончатся и рубить шалаши станет не из чего. Но с Лотерингом ничего не вышло, благо леса пока вокруг хватало.

Алистер велел Стэну, который все рвался помочь, "сидеть тихо и не строить из себя голема", отправил девушек собирать сучья и хворост на растопку, а сам начал рубить баню. Благо, на берегу реки хватало крупных камней. Раз уж не удалось переночевать в постели, то хоть помыться почти-по человечески никому не помешает.

Он собрал пирамиду из крупных камней на галечном берегу, обложил ее дровами и развел костер, оставив прогорать. Стэн, похоже, оказался человеком бывалым, потому что одобрительно хмыкнул, поняв, к чему дело идет. Элисса же, наоборот, решила, что Алистер собирается перевести всю растопку непонятно на что — а еще ведь есть готовить. В ответ Алистер только рассмеялся, пообещал "сюрприз", и, прихватив топорик, пошел искать подходящие деревца. Морриган, кажется, тоже сообразив, что к чему, взяла второй топорик и увела Элиссу и Лелиану за дровами, вещая что-то про мужиков, идеи которых, может, и хороши, но забывать про еду не следует. Так что сейчас они втроем костер разведут и что-нибудь сообразят, пока Алистер занят.

Обижаться на "мужиков бестолковых" Алистер не захотел.

Он связал каркас из нескольких жердей, обернул их купленной в Лотеринге холстиной так, что получилось некое подобие хасиндского шатра, обложил сверху лапником. Застелил тем же лапником пол, выложив из плоских камней небольшую площадку в центре. Потом

подкинул дровишек в костер вокруг каменной пирамидки и развел рядом еще один костерок, повесив на него котел с водой.

На другом конце поляны девушки хлопотали вокруг своего костра. Элисса поглядывала любопытно, но с вопросами не лезла. Алистер посмотрел на Стэна, сидевшего неподвижно, как изваяние.

— Ты девчонок не стесняешься? Прикрыться что-то дать?

— Нет.

— Тогда раздевайся и давай барахло — прокипячу. А то через неделю все чесаться начнем, включая Пончика.

— Острый нож у тебя есть?

— Зачем?

— Волосы снять. Иначе в самом деле начнете чесаться. Да и я устал от этих... Как вы их зовете... Насекомых.

Алистер хмыкнул, представив, как они с Элиссой будут смотреться рядом. Следующей мыслью было предложить Морриган сменить прическу, побрить Лелиану, а потом и самому последовать примеру большинства. Он заржал уже в голос, не обращая внимания на недоуменные взгляды остальных, вручил Стэну мыло и бритву и отправил в речку смыть первую грязь. А сам пошел ставить шалаши. Один для девушек, второй — для Стэна. Подошла Лелиана, стала помогать класть лапник на готовый каркас, в четыре руки дело пошло быстрее.

Стэн вернулся на берег, Алистер дал ему кусок холстины — завернуться пока. Ничего подходящего по размеру для великана-кунари у них не было, так что придется тому подождать, пока его вещи не просохнут. Походит до утра в хламиде, чего уж теперь. Тем более, ночи теплые.

От костра девушек уж вовсю пахло съестным, и Алистер заметил, как Стэн старается не смотреть в ту сторону.

— Давай сперва девчонок пустим, — сказал Алистер. — А пока они парятся, я тебя накормлю. Да и сам бы уже не прочь.

— Как скажешь.

Он развернулся к костру, но оттуда уже шла Морриган, неся в руках обернутый полотенцем котелок.

— Сколько дней ты не ел?

— Не знаю.

— Примерно так и думала. Держи. И большего сегодня не проси, если не хочешь, чтоб не на пользу пошла еда.

От котелка шел сытный дух мясного навара.

— Откуда мясо? — Спросил Алистер.

— Пес принес. То заяц... недоеденный. Но я его отмыла и куски, что пес погрыз, отрезала пред тем, как в котелок сложить. На всех бы не хватило, но одному как раз.

— Не побрезгуешь?

Стэн брезговать не стал. Ел он с таким достоинством, что и не скажешь, будто голодал. Но Алистер видел, как подрагивает ложка в руке. Он решил не оскорблять кунари ни любопытством, ни жалостью и занялся делом — как раз дрова прогорели окончательно, оставив раскаленные докрасна камни.

— Девочки! Извольте в баню.

Морриган начала раздеваться, нисколько не стесняясь присутствующих мужчин. Элисса обошла вокруг сооружения, сунула внутрь нос и, когда она вынырнула обратно, выражение лица ее выглядело... неопишным.

— Алистер, ты колдун. Даже по-белому?

— Ну не мог же я оскорбить высокородную тэйрну, предложив ей черную баню?

— Еще раз вспомнишь про мое происхождение — станешь "величеством".

— Хорошо, больше не буду. Раздевайтесь, мы отвернемся.

Следующие четверть часа он сидел на камне, пристально изучая ближайшее дерево, и слушал девичий восторженный щебет, потом смешки, плеск воды, визг — после раскаленного воздуха парилки вода казалась ледяной, довольные вздохи.

— Вы всё там? — он попытался обернуться

— Не подглядывай!

Алистер хмыкнул, и продолжил разглядывать дерево. Если бы он был художником, то уже смог бы нарисовать его с закрытыми глазами.

— Можно.

Он поднялся.

— Теперь вы не подглядывайте. Пойдем, Стэн.

На самом деле, ему давно было все равно, станет ли кто-то подглядывать. Эка невидаль — голый мужик в шрамах.

Вместе с этаким великаном в парилке было тесновато, ну да в тесноте — не в обиде. Главное, что можно сидеть, обхватив руками колени и закрыв глаза, чувствовать, как пар обволакивает тело, унося куда-то усталость и тревогу. А потом с разбегу сигануть в реку и, вынырнув, понять, что сказки о живой воде — не такие уж и сказки.

Потом они впятером сидели вокруг костра, завернутые в холстины, и Алистер хихикал, вспоминая картинки из книжки о древних временах. Лелиана спросила, что его так развеселило, Алистер ответил — и хохотали они уже вчетвером, и даже Стэн улыбнулся. Потом они ели кашу — все, кроме Стэна — и запивали душистым травяным взваром. Потом тянули жребий, кому когда дежурить. Алистеру выпало первому. Он оделся, дождавшись, пока остальные разбредутся по шалашам, устроился на камне у реки и, кидая в воду шишки, улыбался, сам не зная, чему.

На следующий день они никуда не пошли. Во-первых, Морриган заявила, что вчера Стэн держался исключительно на "глупой гордыне", и сегодня ему надо отдохнуть — хотя бы сегодня, иначе вскоре вся возня с его спасением окажется напрасна. Стэн ворчал, Морриган настаивала. Алистер прекратил свару, приняв сторону ведьмы. Как бы он ни недолюбливал Морриган, на болотах она показала себя искусной лекаркой. А если лекарь сказал — лежать, значит, надо лежать. Или хотя бы сидеть и шить себе рубаху и холщовые портки, потому что старое после клетки никуда не годилось. Да, оно стало чистым, но всех прорех не залатаешь. Алистер собирался было швырнуть ветошь в огонь, но Элисса выхватила ее из рук.

— Дай, я приберу.

— Зачем тебе?

Девушка внезапно залилась краской. Алистер с полминуты смотрел на нее, совершенно ничего не понимая — потом сообразил и торопливо отвернулся, смутившись сам. Услышал за спиной спокойный голос Морриган:

— У тебя уже — иль скоро?

— Ну не при мужчинах же! — сказала Лелиана.

— А что такого? Естества к чему стыдиться?

— Скоро, — еле слышно прошептала Элисса.

— Тогда пойдем, я покажу тот мох, что можно взять, чтоб кровью все кругом не пачкать.

Алистер подумал, что его пылающие уши наверняка освещают всю округу не хуже солнца.

Весь этот день они стирали, мыли, чистили, зашивали — словом, делали все то, что по хорошему, надо было бы сделать в Лотеринге, но не вышло. Морриган отпаивала Стэна какой-то гнусно пахнущей дрянью, которую тот покорно пил, и кормила жидкой кашей. Вечером Морриган сказала, что Стэн, конечно, далеко не в полной силе, но можно уже двигаться в путь.

===== 10 =====

В Редклифф они вошли утром. Наверное, если бы поторопились накануне — успели бы и с вечера, но Алистер строго придерживался правила бывалых путешественников: лучше встать на ночевку чуть раньше, но в удобном месте, чем в стремительно сгущающихся сумерках искать что-то хотя бы относительно приемлемое и в итоге заночевать у демона на рогах. Хотя, наверное, вчера стоило бы добраться до деревни. Тогда бы они с Элиссой не рассорились вдрызг. И ведь утешить хотел, дурак...

Первое время Алистер брал себе караулы под утро — в тот самый час, когда сильней всего клонит в сон. Но с тех пор, как их стало пятеро, Алистер решил тянуть жребий — не такими уж длинными выходили дежурства. В ту ночь ему выпало сменить Элиссу. Проснувшись — а он умел проснуться в самом себе назначенный час, сколь бы мало ни пришлось спать — он выбрался из шалаша. Элисса сидела у огня и крутила в пальцах кольцо — то самое, что обычно носила на шее. Уж не была ли она сговорена, подумал Алистер и мысль эта почему-то неприятно кольнула. А ведь самый-то возраст. Эх, Дункан, Дункан... Материал... Ей бы на балах глазки строить да целоваться за портьерами, пока родители не видят. Выбрать себе кого-то, править замком стальной рукой в бархатной перчатке — что-то а это у нее получалось бы великолепно — учить девочек кокетничать и скакать наперегонки с мальчишками по окрестным лугам. А вместо этого...

Элисса обернулась на шорох, улыбнулась.

— А я как раз будить собиралась.

— А я уже. Иди, отдыхай.

— Сейчас...

Она опустила кольцо за вырез ворота.

— У тебя был кто-то? — осторожно спросил Алистер, указывая взглядом на ворот.

— Нет... Это батюшкино. Точнее, его матушке его батюшка, мой дед, дарил. Отец после ее смерти носил на мизинце, ни разу не видела, чтобы снимал. Говорил, что подарит моей старшей дочери... А вышло, что отдал, когда... — Она тихонько вздохнула. — Я все думаю: их хотя бы похоронили? Или так и лежат в том подвале? Или и вовсе вывесили на воротах в знак победы?

Алистер молча обнял ее. Да и что тут скажешь? Элисса повозилась, устроилась поудобнее где-то подмышкой — маленький грустный воробышек.

— Твои друзья ведь тоже... под Остагаром. Мне так стыдно, что мы ничего для них не сделали.

— Они не друзья. Они были моей семьей. — Зря она, право слово. Алистер почти успел поверить, что жизнь продолжается.

— Значит, ты понимаешь.

Алистер криво улыбнулся, прижал ее чуть крепче. Потрескивали ветки в костре, мирно похрапывал Пончик.

— Алистер... — Элисса помолчала. — Я не могу понять одного. Почему Стражи?

— То есть?

— Все говорят, что между Мором и людьми стоят лишь Серые Стражи. Но порождений тьмы может убить любой. Еще до Посвящения — я, Давет, Джори. Да, когда чуешь Скверну и можешь предугадать нападение — легче. Но то, что я видела... Как сражается Дункан, как сражаешься ты — прости, но это то, чего могут достигнуть многие при должной практике и ничего сверхъестественного для людей, которые провели всю жизнь в сражениях.

Она снова надолго затихла. Алистер тоже молчал, понимая, к чему идет разговор, и судорожно соображая, что бы сказать.

— Архидемон — если это тот дракон, что мне снится — и правда ужасен. Но драконоборцы были во все века. Да можно и не быть героем... Заманить тварь, к примеру, к крепостной стене и обрушить ее. Готова ставить что угодно — каменюка нужного размера убьет и дракона. В чем подвох, Алистер? Почему именно Серый Страж?

Алистер вздохнул.

— Потому что Архидемона может убить только тот, у кого в крови Скверна.

Элисса высвободилась из-под его руки, испытывающе заглянула в лицо.

— То есть?

— Когда тело Архидемона гибнет, его душа тут же вселяется в ближайшее порождение тьмы. Поэтому его невозможно убить обычным оружием — тут же возродится. Но если ближайшим будет Страж... У него есть душа. Душа Архидемона и душа человека в одном теле не смогут ужиться.

— Поняла. Архидемон погибнет. И человек тоже.

— Да.

Элисса усмехнулась.

— Ты умеешь приносить хорошие вести.

— Мне самому до сих пор Моры останавливать не доводилось. Но если верить летописям, последний удар принадлежит самому старшему. Не обещаю, что не случится ничего неожиданного, но...

И отшатнулся, схватившись за щеку.

— Ты чего?

— Как же вы меня все задолбали спасатели, мать вашу поленом! Один раз не понял? Сколько раз твердить — не нужна мне жизнь — так!

— Окстись, ненормальная! О тебе же...

— Да засунь ты себе эту заботу!

— Не ори, люди спят!

— Сам заткнись! Создатель, я их на коленях готова была умолять — не гоните! Или уходим вместе, или стоим вместе — до конца, потому что... Ну как иначе? Но нет, мама с папой лучше знают. Мама с папой умрут спокойней, если будут знать, что дочь жива! — Ее голос упал до шепота. — Кровь Андрасте, я не могу их в этом винить, но... Слишком уж высока цена. А теперь ты — зачем? Скажи, зачем мне эта трахнутая жизнь, если больше

ничего нет? Дома нет, родных нет, будущего — тоже нет, только Скверна в крови, кошмары по ночам и Зов впереди! Думаешь, я так всем этим дорожу? Если только Страж способен остановить Мор и я теперь, Страж, хотя видит Создатель, я этого не хотела — пусть так. Я дойду до конца. Но если родителей я хотя бы могу понять, то какого драного демона ты...

— Да потому что должность у меня такая, — заорал Алистер, уже не слишком заботясь, услышит ли кто. — Вытирать носы новобранцам и убивать порождения тьмы! А этот гребаный Архидемон — порождение тьмы, просто очень здоровое.

— Или мы тянем жребий, или...

— Паршаара! — Когда Стэн успел вылезти из шалаша, не заметил никто. — Я понимаю, что вы готовы глотки друг другу перегрызть за право убить Архидемона. Я не понимаю, где вы нашли Архидемона — сейчас.

Элисса осеклась на полуслове. Повторила на два тона тише.

— Алистер, мы тянем жребий.

— Или что?

Элисса бессильно топнула ногой — и вдруг разрыдалась в голос. Алистер застыл, совершенно не понимая, что делать. Лелиана обняла ее, шепча на ухо что-то тихое, женское, повела прочь от костра.

— Завтра мы будем в Рэдклиффе, — сказал Алистер им в спину. — Представлю тебя Эамону как тэйрну Кусланд — он позаботится, пока твой брат не найдется. Может, подскажет, что делать с этим твоим, как его... Хоу.

Пошло оно все. Сколько можно возиться со взбалмошной девкой?

— Не смей меня спасать! — закричала Элисса, выворачиваясь из рук Лелианы. — Не смей строить из себя Создателя! Не смей становиться вторым Дунканом!

Стэн тяжело вздохнул, подхватил ЭлиССу под мышку и понес, визжащую и ругающуюся, к источнику. Не особо церемонясь, макнул вниз головой в ледяную купель. Вытащил — раздавшаяся ругань сделала бы честь отряду пьяных наемников — макнул снова, и еще раз.

— Хватит, — всхлипнула Элисса. Опустилась на траву, пытаясь вытереть лицо промокшим насквозь рукавом. — Спасибо. Я пришла в себя.

Она тяжело оперлась на руку Лелианы, поднимаясь. Зыркнула на Алистера.

— Жребий.

— Да любись ты со своим Архидемоном, — выдохнул Алистер ей вслед.

Наутро Элисса с ним не разговаривала. Нет, она выполняла приказы, не поведя бровью, отвечала на прямо заданные вопросы — но не более. Не задавала бесконечных вопросов, не хихикала в ответ на шутки, не... Рядом, чинно и размеренно шагая, шла тэйрна Кусланд. И, заходя в Рэдклифф, Алистер радовался, что, наконец, избавится от этого сомнительного сокровища. Лучше уж одному, право слово.

===== 11 =====

Словом, входя в Рэдклифф, Алистер совершенно не радовался. Немудрено, что деревушка ему не понравилась. Впрочем, пройдя пару улиц он понял, что дело совершенно не в его дурном настроении.

Покореженные заборы — словно искалеченные пьяным дровосеком, причем зарубки — свежие. Заколоченные окна домов. Пятна свежего озерного песка — тут и там, как будто хотели присыпать — Алистер догадывался — что, но верить в это не хотелось.

— Кровью и смертью пахнет это место, — сказала Морриган. — Случилось что-то.

Алистер и сам видел, что "случилось" — отряд рыцарей, вставших небольшим лагерем у мельницы выглядел уставшим и потрепанным. Да к чему вообще рыцарям Рэдклиффа разбивать лагерь у мельницы, когда замок — вот он? Алистер решил выяснить — но так ничего толком и не узнал. Рыцари могли лишь сказать, что из замка по ночам лезут чудовища. Что с эрлом и домочадцами и чем все это кончится, они не знают. Алистер выругался себе под нос и пошел в церковь — разговаривать с человеком, который мог хоть что-то знать.

Увидев выражение, появившееся на лице банна Тегана, Алистер представил, как со стороны выглядит их компания, и почти развеселился. Здоровый мужик в потрепанной броне Стража, две милостивые девушки... Три, причем третья одета так, что ни один мужчина в пределах видимости равнодушным не останется, и открыто носит посох мага, что гарантированно оберегает ее от явных проявлений одного неравнодушия. Великан-кунари с отобранным у порождения тьмы мечом. И мабари, который, захоти Элисса его продать, стоил бы больше, чем все их барахло вместе взятое.

— Чем могу служить?

— Не узнаешь, значит, — хмыкнул Алистер. — Я бы тоже не узнал. Когда мы в последний раз виделись, я был по уши в грязи и...

И выражение лица Тегана почти примирило его с происходящим.

— Алистер? Создатель, вот уж... Представь своих друзей.

Он задержал взгляд на Элиссе чуть дольше, чем позволяли приличия, и девчонка приняла это за руководство к действию.

— Элисса. Серый Страж.

Она поклонилась. Теган вернул поклон. Алистер, глядя на них, мигом почувствовал себя неотесанной деревенщиной, добавил.

— У тэйрны Кусланд... неприятности и я надеялся, что Эамон сможет ей помочь.

Если бы взглядом можно было испепелить, Алистер повторил бы судьбу Андрасте. На его счастье, он давно научился переживать из-за таких мелочей, поэтому лишь мстительно усмехнулся.

— Боюсь, Эамон сейчас едва ли в состоянии кому-то помочь. Но я всецело к вашим услугам, миледи... Если все мы доживем до завтрашнего утра.

— Так, — посерьезнел Алистер. — Рассказывай.

Теган начал рассказывать, и с каждым его словом Алистер все отчетливее понимал, что дело дрянь. И что сам он просто не представляет, как теперь поступить. Здравый смысл вопиял — впятером они не смогут сделать ровным счетом ничего. А если положат его и Элиссу, деревня погибнет все равно и неминуемо. Как наверняка уже погиб Лотеринг, до которого добрались порождения тьмы. Идет война, потери неизбежны. Он сам, уходя с отрядом на Глубинные тропы знал: случись что — разыскивать их никто не будет, на это нет ни сил, ни средств. Проставят напротив очередного списка имен в своих гробницах "пропал без вести, предположительно погиб", чтобы довольствие на покойников не выделять — и вся недолга. С другой — слишком многим друзьям стали эпитафией эти слова.

— Теган, мы на минуту, с твоего позволения.

Он отвел своих в сторону, оглядел, не зная, с чего начать.

— Сдается мне, ты хочешь переложить решение на нас, — вылезла Элисса.

И пропади оно все пропадом — она была права. Неугомонная девка все поняла раньше него. Правильного выхода нет, как ни поступи — покоя не будет: положит ли он здесь своих

или оставит деревню, оправдываясь высшим благом либо меньшим злом. Неважно.

— Я даже чуть-чуть завидую Тегану, — продолжала девушка. — Для него выбора нет: это его люди, и он должен их защищать.

— Происхождение накладывает обязательства? — хмыкнул Алистер, оттягивая неизбежное.

— Именно, — добавила вполголоса: — Жаль, что это не мои люди.

Правильного ответа нет и не будет — и грош цена ему как командиру, если он переложит выбор на плечи своих людей, "советуясь". Разве что совесть будет спокойной. При случае можно будет и осудить, как Дункана тогда...

— Алистер, — окликнул его Теган. — не надо. Пять бойцов не изменят ничего, даже если двое из них Стражи. Мор важнее.

Он должен развернуться и уйти. Должен. Мор важнее.

— Я остаюсь. Те, кто с этим не согласен, могут уйти, пока до вечера есть время.

— Я пошел за тобой сражаться с Мором, а не защищать деревенщину от нежити, поднятой черным колдовством, — сказал Стэн.

— А разве мы сражаемся с Мором не для того, чтобы защитить — в том числе и эту деревенщину — от чудовищ, порожденных черным колдовством?

— Мы должны помочь этим людям! — вмешалась Лелиана. — Я остаюсь.

— Опасно это будет. Глупо рисковать за быдло. Но — забавно может выйти. Я остаюсь.

— Стэн?

— Ты командуешь.

— Значит, с нами, — решился Алистер, только сейчас сообразив, что он все же заставил свою команду выбирать самостоятельно. Какая, к гарлокам, корона, четыре человека под началом, и он уже оплошал. Что ж...

— Элисса.

— Я не знаю.

Он ожидал чего угодно, кроме этого.

— В смысле?

— В смысле... Будь это мои люди — все было бы однозначно. Не иди за нами Мор — тоже. Но если мы не справимся, останавливать порождений тьмы придется орлесианцам. Одна деревня. Весь Ферелден. Неплохой выбор.

— Как ты можешь так говорить? — возмутилась Лелиана.

— Могу. Меня всю жизнь учили, что прежде всего долг, — она помолчала. Подняла голову и широко улыбнулась, точно разрешив хитрую загадку. — С другой стороны, лишь Создатель знает, не попадет ли нам недели через две в котел какая-нибудь поганка, и более бесславного конца можно не представлять.

Морриган фыркнула.

— Неужто кто-нибудь из нас настолько глуп, чтоб гриб съедобный с ядовитым перепутать?

— Я — запросто, — усмехнулась Элисса. — Это занятие для простолюдинов.

Алистеру на миг показалось, что вот сейчас она покажет Морриган язык — но то ли девушка сдержалась, то ли у него самого чересчур разыгралось воображение.

— Я с вами.

Алистер кивнул.

— Теган, ты укажешь моим людям, где их место, или мне самому посмотреть, что мы

можем сделать?

— Вы сошли с ума, и все же — спасибо. — Теган невесело улыбнулся, и Алистер увидел, как же он измотан. И еще — младший брат Эамона действительно собирался погибнуть этой ночью. Нет, он будет сражаться до конца, но "умереть сражаясь" — все, что ему осталось. Или он полагал, что осталось.

Потому что Алистер вовсе не собирался оправдываться перед Создателем за то, что привел на смерть тех, кто ему верил.

— К вашим услугам, — он изобразил поклон. Получилось вроде ничего. — Тогда я сам.

Они устроились в местном трактире, потребовав жаркого и пива.

— Морриган, ты единственная из нас понимаешь в колдовстве, — сказал Алистер. — Как можно убить то, что уже мертво?

— Порвать те связи, что из Тени протянуты, чтоб мертвым управлять... Но это долго и с толпою я не справлюсь. Двумя-тремя, не боле, — она задумалась. — Можно сжечь...

— Человеческое тело горит плохо.

— Согласна. Заморозить и разбить. Я зачарую оружие ваше, чтоб от одного удара холод сковал все члены врага и... дальше все понятно. Но только ваше — больше не осилю.

— Отрубить руки, — сказал Стэн. — И голову. Без них сражаться нельзя.

— Ты делал силки, — сказала Элисса. — Могут они удержать, хотя бы пока не получится зайти сзади и отрезать голову?

— Понятия не имею, — сказал Алистер. — Я солдат, а не охотник, а на что способен оживший мертвец и вовсе представить не могу.

— Я поищу охотников, — сказала Лелиана. — И вообще... поразузнаю. Потом расскажу.

— Хорошо. — Алистер оглядел своих. — Тогда пока солнце не встанет в зените, побродите по округе, подумайте, что еще можно сделать. Потому что... Теган держится только на упрямстве, это видно. Он...

— Он сдался, — сказала Элисса. — Он считает, что исчерпал все возможное и готов погибнуть с честью. Но мы не можем этого себе позволить.

— Да... Кстати, хорошо что напомнила. Когда начнется заваруха, ты останешься в церкви рядом с Теганом. И позаботишься, чтобы он выжил, если твари прорвутся за дверь. Это вторая по важности вещь. Первая — сохранишь договоры.

Элисса вскинулась было, осеклась. Миг спустя ее лицо утратило всякое выражение.

— Ты уверен, что мужчине примерно втрое старше меня нужна моя защита?

— Двадцать пять лет назад Теган сражался только на турнирах, — хмыкнул Алистер. — Не думаю, что за то время, пока я не был в Рэдклиффе, многое изменилось.

Стэн положил ладонь на плечо девушке.

— Кто-то должен сражаться, когда всех остальных уже нет. Битва без надежды и славы, потому что слагать истории о том, что погиб, до последнего защищая детей и женщин, будет некому.

Элисса криво улыбнулась.

— Вдохновляет, ничего не скажешь. Что ж, командуешь ты, Алистер. Но, похоже, ты так ничего и не понял.

— Я понял. Но один Страж должен остаться в живых и донести договоры до места. В церкви безопасней всего. И командую я.

— Как прикажешь.

— Тогда у вас есть время до полудня.

Выходя из трактира, Алистер подумал, что если он переживет эту ночь, Элисса, кажется, убьет его сама. Ну и пусть. Хоть один Страж... Он тихо выругался, осознав. Дело было не в том, что Элисса — Серый Страж. Дело было в том, что она — это она. Замечательно, ничего не скажешь.

===== 12 =====

Лелиана вернулась спустя полтора часа, приведя с собой эльфа. Рассказанное им совершенно Алистеру не понравилось, но эти заботы можно было отложить перед лицом более насущных. Гораздо важнее оказалось то, что во всякого рода ловушках и капканах эльф разбирался отлично. А еще Лелиана сказала, что в складе на пристани стоит с дюжину бочек горного масла — приготовили купцам, которые в это время года приплывают по озеру на ладьях и развозят потом товары по прибрежным селеньям, откуда потом те расходятся едва ли не до самого Денерима, а то и за границу. Только купцы в этот раз не пришли. То ли беспокойно слишком стало, то ли просто не до того. Алистер довольно хмыкнул — план начал вырисовываться. Еще бы сообразить, из чего понаделать ловушек, чтобы не сгорели вмиг. Спустившись по тропе к церкви, Алистер обнаружил снующих туда-сюда мужиков из ополчения. Больше всего это напоминало муравьев, нашедших рассыпанную крупу и цепочкой волокущих добычу в муравейник. Только "добыча" сияла на солнце свеженачищенной сталью.

— Откуда?

— Кузнец большую партию закончил незадолго до того, как все это началось. Думал купцам продать, — сказала Элисса, стоявшая тут же, у частокола. — Правда, мне пришлось поклясться, что когда мы пойдем в замок разузнавать, что случилось с Эмоном, поищем его дочь, она там служанка.

Алистер пожал плечами.

— Мы в любом случае туда пойдем, так почему бы нет? А для нас у него что-то найдется?

— Сходи, поговори. Тем более что у нас там какое-то барахло оставалось на продажу.

В последней стычке с порождениями тьмы они действительно взяли трофеи, но иначе как барахлом добычу и в самом деле не назовешь. Так что торговаться пришлось до хрипоты, но Алистер все же сменил свой доспех Серого Стража — неразумно открыто расхаживать в нем, когда за головы оставшихся Стражей платят золотом — на приличную кольчугу. И щит удалось обменять, а еще добыть приличный меч для Стэна — клинок порождения тьмы хоть и выглядел ужасающе, иными достоинствами не блистал. Времени на это ушло изрядно, и, выйдя из кузницы, Алистер обнаружил, что Стэн волочет за шкуру гнома, следом плетутся трое вооруженных людей с мордами головорезов, а Элисса комментирует шествие, в доступных выражениях объясняя гному, как он был неправ, пытаясь отсидеться дома, пока все остальные будут сражаться.

— Где благородных девиц учат таким словам? — не удержался Алистер.

Элисса засмеялась.

— В конюшне. На псарне. Всюду, куда подрастающая девица таскается хвостиком за старшим братцем.

— Вот так и идет прахом подобающее воспитание.

— Учитывая обстоятельства, оно оказалось вполне уместным.

Алистер хмыкнул — крыть было нечем. Обернулся к Стэну.

— Я тебе меч приличный нашел.

— У меня есть, — сказал Стэн, опуская гнома на землю.

— Да я не о том барахле.

— Я тоже. — Кунари потянул из-за спины клинок, протянул в ладонях Алистеру, нежно и бережно, точно величайшее чудо. — Я нашел свой меч.

— Ты меня ограбил, хочешь сказать, — вмешался гном.

— Нельзя "честно купить" у вора, обобравшего раненого. Ты сам вор, а я просто вернул свою вещь.

О том, что случилось с отрядом соплеменников Стэна, Алистер уже знал. Равно как и о том, что Стэн убил приютившую его семью, обезумев от мысли, что его меч исчез, а, значит, он навсегда остается изгнанником.

— У него там на стенах собрание неплохое висело, — пояснила Элисса. — Стэн как увидел... Остановить его я не смогла.

— Не пыталась, хочешь сказать, — снова влез гном.

— Я, хоть и не настолько ценю свою жизнь как ты — собственную никчемную шкуру, но все же умирать раньше времени не хочу.

— Хватит, — не выдержал Алистер. — Почтенный гном, возьми вот этот клинок в качестве возмещения. Он почти так же хорош.

— Сперва по миру пустите, потом убьете, — проворчал гном, но клинок взял.

Алистер проводил его взглядом, хихикнул, глядя на то, как мужики пытаются примерить кольчуги — и хлопнул себя по лбу, сообразив. Стальная проволока для колец.

— Элисса, сбегай к серу Перту, пусть пришлет нескольких рыцарей, чтобы научили селян правильно подогнать доспех. А я пока с кузнецом поговорю.

Весь остаток дня они впятером — и еще эльф-соглядатай, объяснивший, что делать — выстилали дорогу от замка петлями, устраивая их прямо поперек натасканных деревенскими дров и хвороста, обильно залитых горным маслом. Теган, когда услышал, что задумал Алистер, сперва восхищенно присвистнул. Потом сказал.

— Но рискуем спалить деревню дотла.

Алистер пожал плечами.

— Дом можно отстроить. Вернуться с того света нельзя. Церковь каменная, не займется, так что те, кто там будут, от огня защищены. Но я все-таки надеюсь, что до этого не дойдет.

— Почему я сам до этого не додумался?

— Потому что ты можешь себе позволить геройски погибнуть. Я — нет.

— Кстати, Алистер, ты думал о том, что теперь, когда Кайлан мертв...

— Нет. И не собираюсь. По крайней мере, пока не закончим Мор.

Теган замолчал, к великому облегчению Алистера. Тот вышел из церкви, глянул на солнце, коснувшееся воды.

— Элисса!

Он приготовился было спорить, но девушка лишь буркнула "слушаюсь", и вошла внутрь. Пусть дуется, главное — целее будет. Алистер загнал за двери всех, кто не собирался сражаться, убедился, что тяжелый засов закрыли изнутри. Нашел взглядом Лелиану и эльфа, устроившихся на крышах вместе с теми из местных, кто умел управляться с луком. Стэн и пес уже стояли у мельницы, среди рыцарей, Морриган бродила где-то по улицам, но тоже

должна была скоро подняться на гору. Да и ему пора. Алистер в последний раз посмотрел на толстые дубовые двери — в случае чего, сразу не выломаешь. Те, кто внутри, может, и продержатся до утра, если защитникам не повезет. Замер на миг около розового куста — бутоны в свете закатного солнца казались густо багровыми, почти кровавыми — Алистер даже потрогал лепестки, гладкие и прохладные, точно девичья кожа. Так странно — кругом страх, а вскоре будет и смерть, а им все нипочем — цветут... Он сорвал бутон. Из-за спины неслышно появилась Морриган, и Алистер залился краской, точно ведьма поймала на чем-то постыдном. И то сказать — бойня вот-вот начнется, а он тут цветочки рвет.

Волшебница отобрала у него розу — Алистер так удивился, что толком и не пытался удержать — обвела ладонью, что-то шепча. Протянула обратно.

— Возьми. Теперь не будет вянуть, и в мешок положишь смело — не помнется. Но только сделай одолжение — как будешь дарить, не говори о том, будто она похожа на цветок. Тот первый, кто сравнил красу девичью с розой, был поэтом, остальные, что бездумно за ним твердят — лишь олухи. Не слишком ты умен, но все же не стоит выглядеть еще глупей, чем есть.

Когда к Алистеру вернулся дар речи, ведьма уже спешила вверх по тропинке.

— Морриган, а тебе-то чем она глянулась?

Она улыбнулась.

— Мы подрались при первой встрече, знаешь. Не буду я причину называть, пустяк, но смелость той, что не страшилась схватиться с ведьмой, оказалась мне по нраву. Потом, когда знакомы стали мы поближе... Интересны мои рассказы ей о том, как лес живет. О том, как я жила доселе. Она ко мне как к равной отнеслась, не к ведьме.

Алистер кивнул.

— Спасибо тебе, Морриган.

— Не для тебя стараюсь.

Вот уж в этом Алистер не сомневался.

— Идут! — закричал дозорный.

И думать стало некогда.

Поначалу все было неплохо — мертвяки исправно путались в стальных петлях и горели, дергаясь на месте. Но вторая волна просто прошла по головам первой, и зажженные стрелы, которыми чудовищ осыпали с крыш, не помогли. Так что пришлось взяться за оружие, и, проклиная всех колдунов на свете, — хоть бы Морриган не услышала — рубить и рубить уже мертвую, бескровную плоть. Давно затверженные приемы не помогали: обычный человек с пронзенной грудью валится оземь, мертвяк шел себе дальше. Рыцарей оттесняли — медленно, но верно — до самых дверей церкви, где сгрудились вооруженные деревенские. Отступать стало некуда. Хвала Андрасте, покойные были не так шустры, как живые, иначе тут бы всем и конец пришел. Алистер потерял счет обрубкам, что дергались на земле. Меч становился все тяжелее, отказываясь подниматься. Рядом рычал Стэн, поминая кого-то на своем языке. Морриган прислонилась к дверям, вконец растратив силы, и Алистер выкроил миг, послав Пончика защищать ее — мало ли кто за спину проскочит. Казалось, рассвет никогда не наступит. Но солнце все же взошло, и с первыми его лучами то подобие жизни, что вело мертвые тела, ушло из них окончательно.

Алистер уселся на ступени церкви и начал оттирать меч обрывком одежды мертвеца.

Вокруг плакали, смеялись и молились одновременно. Стэн опустился рядом.

— Я думаю о тех, кому эти, — он кивнул на окончательно упокоенную нежить, —

приходились родней когда-то. Мы не заботимся о телах, отслужившая свое оболочка не важна. Но все же знать о том, что какой-то саирабаз использовал их так... Не знаю, какой казни это заслуживает.

— Найдем, кто это сделал — решим, — сказал Алистер.

Морриган молча села бок о бок со Стэном, достала откуда-то из складок одеяния флягу. Прихрамывая, подошла Лелиана, штаны на бедре залиты кровью.

— Ничего страшного, — сказала она в ответ на взгляд Алистера. — Кожу рассекли.

Сам Алистер помнил, что вроде его зацепили и не раз — но боли пока не чувствовал. Скоро боевой запах схлынет — и тогда заболит все, что можно, но пока вроде бы все хорошо. Пончик положил голову на колени, Алистер потрепал его, радуясь, что пес невредим.

— Стэн, ты как?

— Жив.

Жив — это хорошо. Остальное можно исправить. Надо бы подняться, крикнуть тем, в церкви, чтобы открывали. Надо бы найти старосту, если тот пережил эту ночь, и велеть собрать трупы в кучу и сжечь с остатками масла. Надо бы... Вот только отдышаться бы чуть-чуть.

За спиной заскрежетал засов. Алистер обернулся, заставляя себя подняться и отступить.

Элисса вылетела из церкви первой, застыла напротив. Коснулась щеки Алистера, словно желая убедиться, что он ей не примерещился. Выдохнула.

— Живой...

И разрыдалась.

===== 13 =====

Им выделили недавно опустевшую избу. Правда, как он туда добрался, и кто помогал идти, Алистер помнил смутно. Кажется, сам Теган не побрезговал плечо подставить — впрочем, ставить на это Алистер не стал бы. Точно, не Стэн, тот сам был не в лучшем виде. Шел, кажется, без помощи, но шатался изрядно — а может, это он сам шатался и все кружилось от тошнотной слабости и боли. Еще Алистер кое-как мог вспомнить, что сидел, прислоняясь к стене, и пытался не наваливаться на Элиссу, которая прижималась к боку и старательно поддерживала, пока Теган распорядился. Постель в избе была одна, для взрослых, а детям, как это часто водится среди простолюдинов, стелили на лавках. Кто-то, то ли Элисса, то ли Лелиана хотел уложить его на эту кровать, а он отмахивался, мол, нашли неженку, вот лучше пусть Лелиана ложится, с ее-то раненой ногой, и с ней Морриган, а сам он на пол, как Стэн — тот ни на одной человеческой кровати не помещался — впервой, что ли. Морриган фыркала — лучше она одна в лесу заночует и вообще... Что "вообще", Алистер вспомнить не мог, как ни старался. Помнил, что его все-таки повело в сторону так, что Теган подхватился держать, все засуетились, Морриган полезла в мешок за припарками, не преминув притом рассказать всем вокруг, что она думает об их уме и предусмотрительности, а потом стало тихо, темно и хорошо.

Проснуться и понять, что у него ничего не болит, было почти счастьем. Кажется, Морриган накануне упоминала, что пока они пытались подготовить деревню к битве, она готовила и зачаровывала зелья, но поручиться за это Алистер тоже не мог. Впрочем, учитывая, что чувствовал себя он почти здоровым, что-то подобное и в самом деле было.

Алистер огляделся. Сквозь щели в закрытых ставнях падал солнечный свет, в лучах

плясали пылинки. В дальнем углу, под одеялом из волчьих шкур спал Стэн. Больше никого в избе видно не было. Рядом с кроватью лежала одежда, судя по размеру — на него. Рубаха хорошего льна, кожаные штаны, кожаный же дублет. Интересно, кто его благодетельствовал? Не Теган, в его одежду Алистер бы не поместился. Староста? Додумывать эту мысль Алистер не стал — какая, в сущности, разница, узнает в свое время, а не узнает — невелика беда.

На столе под чистой ширинкой стояла еда: сухари — и то сказать, едва ли в последние несколько дней здесь кто-то заводил тесто для хлеба — нарезанное щедрыми ломтями соленое сало с розовыми прожилками, яблоки — хрустящие, кисло-сладкие, из тех, что созревают уже перед заморозками и хранятся потом до следующего урожая, белый мягкий сыр и глиняный кувшин с пивом. Остальные, похоже, уже поели, и Алистер захрустел сухарем, решив их не дожидаться.

Стэн по-прежнему спал, когда с улицы послышались голоса. Алистер прислушался — сквозь толстую дверь слов было не различить. Сапоги его стояли у двери, и, начав их шнуровать, Алистер обнаружил, что слышно стало лучше. Элисса. И... Теган, кажется.

— Миледи, боюсь, я больше не могу ждать, пока Алистер придет в себя. Ваша лекарка очень искусна, и если она запретила будить раненых — значит, так надо, но Изольда говорит, что чудовище в замке долго ждать не будет. У вас есть пергамент и чернила?

— Нет.

— И в самом деле, откуда бы в дороге... Тогда я оставлю Алистеру записку у матери-настоятельницы. Вот это кольцо отдадите ему.

— Вы уверены, что так нужно, Теган?

Не "банн Теган" — заметил Алистер про себя.

— Да. И... Элисса. Я знаю, что это слишком смело, но... Поцелуйте меня на прощанье. Возможно, это будет последний поцелуй прелестной девушки, который мне удастся сорвать в этой жизни.

Алистер вылетел на крыльцо, как был, в одном сапоге.

— Теган, кобель ты потасканный! Какой, к ядреням "последний"?

Банн выпустил руку ЭлиССы.

— Ты проснулся, очень вовремя.

— Ага, как раз чтобы вам всю малину обломать.

Теган пропустил его слова мимо ушей.

— Там Изольда... Пойдем, лучше ты сам все услышишь.

— Сейчас.

Алистер торопливо зашнуровал второй сапог и порысил вслед Тегану.

Услышанное ему не понравилось. В который, впрочем, раз — в этом мире, кажется, добрых вестей и вовсе не осталось.

— Ты сошел с ума.

— Прошлой ночью я думал ровно то же самое про тебя. Но — мы еще живы. Может, и в этот раз все обойдется. Может, нет, — он пожал плечами. — Но я должен.

— Я с тобой.

— Алистер, я обещала, что приду только с ним, никого больше! — вмешалась Изольда. — Может, Тегану удастся успокоить... Вернуть...

— А может, ты уведешь его на смерть.

— Ты всегда был недобрым.

— Я и сейчас злой. И мне очень интересно, каким чудом ты осталась жива в замке, из которого каждую ночь выходят мертвецы и рвут на части живых.

— Это... долго объяснять.

— Я не тороплюсь.

— Довольно, — сказал Теган. — Не время и не место препираться. С мельницы в подвал замка ведет потайной ход. Открывается печаткой, которую я отдал тэйрне Кусланд. Возможно, вы сумеете пройти незаметно и понять, что происходит. Возможно — не захотите, вы и без того сделали слишком много. Как я уже говорил, Мор важнее. Решайте сами. И помолитесь за меня. Пойдем, Изольда.

Алистер бессильно выругался им вслед.

К избе он вернулся не в лучшем настроении. Элисса сидела на крыльце, привычно подставив лицо солнцу. Некогда белоснежная кожа аристократки стала золотистой, пошла крапинками веснушек. Алистера на миг до крайности умилили эти мелкие рыжие пятнышки.

— Где остальные?

— Морриган сказала, что вчера извела на вас весь запас трав и пошла искать за околицей. Лелиана в церкви. Стэн спит еще, вам с ним крепко досталось.

Алистер кивнул, прислонился к дверному косяку, глядя на нее сверху вниз.

— Теган тебе кольцо просил передать. — Элисса протянула печатку.

Настроение разом испортилось окончательно.

— Давай сюда... Вот чего ты уши развесила? Тегану такие на один зуб.

— Ты о чем?

— О том. "Миледи, один поцелуй на прощанье..."

— Алистер, ты чего?

— Того. — Он понимал, что ведет себя безнадежно глупо, но остановиться не получалось.

— Да ничего же...

— Когда будет "чего" — будет поздно.

— Создатель! — На лице девушки появилось веселое недоумение. — Алистер, ты серьезно? Ревнуешь?

— Да вовсе я не...

Договорить ему не дали. Элисса сорвалась с крыльца, обвила руками его шею, вытянувшись в струнку, неловко ткнулась губами. Шарахнулась прочь, стремительно краснея.

— Я...

Договорить Алистер не дал. Она попыталась ответить — робко и неумело, и от сознания, что его губы были первыми, внутри разлилась тихая нежность. Он позволил этому длиться чуть дольше, чем казалось разумным, его б воля — вообще бы не отпускал. Заставил себя оторваться, заглянул в лицо, обнимая бережно, точно птенца. Надо было что-то сказать. Наверное. Слова не находились.

Элисса спрятала лицо у него на груди и замерла.

Дверь резко распахнулась, на пороге появился Стэн. Девушка отшатнулась, растерянная, смущенная. Алистер медленно выдохнул — очень хотелось стукнуть кунари чем-нибудь... потяжелее.

— Где все? — спросил Стэн.

— Сейчас будут здесь, — сказал Алистер. — Элисса, найди, пожалуйста, Лелиану и пошли кого-нибудь из местных за Морриган. Дело плохо.

Подвалы пахли плесенью и грибами. Волшебного огонька Морриган хватило, чтобы развеять тьму, но веселее от этого не становилось. Откуда в подземелье, где даже пыли не было — так давно не открывались двери — взялись все те же ходячие мертвяки, понять было невозможно. Но они там были, благо, не толпой, как в деревне, и вместе с ними управились. Но когда в стенах появились решетки, явно отгораживающие помещения для узников, и за одной из них что-то заговорило, Алистер едва не закричал.

Он оказался живым. Колдун-недоучка, по его собственному призванию, отравивший Эамона — аккуратно и точно, чтобы вывести из игры на время — но не убивать. И услышав о том, кто обещал малефикару помилование, Алистер в который раз помянул всех дальних и ближних родственников засранца, обстоятельно перечислив все противоестественные утехи, которым те предавались.

— И где это Стражей учат таким словам? — невинно поинтересовалась Элисса.

— На Глубинных тропах, разумеется.

Двигаться малефикар уже не мог. По его словам, когда в замке появились мертвецы, Изольда велела его пытаться. И если вывихнутые суставы еще можно было бы попытаться вправить — хотя стоит ли тратить время и силы на отравителя, Алистер не знал — то ожоги без должного ухода загноились, и сейчас огневица сжигала несчастного изнутри. К тому же он не помнил, когда в последний раз в подземелье приносили еду и воду.

Элисса повозилась с замком, поминая на все лады эрлессу, которую сама бы на дыбу и в огонь, а потом без воды потомить, поднесла к губам Йована флягу.

— Морриган?

— Здесь я уже не помогу ничем.

Алистер молча взял Элиссу за плечо, выдворив из клетки. Опустился рядом с магом.

— Йован?

Малефикар опустил веки.

— Да смилуется над тобой Создатель, — прошептал Алистер, вытирая нож.

Обернулся к своим.

— Пошли, найдем этого... затейника.

Дочь кузнеца они вывели к мельнице живой, и это было хорошо. Больше ничего хорошего в происходящем Алистер не находил, как ни старался. Он устал считать, скольких людей жуткое колдовство обратило в ходячий ужас. Устал рубить бескровные тела, которые, даже лишившись конечностей, продолжали дергаться на полу. Он отчаялся найти хоть кого-то из хозяев замка живым. Но когда, ворвавшись в центральный зал, где когда-то Эамон принимал гостей и вершил господский суд, Алистер увидел заплаканное лицо Изольды и совершенно бессмысленный взгляд Тегана, он понял, что самое плохое только начинается.

===== 14 =====

Демон глумился, сыпал оскорблениями. Теган кривлялся — натужно, точно марионетка на палочках. Изольда рыдала. Алистер размышлял, почти не обращая внимания на происходящее. Реагировать на оскорбления его отучили в первые же недели у Стражей —

после того, как он проиграл несколько учебных схваток подряд именно потому, что противник дразнил, выводя из себя и заставляя ошибаться. Ошибаться было нельзя, и Алистер, не слушая ехидный хохот, вспоминал. Перебирал день за днем то время, когда из него росли храмовника, мысленно разворачивал свитки, слушал голоса наставников — как многое, оказывается, помнилось до сих пор — выискивая приемлемое решение. Но как он ни старался, решение было единственным и не подлежащим обсуждению. Одержимый должен умереть. По возможности — легко и быстро.

Теган выкрикнул что-то в лицо Стэну, тот, не поведя бровью, поднял здоровенный кулак — банн сложился на пол тряпичной куклой. Изольда взвизгнула.

— Очнется, — сказал Стэн. — Пусть пока отдохнет.

Демон завопил возмущенно, внезапно на полуслове затих и рожа его сменилась детским личиком.

— Мама? Как я сюда попал? — Голос мальчика казался тонким и слабым.

— Коннор?

— Мама, я не помню... — Он прижался к матери. — Я устал...

— Пойдем-ка отсюда. — Элисса мягко обняла ребенка. — Покажешь, где твоя спальня.

— Можно, мама?

— Конечно, милый. — Изольда всхлипнула. — Иди с ней.

— Элисса! — окликнул Алистер.

— Ничего со мной не случится. Это ребенок.

— Это демон.

— Это. Ребенок.

— Я пригляжу, — сказала Морриган.

Элисса вывела мальчика, не переставая обнимать и что-то тихо нашептывая.

— Ты добрая, тетя... — услышал Алистер уже из-за двери.

"Тетя" — Алистер грустно усмехнулся. Когда Изольда появилась в замке ему, десятилетнему — Создатель, точь-в-точь как Коннору сейчас — она казалась ужасно взрослой и очень красивой. Она и сейчас оставалась красивой, несмотря на пролетевшее с тех пор время. Эамон боготворил жену все эти годы, простив ей даже то, что очень долго она не могла зачать наследника. Коннор стал единственным, поздним и до исступления любимым ребенком. Но это было потом. А тогда именно она приказала отослать воспитанника эрла, считая, будто он внебрачный сын Эамона, и как же Алистер ненавидел ее! Совсем юную девчонку, политической необходимости ради выданную за мужчину, чьи не только молодые, но и зрелые годы оставались уже позади и старость, пусть еще не пришла, но скреблась в ставни. Молоденькую девочку, увезенную из дома в чужую страну к чужим людям и непонятым обычаям. Алистер представил себе Элиссу. Тегана. Замутило. Ой, а сам-то тоже, хорош... Он заставил себя не думать. Не время.

— Вот так все время, — всхлипнула Изольда. — То отпускает его, то начинается снова. Это тот колдун наслал на нас демона, я точно знаю. Надеюсь, он сдох.

— О да. Медленно и мучительно. — Элисса стояла в дверях, и такой взгляд у нее Алистер видел лишь однажды. И сейчас, как тогда, хотелось потянуться к оружию, хоть и смотрела девушка не на него. — Только вы, эрлесса, виноваты не меньше, чем он.

— Как ты смеешь!

— Смею. Это вы, вы лично наняли отступника учить сына, лишь бы не отпускать от себя. Это вы забыли о том, что Круг придуман не просто для того, чтобы держать магов в

заочении. Ребенок боялся потерять отца — пока я вела его в спальню и укладывала, он только об этом и твердил. — Элисса покачала головой. — Бедный напуганный малыш... Он попросил "друга из тени", чтобы тот спас Эамона — и тот обещал. Только "друг" почему-то заставляет его делать странные вещи, которые Коннору не нравятся... Не пусти вы в дом отступника, вместо того, чтобы отослать сына в Круг, этого бы не случилось. Это вы убийца, эрлесса.

— Я не собираюсь выслушивать поношения от какой-то соплячки.

Элисса рассмеялась.

— Тэйрна Кусланд, к вашим услугам. — Церемонный поклон выглядел издевательски-идеальным. — И вам придется меня выслушать, потому что знатнее меня в этой стране лишь ее величество — и то по праву замужества, а не по крови. Она... и еще один человек может приказать мне молчать. Не вы.

— Элисса... — прошептал Алистер. На плечо тяжело легла ладонь Стэна.

— Кадан, она дело говорит. Пусть.

— Я не могла позволить увезти от меня Коннора. Любой ценой.

— Да. И теперь он умрет, потому что вы не могли позволить увезти его от себя — туда, где он был бы жив и в безопасности.

— Тэйрна, прошу, остановитесь... — Никто не заметил, когда Теган очнулся. — Изольда ошиблась, и все мы дорого заплатили за это. Но она — всего лишь мать, страшившаяся за ребенка.

— У всех, кто погиб в этом замке, в деревне внизу, были родители. Кузнец, который просил найти его дочь — не отец?

— Благородной леди есть дело до горестей простолюдинов? — усмехнулась Изольда. — Самозванка.

На месте Изольды Алистер предпочел бы обратиться в ледяной столп, лишь бы не видеть этого взгляда.

— Не знаю, как воспитывают благородных у вас, в Орлее, — процедила девушка. — Но меня всю жизнь учили, что простолюдины нам служат — но и мы служим им. Защищаем, судим их споры, ведем их жизни — заботливо и бережно, как добрые родители ведут по жизни своих детей. Впрочем, как вы заботились о собственном сыне, я уже видела.

— Хватит, она и без того наказана.

Лелиана. Ну конечно, кто еще готов простить вся и всех, потому что Создатель так повелел.

— Мои родители заплатили жизнью за мою жизнь. Собственной жизнью. Не чужими.

— Довольно!

— Да, Алистер.

Изольда разрыдалась — в который раз.

— Алистер, клянусь Создателем, если бы моя жизнь могла исцелить Коннора, я бы...

— Изольда, прости, но сейчас это уже не имеет значения.

— Убейте меня, если я виновата! — Женщина рухнула на колени. — Не трогайте моего мальчика!

Алистер отдал бы полжизни за то, чтобы прямо сейчас оказаться на Глубинных тропах, в башне Ишалы, на поле у Остагара, рядом с Дунканом. Где угодно — только не здесь.

Одержимого нужно умертвить — по возможности, легко и быстро.

Убить ребенка.

Алистер заставил ее подняться. Покачал головой.

— Я... прости Изольда. За десять лет, пока из меня пытались сделать храмовника, я ни разу не слышал, чтобы одержимость можно было исцелить.

Он не сможет... Или сможет? Можно приказать... попросить Стэна. Но не дело приказывать другим исполнить то, на что не хватает духу у самого.

— Я слышала, — сказала Морриган. — И в книгах матушки читала, что способ есть такой. Найти в Тени сознание того, кто одержим, и с демоном сразиться. Коль победы достигнешь — одержимый исцелен. Коль проиграешь — будешь мертв. Но я не знаю, как в Тени безбрежной, где сотни тысяч душ и снов, найти одну. Возможно, знают те, кто в Круге заперт. Трудно мне с почтеньем отнестись к тому, кто позволяет собою помыкать, боясь, что дар его в проклятье обратится — но может, кто-нибудь из них осведомлен о том, как это сделать.

— Это правда? — вскинулась Изольда.

— К чему б мне лгать?

— До башни Круга день пути, — сказал Теган.

— Но неизвестно, что за это время еще натворит демон, — вмешался Стэн.

— Ему больше некого убивать. — Изольда снова рухнула на колени. — Умоляю...

— Алистер, можно запереть нас троих в замке, — сказал Теган. — Я напишу серу Перту, чтобы он никого не впускал и не выпускал, кроме вас. И что до той поры, пока ты сам не отменишь мое распоряжение, они не должны слушаться ни меня, ни Изольду. Сер Перт умеет повиноваться приказам, ты видел.

Припасов в погребе, который они проходили по пути сюда, троим хватит не только на неделю, но и на месяц. Вода, как в любом порядочном замке, не только непрерывно подавалась внутрь, но и заполняла несколько больших хранилищ, специально предназначенных на случай, если осаждающий враг перекроет водовод. Повод для беспокойства в другом — возможно ли, что вернувшись через неделю они найдут в замке лишь демона? О чем Алистер и спросил, уже не слишком выбирая выражения.

— Ты способен убить ребенка? — парировал Теган.

— Не пробовал.

И пробовать не хотелось. Совершенно. Создатель, ровно поэтому он и не хотел быть храмовником — и все же. От судьбы не уйти, что ли? Что ему до этого мальчишки, если подумать, которого он видит впервые в жизни? Что ему до слез этой женщины, которая в свое время не пожалела такого же мальчика, над которым рыдает теперь? Скольких еще может убить демон?

— Мы должны попытаться! Невинное дитя не заслужило...

Лелиана, моли Создателя, чтобы тебе никогда не пришлось знать, что твое мягкосердечие убило...

Алистер мысленно выругался. Кажется, он все же превращается во второго Дункана.

Он вздохнул:

— Теган, ты понимаешь, что если мы ошибаемся, Коннор погибнет все равно. Но до этого умрешь ты. И Изольда.

— До сих пор он не тронул мать. А я не так уж молод, чтобы цепляться за жизнь любой ценой.

— Хорошо, — он снова вздохнул. — Только знаешь, в последнее время, за что я ни берусь — все выходит через одно место. Готов спорить — в башне нас определенно ждет

какая-нибудь пакость.

— Я помолюсь за вас. И... тэйрна, вы позволите?

— Теган, — процедил Алистер.

Банн усмехнулся, целомудренно коснулся лба девушки.

— Да благословит вас всех Создатель.

===== 15 =====

Засада была устроена почти идеально. Почти. Если бы не Пончик, они пришли бы под стрелы, точно агнцы на заклятие. Но Пончик ткнулся в бедро Элиссе, замер, настороженный и молчаливый. Элисса так же молча пихнула в бок Алистера и тот остановился. Имперский тракт лежал себе впереди, стесненный холмами, покрытыми лесом — до голых стен гор было еще далеко — и на первый взгляд покоя не нарушало ничего. На второй тоже. Но Пончик нервничал.

— Мы пойдем, посмотрим, — прошептала Лелиана. — С Элиссой.

— Может, Стэна с вами послать?

— Нет, он большой, — сказала Лелиана. — Тяжелый. И ходить тихо не умеет, так же как ты.

На взгляд Алистера, Стэн двигался совершенно бесшумно. Но если знающий человек говорит "не надо" — значит, не надо.

— Лучше Морриган, — сказала Элисса. — Перекинешься?

— Согласна. Только отойдем, чтобы не смущать умы и без того не слишком крепкие...

— Хочешь сказать — чтобы Стэна не напугать, — хихикнула Лелиана. — Пойдем.

Алистер так и не смог понять, как это у девчонок получается. Вот, вроде только что тут стояла, шаг чуть в сторону, где свет мешается с тенью — и все, на расстоянии вытянутой руки не углядишь. Дункан так же умел, но научить не смог, как ни пытался. В конце концов, оставил это дело, мол "не дано". Равно как сам Алистер так и не смог помочь тому достигнуть сосредоточения, нужного для того, чтобы не обращать внимания на любой колдовской морок. Не дано — и все тут.

Он уселся на придорожный камень, потрепал по холке Пончика и стал ждать.

Сперва из-за деревьев выбежала собака. Пончик не повел и ухом, а спустя миг на месте животного стояла Морриган.

— Во мне им больше нету прока. Скоро будут.

"Скоро" растянулось на долгие полчаса. Затрещали кусты и девушки, кривясь и сгибаясь выволокли на дорогу нечто, похожее на заиндевшую статую с острыми эльфийскими ушами. Алистер открыл рот, но Элисса приложила палец к губам. Алистер послушно заткнулся.

— Скоро разморозится, — шепнула Элисса. — Рот ему пока завяжи, только не разбей нечаянно.

— Там лучники в засаде. Изрешетят. — Лелиана тоже говорила еле слышно. — Мы тихонько, сами.

Алистер кивнул. Стэн придвинулся ближе. Едва пленник начал шевелиться, лапища кунари ухватила его за горло, и спустя несколько минут полузадушенный и ошарашенный эльф лежал на земле, спеленатый в пару одеял и только и мог, что вертеть головой и мычать.

Потом девушки вернулись снова, Лелиана осталась сторожить, Элисса молча поманила. Алистер и Стэн двинулись следом, вверх и вперед по склону холма, пока девушка не

остановилась, указывая куда-то вниз. Отсюда были прекрасно видны трое воинов, устроившихся среди придорожных камней. Алистер кивнул, сделал знак Стэну, и скоро все было кончено.

— Этому тоже матушка научила? — хмыкнул Алистер, когда они, уже не скрываясь, пошли обратно.

— Лелиану — не знаю, меня — да. Я же не могу потягаться с кем-то вроде тебя в честном бою.

— Зачем это знатной даме?

— Зачем сражалась королева Роуэн? — пожалала плечами Элисса. — Матушку в ту войну и научили, а она меня — на всякий случай. Никто же не думал, что пригодится.

— Это точно. Только скажи на милость, зачем вы остроухого приволокли? Кто его нанял, я и сам скажу.

— Да я, пожалуй, тоже, — согласилась Лелиана, поднимаясь с камня. — Но на нем татуировки антиванских Воронов.

Алистер присвистнул. Не жалко ж засранцу денег! Или не собственные, казенные? Во благо государства, конечно, ради избавления от возможной смуты?

— А вы уверены, что он заговорит?

Элисса снова передернула плечами, глядя на пленника сверху вниз.

— Как ты сам сказал — едва ли что-то новое узнаем. Нет — так нет. Сама притащила — сама и убью.

— Притащили мы, положим, вдвоем, — сказала Лелиана, развязывая эльфу рот. — Идея была моя.

— Ой, ну давай подеремся, — фыркнула Элисса.

— Дамы, я польщен, — сказал эльф. — Две красавицы собираются из-за меня подраться — ради этого, пожалуй, можно и умереть.

Элисса прыснула в ладошку, Лелиана хихикнула.

— Ой, прошу прощения. Три красавицы. Надеюсь вы, — он перевел взгляд на Морриган, — не питаете в мой адрес столь же кровожадных намерений?

Морриган зашипела что-то нечленораздельное.

— В жабу не надо.

Тут уже не выдержал и Алистер — рассмеялся.

— И что ж с тобой, таким речистым, делать?

— Понять? Простить? — предложил пленник.

— Сейчас я его прощу... раза три посохом по смазливой морде, — прошипела Морриган.

— Господа, ну правда — не надо все принимать так близко к сердцу. Лично я к вам никаких неприязненных чувств не питаю. — Алистер готов был поспорить — окажись у пленника свободны руки, он прижал бы их к сердцу, сделав наивно-искреннее лицо. — Работа есть работа. Я за нее взялся — и не преуспел. Спрашивайте — отвечу. Зевран Араннай к вашим услугам.

— Почему? — поинтересовался Алистер. Словоохотливость эльфа забавляла и раздражала одновременно. Казалось, остроухому совершенно все равно, что с ним будет дальше. Самое противное, что и сам Алистер уже не знал, что с ним делать. Вот ведь девчонки удружили...

— Убьете вы меня или нет, от меня не зависит... Ну, почти — я все же попытаюсь

договориться. Но оказаться под пыткой мне совершенно не хочется, к тому же, молчание в контракт не входит.

— Кто тебя нанял, я и так скажу, — повторил Алистер. — Одна высокопоставленная особа в Денериме. Может, Логэйн сам не погнушался, может, кого помельче отрядил. Раз уж награда за головы Стражей не помогла.

— Собственной персоной. Точнее, эрл Хоу привел меня к Логэйну. Кто из них договаривался с моими старшими — не знаю.

Теперь уже нечленораздельно зашипела Элисса. Если бы проклятья исполнялись мгновенно, Хоу бы тут же повесили, выпотрошили, четвертовали и утопили в нужнике. Желательно одновременно.

— Сколько заплатили?

На самом деле, это не имело значения. То, что Вороны стоили баснословно дорого, знали все и это даже слегка льстило. Но любопытно же!

— Вот чего не знаю — того не знаю. Я работаю. Деньги получают другие.

— Сколько еще, кроме тебя, придут по наши головы?

— Пока контракт не будет исполнен. Сколько для этого понадобится попыток — вам лучше знать.

— Бесполезен, — проворчал Стэн. — Прикончим и пойдем дальше

— А вот тут я начинаю торговаться, — заявил Зевран.

Алистер расхохотался снова. Убивать языкастого мерзавца расхотелось окончательно. Глупость несусветная, право слово — но прикончить связанного и безоружного претило.

— Во-первых, я прошу сохранить мне жизнь. Один раз оплошав, я безвреден. Во-вторых: возьмите меня с собой.

От такой невероятной наглости онемела, кажется, даже Морриган.

— Чтобы однажды ты сыпанул нам в котел какой-нибудь дряни? — спросил Алистер после того, как вернулся дар речи.

— Чтобы потом вон та черноокая все же превратила меня в жабу? — передразнил Зевран. — Молчу-молчу. — Он перестал ухмыляться. — В этом-то вся прелесть: теперь, как долго я проживу, будет зависеть лишь от того, сколько вы станете терпеть меня рядом. А покойники, увы, защитить не могут.

— Кажется, я поняла, — сказала Лелиана. — У Воронов тот, кто не справился с заданием, умирает. Второго шанса не дают.

— Именно. Я взялся вас убить и не смог. Значит, я сам недостоин жить. А жить мне почему-то нравится.

Распеленать его, связать руки-ноги, да бросить нож так, чтобы он до него добрался спустя полчаса, не раньше, да пока развяжется?

Примерно это Алистер ему и предложил. Эльф помотал головой.

— Тогда лучше прирежьте сразу. Повторяю — для Воронов я мертв. Но вам, хотя бы, не придет в голову сделать из меня показательный пример. Я, конечно, знаю их повадки и сколько-то продержусь, но, в одиночку — увы, недолго.

Алистер окинул взглядом товарищей.

— Ты ведь решился, — скривилась Морриган. — так к чему просить у нас согласия — все равно поступишь, как хотел.

— Я умею готовить...

— Щасс, — зашипела ведьма.

— Хорошо, не буду. Могу чистить доспехи. Колоть дрова, таскать воду, стирать...

— Это я и сам могу, — сказал Стэн.

— Греть постель, отгонять назойливых кавалеров...

— Алистер, Создателя ради, — не выдержала Лелиана. — Пусть идет. Впятером...

Пончик гавкнул.

— Вшестером как-нибудь приглядим. Иначе он заболтает нас до смерти.

Стэн довольно бесцеремонно вытряхнул Зеврана из одеял. Тем не менее, поднялся тот довольно проворно и поклонился. Алистер мысленно застонал — еще один знаток изящных манер на его голову!

— Сим клянусь служить тебе верно. — Еще один преисполненный смертоносного изящества поклон.

Взять, что ли, пару уроков у Лелианы? — подумал Алистер. До полусмерти надоело чувствовать себя неуклюжей деревенщиной.

===== 16 =====

Предчувствия его не обманули.

По правде говоря, никаких предчувствий и вовсе не было, но едва Алистер услышал, что храмовники отобрали у перевозчика лодку и никого не пускают в Башню, сразу понял — сказанное сгоряча Тегану оказалось правдой. И в Башне наверняка завелась какая-то пакость.

Истинные размеры пакости он осознал, обнаружив закрытые наглухо тяжеленные двери, отделяющие основные помещения, и караул храмовников перед ними. Это означало, что справиться с тем, что внутри, они не в состоянии. И услышав о том, что послан гонец за Правом Уничтожения, уже не удивился. "Убивайте всех — Создатель отделит одержимых от праведных". Иногда это становилось единственным способом предотвратить катастрофу, когда башня Круга становилась логовом демонов, способных опустошить окрестности не хуже Мора.

Только это означало, что Коннор обречен.

И лишь поэтому Алистер сунулся к Грегору, командору храмовников — уверен ли тот, что спасти уже некого? Нет, Грегор не был в этом уверен. Но и посылать людей на смерть ради призрачной надежды не собирался. Впрочем, если Алистеру так любопытно — может сходить, проверить сам. Если жизнь не мила.

Алистеру было любопытно. И пропади она пропадом, такая жизнь, если к тому моменту, как он доберется до Архидемона, может оказаться, что спасти от Мора уже некого. Мертвяки в Рэдклиффе, одержимые и демоны в Башне. Что дальше — неведомая эпидемия в Долах и Орзаммар, превратившийся еще в один заброшенный тэйг стараниями порождений тьмы?

Думать об этом не хотелось — Алистер и не стал. Дожить бы сперва. Грегор сказал, что выпустит их обратно, только если к дверям приведут самого Первого Чародея. Или если все внутри будут мертвы. Возможно, включая некоторых чересчур любопытных.

Алистер предложил тем, кто не хочет рисковать, остаться с храмовниками — затея в очередной раз отдавала самоубийственным безумием. Отказался даже Зевран.

— Я уже говорил, что покойники — плохая защита. Так что придется самому приглядеть, чтобы эти самые демоны не отправили вас прямиком к Создателю.

Алистер усмехнулся и шагнул за тяжелые створки.

Он собирался увидеть демонов, чудовищ-одержимых и еще невесть что — но никак не почтенную седовласую даму, окруженную полудюжиной детишек. Чародейку звали Винн, и когда она попросилась идти с ними, Алистер только вздохнул. Похоже, и правда судьба у него такая — подбирать по пути всех сирых и убогих. Но без человека, досконально знающего башню, обойтись будет трудно. Правда едва ли от этой дамы, чьи манеры напоминали о горящем долгими зимними вечерами очаге, историях, рассказанных мягким ласковым голосом и заботливо подоткнутом теплом одеяле — Создатель, оказывается, он помнит и это — будет толк в схватке.

Оказалось, старушка умела швыряться заклинаниями почище Морриган. Так что вылетевший из боковой двери призрак, похоже, не успел даже понять — если эти твари вообще способны что-то понимать — что произошло. Впрочем, самым страшным оказались не демоны. Еще одна тварь, которую надо убить, только и всего. Куда страшнее оказалось слышать, как Винн называет поименно каждого мертвеца — даже тех, в котором трудно было узнать человека. Мертвые храмовники, мертвые маги, мертвые ученики, многие совсем малыши. Изорванные книги, разворошенные постели, разбитые зеркала. И сладкий запах разложения, который невозможно перепутать ни с чем.

— Я должна извиниться перед Изольдой, — прошептала Элисса. — Коннор не был бы здесь в безопасности. Разве что замок бы остался цел, и никто не погиб в деревне. Но...

— Что толку гадать о том, что было бы? — сказал Стэн.

— Чтобы не ошибиться снова.

— Ты все равно ошибешься, девочка, — вмешалась Винн. — Безупречен лишь Создатель. Мы, люди, ошибаемся — и быть может именно это и делает нас живыми.

Закончить спор они не успели, нарвавшись на группу малефикаров. И последняя из колдунов, поняв, что побеждена, рухнула на колени, моля о пощаде, Алистер даже не стал пачкать об нее меч, свернув шею. Те дети, внизу, тоже хотели жить.

Потом он устал считать одержимых и демонов. Ловких, хитрых, опасных — но совсем не страшных. Куда страшнее было сражаться с храмовником, околдованным демоном желаний. В грезах своих этот человек получил то, от чего отказался во имя обетов: дом, семью и детей. И бестрепетно отдал жизнь, думая, будто защищает их. Страшно было закрывать глаза мертвецу и видеть в нем себя, каким бы он стал, если бы не...

Что толку думать о том, что было бы, говорил Стэн. Но как не думать? Если бы Изольда не выставила его из дома? Если бы не появился Дункан? Если бы он наотрез отказался лезть на эту трижды проклятую башню? Смог бы спасти хоть кого-то? Или погиб вместе со всеми, заодно обрекая на смерть девчонку, что сейчас шагает за правым плечом с парой ножей наготове? Одна она не добралась бы и до второго этажа. Или не стала бы даже пытаться? Нет, эта бы не отступилась. Так что, наверное, пусть лучше все идет, как идет... только бы не оказалось, что он притащил в эту башню на верную смерть пятерых, кто ему верит, ради призрачной надежды спасти одного почти незнакомого пацана.

Комнаты сменялись коридорами, одно чудовище — другим. У Лелианы почти не осталось стрел, Элисса и Зевран были с головы до ног покрыты кровью, куда больше похожие на одержимых, чем сами одержимые. Впрочем, и Стэн выглядел не лучше, да, наверное, и сам Алистер — хорошо, что себя со стороны не видно. Морриган ворчала, что извела все припарки, Винн словно бы осунулась и постарела на десяток лет — целительные заклинания даются не так-то просто. Но позади оставались этаж за этажом, и Алистер уже

был почти уверен, что в этот раз обойдется. Они найдут этого самого Первого чародея, который, по словам Винн, вместе с остальными старшими магами остался в зале для Истязаний на самой верхушке башни, и Коннор избавится от демона. И вообще все будет...

Тело отказалось подчиняться, сами собой закрылись глаза, а миг спустя Алистер ничуть не удивился, увидев Дункана.

— Здравствуй, — улыбнулся тот, раскрывая объятия. — Мы уж тебя ждали.

Знакомые стены... Вейсхаупт, зал для учебных боев. Дункан совсем такой же, как в тот день, когда они расстались, хотя к чему в стенах Вейсхаупта полный доспех, от кого защищаться?

— Здравствуй, — Алистер обнял его в ответ. — Спасибо, что дождался.

Значит, он тоже мертв. И если рядом не видно ни Пророчицы, ни создателя, значит, это Тень, через которую проходят все души по пути к Нему. Какой все-таки Дункан молодец, что дождался. Вдвоём можно хоть к Создателю, хоть... Да куда угодно! Жаль только, остальных он, кажется, подвел... впрочем, там же Стэн остался. Да и остальные отнюдь не новобранцы, которым носы утирать надо. Справятся и без него.

— Пойдем, — сказал Дункан. — Остальные только тебя и ждут.

— Пойдем, — согласился Алистер. — Только я почему-то совершенно не могу вспомнить, что меня убило.

— Чего? — Дункан расхохотался. — Шуточки у тебя.

Алистер остановился.

— Но если я жив, тебя тут быть не может. Потому что ты определенно мертв.

А так ли он уверен, на самом-то деле? Тела ведь он не видел.

Дункан захохотал еще пуще.

— Слышал я, что от удара по голове мерещится всякое, но чтобы такое...

— Погоди...

Лицо Дункана стало озабоченным.

— Так. Похоже, тебя не долечили. Остагар помнишь? Башню, маяк?

— Там был огр...

— Какой огр? Баллиста, на тебя обломок стены свалился. Мы потом вытащили, сюда привезли...

Алистер потряс головой.

— Кто — "мы"? Вы же погибли. Все. И Кайлан...

— Алистер... — Дункан коснулся его лба, заглянул в глаза. — Мы победили. Мор окончен. Порождений тьмы больше нет. А мы с тобой сейчас идем пировать с остальными по этому поводу. Но если ты продолжишь настаивать, что я мертв, то вместо пира отправишься к целителям — с такой головой пить не стоит. Не знаю, что там тебе мерещилось после того камня, но ничего этого не было. Мы победили.

— А Элисса?

— Какая Элисса? Алистер, это бред. Ничего не было.

Алистер вцепился в деревянное тренировочное чучело. Не было? Не было отчаяния и ужаса, когда он бродил по полю, покрытому телами? Не было Рэдклиффа? Не было склочной ведьмы, блаженной бардессы, молчаливого и такого надежного кунари? Не было пса со смешной кличкой Пончик? И языкастой девчонки, которая куда лучше умела убивать, чем целоваться, тоже не было?

— Алистер, все в порядке?

— Нет, — выдохнул он.

Неумелые губы доверчиво раскрываются навстречу, шальные, счастливые глаза, веснушки на позолоченном солнцем лице. Дыхание касается кожи в развязанном вороте рубахи — смешно и щекотно, колючий ежик волос под его ладонью...

Не было?

Или он, как тот храмовник выдумал себе...

Но тогда получается, что и храмовника тоже не было.

— Пойдем, — Дункан взял за плечо. — Увидишь остальных, выпьешь, и станет лучше. Эж тебя приложило... Нашим лекарям бы у Флемет поучиться, как голову лечить.

Алистер застыл.

— Дункан. Ты не можешь знать Флемет.

— Да кто ж про нее не слышал.

— Ни в одной легенде нет ни слова о том, что она лекарка.

— Алистер, ты же сам мне про это рассказывал. — Дункан снова тронул за плечо. — Пойдем, там поди заждались уже.

Алистер высвободился, шарахнулся в сторону, выхватывая меч.

— Я познакомился с Флемет после того, как Дункан — настоящий Дункан — погиб. Я не мог ему об этом рассказать. Ты — не он.

Это не Тень. И не Вейсхаупт. Это ловушка демона, который выпотрошил его память, вывернул наизнанку душу, добравшись до самого сокровенного.

— Алистер...

— Прочь!

— Ну что ж... — лже-Дункан потянул из-за спины клинки. — Ты сам этого захотел.

Когда-то, вечность назад, Алистер гадал, сможет ли скрестить оружие с другом — всерьез. Сейчас гадать не осталось времени. Этот "Дункан" сражался как настоящий... Нет, сильнее, чем настоящий, предугадывая каждое движение, словно читая мысли — а может, так оно и было. Но Алистер должен был его победить. Потому что если это ловушка демона — значит, и все остальные тоже... Значит, он все-таки привел их на смерть. Поэтому он должен был победить. Выбраться. Найти остальных. Даже если щит уже не держится в руках, а пол стал скользким от крови. Если он не справится — они умрут.

"Дункан" захрипел и обмяк, зажимая рану на животе. Еще один удар, вспоровший кольчугу на груди и дошедший до сердца. Алистер бессильно опустился рядом, нашаривая зелье в кармашке на поясе. Если все нереально — значит, раны тоже. Значит, и нереальное зелье должно помочь.

Потом он долго сидел, приходя в себя. Придвинулся ближе к телу, взгляделся. Те же седые пряди, едва заметный шрам на виске. Кого он все же убил — Демона в личине друга и наставника? Или все-таки... Алистер застонал, обхватив руками виски. А потом сделал то, что должен был сделать тогда, на поле под Остагаром, но не смог. Бережно уложил голову мертвого Дункана себе на колени, расправил спутавшиеся волосы и зарыдал.

===== 17 =====

Алистер сошел с ума. Окончательно и бесповоротно.

Как ни странно, после осознания этого стало легче. Потому что поначалу он едва не поверил грустному человеку по имени Ниалл. То есть совсем поначалу Алистер принял его

за еще одного демона и едва не убил, но тот не пытался ни сопротивляться, ни угрожать. А потом Алистер почти ему поверил. Почти поверил, что он, в котором никогда не было ни грана магического дара — в Тени. В полном сознании. Нелепо. Смешно. Безрассудно.

Безумно. Алистер обкатал это слово на языке, понял, что оно верно, и успокоился. Он сошел с ума, значит, можно ничему не удивляться. Стать мышью? Ну ладно, мышью, так мышью. Бесплотным духом? Ожившим огнем? Пусть так. Разве что какая-то отдельная часть разума не уставала изумляться буйству собственного воображения. Он всегда считал себя совершенно посконным, а тут — на тебе.

А еще он никак не мог понять, почему он должен отыскать в этом бреде остальных и для чего торопиться. Если он безумен, то какая разница, сколько бродить между порождений больного разума? Нелогично выходит. Эта мысль заставила его рассмеяться — искать логику в безумии. Пришлось просто признать, что так надо, даже если непонятно, зачем. И он прорывался сквозь горящие порождения тьмы, безумных магов и таких же спятивших, как он сам, храмовников, разыскивая тех, кого привел в эту многожды проклятую башню, чтобы спасти хотя бы в собственном бреде, если погубил в реальности. Снял с дыбы антиванского убийцу, успокоил Винн, невесть зачем богохульно прогнал из церкви Лелиану. Стэн, правда, вел себя странно, заявив, что понимает — все это *hissra*, морок, только не может пока разобраться, насколько реален сам Алистер. Еще чуднее оказалась Морриган, буквально вцепившись в него и требуя поскорее убраться отсюда. Откуда и куда? — изумился Алистер. Куда можно убраться из безумия? На что Морриган ответила — для того, чтобы чего-то лишиться, надо это что-то для начала иметь, так что Алистеру потеря рассудка очевидно не грозит. Помогла убить очередной морок, обернувшийся Флемет, и исчезла, как все остальные до нее. Алистер почесал затылок, вспомнил, что надо торопиться и побрел дальше.

Оказавшись в залитой светом бесчисленных свеч зале. Алистер не удивился. Чем, в конце концов, бал лучше допросной? Через весь зал змеился кароль, фигура сменялась другой, мелькали лица, и Алистер почти отчаялся, когда песня закончилась, цепочка распалась. В нескольких ярдах от него рыжеволосый юнец подвел девушку в синем платье к средних лет паре, очевидно, возвращая родителям, как это и полагалось по этикету. Алистер бесцеремонно уставился на девчонку — все равно ведь бред, какая разница, что там говорят приличия по этому поводу. Было ведь на что посмотреть. Тяжелые косы перевиты лентами и цветами, шелк юбок струится, на миг очерчивая то бедро, то коленку, изящные руки унизаны кольцами, явно делали специально под такие тонкие пальчики. Царственная осанка, плавные, величавые движения. И совершенно счастливое лицо, чье сияние, пожалуй, затмевало золотые побрякушки.

Юнец раскланялся с родителями и растворился в толпе, девушка что-то зашебетала, обращаясь к отцу, а Алистер в который раз застыл ледяным изваянием — наконец-то он ее узнал. И, не в силах оторвать взгляд от незнакомо-безмятежного лица не обратил внимания, как зал опустел, оставив лишь этих троих.

Он не мог, просто не мог заставить себя подойти и сказать ей, что на самом деле ничего этого нет. Несколько — часов, дней, лет, кто его поймет в этом бредовом безвременье — назад, разговаривая с демоном, околдовавшим храмовника, он сказал, что лучше печальная реальность, чем сладкие грезы безумия. Сейчас он совсем не был в этом уверен. Даже если ее счастье — лишь порождение бреда, а на самом деле ничего этого не существует.

Алистер так и стоял безмозглым истуканом, когда Элисса его заметила. И увидеть, как гаснет улыбка, а глаза расширяются, наполняясь откровенным ужасом, оказалось невыносимо. Элисса испугалась — его.

Он все же заставил себя подойти — поздно уже размышлять, стоит ли, остановился в паре шагов.

— Волчонок, ты его знаешь? — спросил отец. — Представь нас.

Девушка повернулась к нему, снова посмотрела на Алистера, попятилась.

— Вы... Вы и он не можете быть одновременно. — Еще несколько неверных, растерянных шагов. — Что-то ненастоящее. Он? Вы?

— Волчонок, что с тобой? — протянул руку отец.

— Не трогай меня! — Голос взвился до крика. — И ты тоже! — Она шарахнулась, каким-то чудом не запутавшись в юбках.

— Ну вот какого демона вас сюда принесло, юноша, — сказал Кусланд-старший.

Алистер на миг развеселился — демон ругается себе подобными. Миг спустя стало не до смеха, когда в руке "Брайса" невесть откуда появился меч, а "Элеонора" извлекла из воздуха парные клинки. Диким, не своим голосом закричала Элисса, но оглядываться на нее Алистер не стал, молясь лишь об одном — чтобы под меч не сунулась. Эти двое оружием владели что надо, и было очевидно, что говоря о матушке, Элисса ничуть не преувеличивала.

Наконец, Алистер опустил меч, тяжело дыша. Огляделся. Элисса сидела, сжавшись в комок, закрыв лицо руками. Раскачивалась из стороны в сторону, монотонно повторяя:

— Не надо, не надо, пожалуйста....

Алистер бессильно выругался. Опустился на колени напротив, коснулся запястий. Она не закричала, не стала пытаться вырваться, лишь подняла лицо — по щекам текли слезы — пристально разглядывая. Высвободила ладонь, коснулась, неуверенно и робко. Миг спустя бессильно уронила руки.

— Это ничего не даст. Они тоже казались совсем настоящими, — она всхлипнула. — Я поверила, я так хотела поверить, что Стражи, Мор... просто кошмар во время тяжелой болезни...

Она перевела взгляд туда, где лежали тела, тихо, безнадежно вскрикнула, снова закрыв лицо ладонями.

— Я настоящий, — сказал Алистер. И честно добавил: — Кажется.

— Не знаю, чему верить... Как узнать... Я ведь держала за руку сера Гилмора, когда мы танцевали, — голос снова сорвался в крик. — Он был теплый и настоящий. И когда обнимала отца... когда мама целовала меня... Если я не могу верить своим глазам и своим рукам, то как тогда понять, что — правда?

Она вытерла слезы рукавом. Алистер в который раз увидел, как на лице появляется знакомое выражение холодного надменного спокойствия. Захотелось кого-нибудь убить.

— Должно быть что-то. Что-то, что знает только настоящий Алистер, не знаю я и это "что-то" можно легко проверить.

— Шрам на заднице подойдет? — брякнул Алистер.

И подумал, что это ошарашенное лицо он запомнит на всю жизнь.

— Если, конечно, ты не подглядывала тогда за мной.

Элисса слабо улыбнулась.

— Я — нет. Но Морриган нашла тебя весьма... аппетитным. Правда, от подробностей воздержалась.

— И на том спасибо, — хмыкнул Алистер, чувствуя, как горят щеки. — В общем, шрам этот я заработал отнюдь не героическим образом. Наоборот, скорее. Еще в аббатстве подглядывал с дерева, как сестры купаются, а мать-настоятельница заметила. Я так испугался и так... стыдно было... что с ветки свалился, и пока летел, умудрился на сучок напороться. Вот тут. — Он хлопнул себя по ягодице. — Проверить легко. Штаны снимать?

— Да иди ты, — хихикнула Элисса, и Алистер улыбнулся в ответ. — Верю. Как отсюда выбраться?

— Кажется, захотеть проснуться.

— Тогда погоди минуточку.

Она тяжело оперлась на его руку, подошла к телам, преклонив колени в молитве. Выпрямилась. И растаяла, как все остальные до нее.

Алистер улыбнулся — вот теперь все будет как надо — и отправился разыскивать Ниалла. Пусть тот всего лишь еще одно бредовое видение, но вдвоем бредить веселее.

Ниалл, правда, его обществу отнюдь не обрадовался, твердил что-то про демонов, литанию и выход из Тени.

— Хорошо, — сказал Алистер, устав спорить. — Что ты от меня хочешь?

— Чтобы ты проснулся вслед за остальными и убил демона. Теперь он тебя не удержит.

— Ну надо — так надо, — вздохнул Алистер. — А ты?

— А для меня все уже слишком поздно. — Он вздохнул. — Жил не как люди, и умер не по-человечески. А ты еще нет. Иди отсюда.

Алистер послушно "пошел"... и обнаружил, что голова уютно покоится на коленях ЭлиССы, а сама девушка заглядывает ему в лицо взволнованно и настороженно.

"Ну наконец-то безумие подкинуло что-то приятное, — решил Алистер, прикрывая глаза. — А то демоны, демоны..."

— Алистер, ты меня слышишь?

— Слышу, слышу...

— Приди в себя!

— Еще чего. — Он поерзал, устраиваясь поудобнее. — Прекрасная мысль — лежать между девичьих ног...

Пощечина оказалась звонкой и хлесткой, за ней последовала еще одна, сопровождающаяся знакомым разъяренным шипением. Морриган. Чьи-то руки вздернули за ворот, вздымая над землей, не слишком деликатно поставили на ноги. Это уже Стэн, остальным силы не хватит. Алистер ошарашенно огляделся, держась за щеку. Простонал.

— Ну кто вас просил, а?

— Доброе утро, — ухмыльнулся Зевран.

Алистер многоэтажно высказался, оглядывая присутствующих. Все они были здесь, включая пса, живы, на первый взгляд здоровы, с оружием наготове.

А за закрытым дверной проем магическим барьером, подобный которому Алистер уже видел, бесновался демон.

Алистер потряс головой.

— Получается, я не рехнулся.

— Я же сказала — чтобы потерять рассудок, нужно сперва его иметь, — фыркнула Морриган.

— Ага, — глубокомысленно изрек он. Снова многоэтажно выругался, полочее перехватил щит. — Значит, продолжаем бить демонов.

— Примерно так, — сказал Зевран. — Соображай быстрее.

— Алистер, долго я барьер не удержу.

— Ну так снимай. Прорвемся.

Они прорвались. Сквозь демонов, одержимых, безумного Ульдреда. И как не умолял полубезумный мальчишка-храмовник прикончить всех оставшихся магов до единого, дабы бойня не могла повториться, привели Первого чародея к Грегору. И Алистер даже умудрился всучить им договор и вытряхнуть обещание прислать отряд. И обещание попытаться помочь Коннору.

Больше здесь делать было нечего. Впрочем, Алистер ничуть не удивился, когда Винн сказала, мол, пусть даже не пробуют идти без нее. Точно — судьба у него такая.

===== 18 =====

Вернувшись в Рэдклифф, Алистер решил задержаться в замке на несколько дней. Слишком давно не выходило нормально отдохнуть. Морриган требовала дать ей время собрать нужные для лечебных зелий травы, да и большая часть снаряжения в очередной раз нуждалась в починке. После того, как маги действительно смогли изгнать демона, Теган сказал, что оружейная и сокровищница замка в полном распоряжении Алистера — и тот решил не стесняться.

В самом деле, сколько можно ночевать на лапнике, а то и вовсе голой земле? Самому-то не впервой, хотя и он, признаться, уже начал уставать от чересчур непритязательной жизни. Но кроме него были еще и другие. Нет, никто не жаловался. Но он видел, как скованно двигается поутру Лелиана, как украдкой разминает шею и все чаще трет виски Элисса — после Тени, где он воочию, если можно так сказать, увидел, к чему она привыкла, девушку было особенно жаль. А сейчас появилась и Винн, и дамам в ее возрасте отнюдь не полезно спать на земле, прикрытой ветками, под одним одеялом на троих.

Поначалу он подумывал хотя бы о нескольких палатках, но оставил эту идею. Когда за отрядом следует обоз, можно хоть каждому личный шатер в телегу сложить, но обоза у них не было, а крепких мужчин в отряде — раз-два и обчелся. Именно что раз-два: он, да Стэн. Давать поблажку Зеврану Алистер, конечно, не собирался, но эльф меньше всего походил на вьючного мула. Про девушек и говорить нечего — хоть самое основное бы унесли: доспех, оружие, смену одежды да запас еды. Еще одеяло, буде оно появится.

Поэтому он решил ограничиться парой меховых одеял на каждого и двумя навесами из плотного льна, вываренного в смеси масла и воска. Рассчитывать на кладовую замка после того, что учинил в нем демон, Алистер не стал, зато мощну растряс безо всяких угрызений совести. Потом пришлось снова торговаться с кузнецом — благодарить-то тот благодарил, но выгоду свою упускать тоже не хотел, и без того потратился, растолковывая старосте, что именно от него Алистер хочет получить добротные одеяла и запас еды, а в перерывах — развлекать Тегана беседами — банн очень хотел знать, как жил Алистер, покинув Рэдклифф. Так что остальных Алистер почти не видел — если не был занят и не развлекал Тегана, просто отсыпался в своей комнате за всю прошлую жизнь и половину будущей. А когда не спал — валялся на шкуре перед очагом, глядя в огонь. Только тот, кто большую часть жизни провел в казарме, способен понять, какой драгоценной становится возможность закрыть за собой дверь и никого не видеть.

Впрочем, в те моменты, когда Алистер не собирался лгать самому себе, он понимал, что

дело не только в возможности уединиться впервые за невесть сколько времени. После того, что случилось в башне, он ощущал странную неловкость, будто случайно коснулся чего-то слишком сокровенного. Казалось бы, никаких постыдных тайн не всплыло — а все равно, будто чужие письма прочел.

Время от времени он, конечно, натыкался то на одного, то на другого. Стэна, правда, почти не видел — похоже, великан точно так же пользовался возможностью побыть одному и отоспаться: тот, кто готов в любое время подскочить по тревоге, рано или поздно обучается ловить для сна любой подходящий миг. Зато смазливая рожа Зеврана мелькала перед глазами подозрительно часто. Морриган уходила на закате и возвращалась с рассветом, утверждая, что ночью травы имеют особую силу. Винн проводила дни с коллегами, пока те были в Рэдклиффе, а потом прочно обосновалась в замковой библиотеке. Как-то раз он заметил Лелиану и Элиссу, плетущих венки у мельницы и о чем-то щебечущих — вслушиваться Алистер не стал. Но чаще Лелиана развлекала хозяев замка игрой на подаренной Теганом лютне и пением. А Элиссу часто можно было увидеть с Изольдой. Алистер так и не понял, извинилась ли Элисса перед хозяйкой, или та просто решила поближе познакомиться с молодой аристократкой. Как-то раз Алистер решил вслушаться, о чем они говорят. "Душечка, вы же понимаете, как мне стыдно, что приходится принимать гостей, когда замок в таком виде. Но как, как прикажете содержать его в должном порядке, если прислуги почти не осталась, новая нанимается неохотно, а те девушки, что согласны жить в замке большей частью так нерадивы... Вот, извольте, пыль". Алистер усмехнулся про себя, подумав, что пыль все же лучше крови, но показывать свое присутствие не стал. Продолжать слушать, в прочем, тоже.

Наверное, хорошо, что он почти не видел Элиссу все это время, встречаясь разве что за ужином с хозяевами. Он никак не мог забыть того ужаса на лице, когда девушка увидела его в Тени. И вроде понимал, что не его, Алистера, она испугалась, а того, что означало его появление. А забыть не мог, хоть ты тресни. Как и того поцелуя в деревне — но за все прошедшее время девушка никак не дала знать, было ли между ними хоть что-то, вела себя ровно и дружески, как обычно. Правда, и наедине они с тех пор не оставались ни разу — и поди тут пойми, то ли просто не хочет дать понять остальным, будто между ними что-то... если вообще что-то есть, то ли просто не сочла чем-то особенным.

Неопределённость бесила, выматывала. Конечно, Алистеру приходилось иметь дело с женщинами. Но среди своих все было как-то... проще. А сейчас, задумываясь о том, что происходит — если вообще происходит, демоны все побери, между ним и Элиссой — ощущал себя сущим юнцом. Понимал, что избегая разговора с глазу на глаз, запутывает все еще больше, но не решался ничего предпринять. Смех, да и только — он не боялся демонов и порождений тьмы. А поговорить откровенно — страшился. И когда пришла пора покидать замок — обрадовался. В дороге не будет времени на бесплодные размышления.

Вечером накануне выхода он решил, что хватит сидеть одному, точно бирюк какой, и решил заглянуть в ту комнату, где остальные обычно коротали вечера за разговорами. Но обнаружил там лишь двоих: Элиссу.

И Зеврана.

Девушка раздобыла прялку и кудель, пальцы проворно сучили нитку, крутилось веретено. А у ног ее, изображая верного пажа, сидел Зевран, полуобернувшись, заглядывал в лицо, что-то рассказывая.

— Так значит, на самом деле ты ее не убивал? — спросила Элисса.

— Нет, в том и дело. Но...

Интересно, как у ушастого это выходит — то, что в реальности наверняка было подлым, грязным и страшным, превращать в увлекательную историю? Алистер представил, что было бы, возмись он сам рассказывать... "И тут из темноты — гарлок. Я его щитом — бац! Мечом — хрясь!" Он мысленно выругался. Надо было бы неслышно шагнуть назад, что демоны дернули его дать знать о себе.

Элисса обернулась.

— А, это ты. Давай к нам.

От Алистера не укрылось, как Зевран, оборачиваясь к нему, словно невзначай накрыл ладонью колено девушки, и как та отодвинула ногу, не изменившись в лице. Захотелось приложить эльфа смазливой мордой о каминную решетку.

— Что на тебя нашло? — спросил Алистер, сядя рядом, и указывая на прятку. — Ты говорила, что не любишь...

— Не люблю, твоя правда, — рассмеялась она. — Но Винн обмолвилась, что не мыслит себе вечера без вязания. Хочу сделать ей подарок. Спицы Стэн из кости вырезал.

Девушка выглядела такой спокойной, уютной и домашней... Еще бы этот здесь не сидел.

"Этот", взяв один из клубков, что лежали, уже перемотанные, в стоящей подле девушки корзине, подкинул как мячик, и покатился по ковру, дурашливо мяукая. Элисса снова рассмеялась. Алистер обозвал себя ревнивым идиотом. В конце концов, ему лично никто ничего не обещал. Зевран начал травить очередную байку. Слушать Алистер не стал. Смотрел, как ловко движутся пальцы, свивая нить, как крутится веретено. Как Элисса слушает, чуть склонив голову на бок, едва заметно улыбаясь.

— И я пришел в себя в сточной канаве без штанов, — закончил эльф.

— Скажи спасибо, что не без головы, — хмыкнула Элисса.

Алистер снова захотел взять его за грудки и приложить о ближайшую стену.

— О, я знаю, что везунчик, — он бросил клубок обратно в корзинку.

— Но странный способ менять правителя, — сказала девушка.

— Да, обычно действуют тоньше. Если бы, скажем, ты заплатила Воронам за то, чтобы оказаться на троне, достаточно было бы отравить...

— У меня нет прав на престол.

— Это такие мелочи, — махнул рукой Зевран. — Находишь какого-нибудь бастарда, женишь на себе, вот тебе и права. Потом его, кстати, тоже можно убрать, чтоб не мешался.

Элисса оборвала нить, сложила туда же изрядно потолстевшее веретено.

— Это уже завтра в дозоре перемотаю, — обернулась к Алистеру. — Поможешь донести?

На самом деле нести там было совершенно нечего — изящная корзина из тонких прутьев, несколько изрядных — но отнюдь не тяжелых — клубков небеленой шерсти. Да и идти совсем недалеко — несколько ярдов по коридору и подняться по лестнице. Элисса молчала, опустив взгляд. Алистер тоже не знал, что сказать. Вслух пожалеть о том, что не прирезал ушастого, пока возможность была — как-то не подобает. Да и за что прирезать-то? За то, что моложе и хорош собой? За то, что его общество явно Элиссе приятно — и если сегодня она не позволила, то завтра...

А может, и не позволит.

"Находишь какого-нибудь бастарда..."

Именно она первой заговорила о короне. Именно она первая дала знать, что он ей... симпатичен, скажем так.

Захотелось швырнуть корзину о стенку и напиться. В дрова.

Да ну, ерунда, семнадцать лет девчонке, не может быть...

Струится тяжелый шелк, сверкают кольца, играет музыка...

Элисса остановилась у двери, глянула снизу вверх, снова опустив глаза, замерла, чего-то выжидая.

Алистер молчал. Правда? Неправда?

— Доброй ночи, — едва слышно сказала она, открывая дверь.

— Постой... — Алистер протянул ей корзинку. Вздохнул, как перед прыжком в холодную воду.

— Скажи... Если бы ты не знала, кто я... — произнес он в спину. — Все было бы... так же?

Элисса вздрогнула. Медленно обернулась.

— Ах, вот оно что...

Алистер встретился с ней взглядом и едва не отшатнулся — точно так же она смотрела в Тени, гадая, настоящий ли он.

— Если ты спрашиваешь о таких вещах — то что бы я ни ответила, слова не будут стоить ничего, — она горько усмехнулась. — Так что отвечать я не буду. Потому что... словом, все это теперь не имеет значения. Доброй ночи.

Дверь мягко закрылась у него перед носом. Алистер долго смотрел на тяжелые доски, не двигаясь с места. Потом саданул кулаком в стену — разбил костяшки о камень, но теперь это не имело значения — и пошел к себе.

===== 19 =====

Когда они покидали Рэдклифф, Эамон все еще оставался в беспомощности. Ни Винн, ни сам Ирвинг так и не смогли сказать, что с ним, и можно ли что-то сделать. Сошлись на том, что, вероятно, вмешался демон, но и после его изгнания ничего не изменилось. Изольда, как заведенная, твердила о Священном Прахе Андрасте. Теган попытался было попросить Алистера помощи в его поиске, но тот лишь покачал головой, сказав, что искать давно ставшую легендой реликвию — не по его части. К тому же, Алистер не верил в чудодейственные исцеления. Отчаявшаяся женщина могла думать что угодно, но... Сошлись на том, что когда все другие способы будут исчерпаны, придется попробовать этот. А пока Алистер повел свой отряд в Орзаммар. Что бы он там ни думал о непрекращающихся пакостях от судьбы, гномье королевство казалось воплощенной надежностью. Опять же, находится всегда на одном месте, а не блуждает по чащам, как долийские эльфы, которых еще поди отыщи.

С Элиссой он попытался поговорить на третью ночь после того, как они ушли из замка, когда выпал жребий сменить ее в карауле. Разговора не вышло. Он едва успел выдавить "Послушай, я тут хотел сказать", как она перебила. Очень мягко. Очень вежливо. Абсолютно непреклонно.

— Пару дней назад ты уже сказал более чем достаточно. Если это имеет значение: зла я на тебя не держу.

И миг спустя уже заворачивалась в одеяло. Пытаться второй раз Алистер не стал.

В остальном все, на первый взгляд, оставалось, как было: Элисса все так же шагала рядом, отвечала, если он к ней обращался, смеялась и шутила с остальными, а когда Алистер попросил ее сопровождать на встречу с деширами, потому что сам он боялся ляпнуть что-нибудь не то, объясняйся потом — согласилась моментально. Вот только когда он, забывшись, касался ее руки — незамедлительно отстранялась, продолжая разговор тем же спокойным дружелюбным тоном, что и до того. Алистер бы предпочел ругань и крик этому неизменному спокойствию, но было очевидно, что показывать истинные чувства тэйрна позволяет себе только близким. И очевидно, что Алистер таковым быть перестал.

Врата Орзаммара стояли там, где им и полагалось испокон веков. Все остальное пошло наперекосяк, и Алистер, уже не удивляясь, лишь посмеялся над собственной наивностью — надеяться, что хоть где-то все окажется простым и понятным. Разве что душу отвел, сцепившись с посланцем регента прямо при гномах-привратниках. Больше поводов для веселья не нашлось. Совет деширов на поверку оказался тем еще сборищем, базарные торговки, послушав, обзавидовались бы. И, сунувшись там и сям, Алистер понял, что придется все же идти на Глубинные тропы, искать гномам единственную живую Совершенную — и пусть она выбирает того короля, которого ей угодно. Сам Алистер в гномьей политике не понимал совершенно ничего, и даже Элисса ничем не могла помочь — слишком замкнутым было общество гномов, в мир на поверхности не проникало ни отголоска страстей, что кипели в Алмазных залах. Разве что, послушав сторонников обоих претендентов на трон, Элисса сказала, что один — подлец и мерзавец, настроенный изменить сложившиеся обычаи, второй же, имея почти безупречную репутацию — ибо по-настоящему порядочные люди обычно не лезут в игру, главным призом в которой абсолютная власть, и едва ли гномы в этом сильно от них отличаются — известен как столь же безупречный последователь древних традиций. Чего стоят эти традиции Алистер успел насмотреться буквально в тот же день. Если бы спросили его, сказал бы, что традиции, во имя которых отец должен обречь на смерть собственную дочь, следовало бы отправить под хвост Архидемону. Впрочем, его никто и не спрашивал, и выбирать между прогрессивным мерзавцем и ретроградом-идеалистом совершенно не хотелось. Пусть эта самая живая Совершенная решает. А насчет порядочности и власти он при случае напомним.

Совершенная оказалась настолько живой, что успела даже выйти замуж перед тем, как исчезнуть на Глубинных тропах. Мужа ее, вечно пьяного Огрена, Алистер согласился взять с собой лишь потому, что он единственный хотя бы примерно знал, куда могла направиться Бранка. А еще для того — чтобы иметь перед собой пример, что бывает, когда начинаешь топить беды в вине. Алистер знал, что за ним самим это водится, и живое воплощение того, во что он может превратиться отрезвляло. Впрочем, надо было отдать Огрону должное — дрался он отменно. Правда, совершенно не заботясь о собственной безопасности, и Морриган не раз предлагала не тратить зелья и магию на того, кто сперва размахивает топором, не соизмеряя собственных сил, а потом валится полумертвый, потому что влез в самую середину стаи глубинных охотников. Гном стонал, что истинный воин не знает слова "отступление", ведьма советовала почитать книжки, впрочем, наверняка способность понимать прочитанное давно выветрилась из этих мозгов под действием винных паров. А на следующий день все начиналось сначала.

Глубинные тропы Алистер не любил. Вечная тьма, которую лишь изредка рассеивали

ответ от лавовых потоков, затхлый неподвижный воздух, бесконечная тяжесть камня над головой и вечное предчувствие, что порождения тьмы где-то неподалеку: постоянное, ноющее, раздражающее точно больной зуб. Правда, именно этому чутью они были обязаны тем, что едва разминулись с огромным отрядом тварей. Именно тогда Алистер впервые увидел Архидемона во плоти. Они сидели, спрятавшись за камнями под самым потолком огромной пещеры, а внизу разливалась беснующимся половодьем орда, над которой кружил дракон.

— Это вот эту тварь, что ли, надо будет прикончить? — прошептал Огрэн. — Хорош!

На вкус Алистера, "хорош" было не слишком подходящим словом. Могуч. Смертоносен. Чудовищен.

Дракон завопил, Лелиана и Винн скорчились на камне, зажав уши, Пончик сжался. Элисса обхватила руками плечи, девушку колотила дрожь и Алистер обнял ее, успокаивая, совсем забыв, что теперь — нельзя. Отстраняться она не стала, заглянула в глаза, И Алистер понял, что думают они сейчас об одном и том же.

Не каждому дано загодя увидеть собственную смерть.

Возможно, кто-то из них, или даже оба, сложат головы по дороге. Но если все пойдет хорошо — Создатель, какая насмешка! — смерть одного из них кружит сейчас в пещере.

Не будь латных перчаток, Алистер погладил бы девушку по щеке прежде, чем прижать крепче. А так оставалось только обнять, словно он мог закрыть от мертвящего визга и сознания того, чем все кончится. А вот к демонам — зло подумал Алистер. Пусть бесится, пусть кричит про жребий, пусть потом винит себя и ненавидит... Это пройдет. Зато жива будет. Хотя бы те тридцать лет — в лучшем случае тридцать лет — что отпущены Серому Стражу после Посвящения. Она сильная. Она сможет жить дальше, и забыть — сможет. В том числе и его.

И криво улыбнулся, когда Элисса, всё еще не отрывая от него взгляда, прошептала — но он услышал, несмотря на вой:

— Не вздумай.

Можно подумать, она сумеет ему помешать.

Чудовищная река под ними текла и текла, и даже после того, как все стихло, Алистер нескоро смог заставить себя выпустить девушку и поднять с камней остальных. Впрочем, далеко они в тот день не ушли, остановившись на ночлег куда раньше обычного. Отчасти чтобы дать орде уйти дальше от них, отчасти потому, что Алистер видел — люди напуганы, хоть и стараются изо всех сил это не показать. Даже вечно пьяный сквернослов Огрэн. Даже Стэн, хотя по лицу его, как и обычно, едва ли можно было что-то прочесть. Так что он устроил стоянку раньше обычного, раскупорил флягу с неприкосновенным запасом выпивки, проследив, чтобы гному не досталась львиная доля, и весь оставшийся вечер то подначивал Зеврана, заставляя того рассказывать одну байку за другой, смеясь громче всех, то помогал Винн уговорить Лелиану спеть, то наперебой с Огреном травил совершенно непристойные анекдоты — но в этот раз Винн даже не пыталась их осадить. И к тому времени, как пришла пора тянуть жребий очередности караула и ложиться, все уже были слегка пьяны и более-менее смахивали на себя обычных. Алистер подумал еще несколько минут, переговорил со Стэном и раскупорил еще одну флягу под кодовым названием "на совсем-совсем крайний случай". Сам не притронулся — хватит. Зато остальные точно уснут. Одну ночь они со Стэном как-нибудь поделают, а завтра будет уже другой день.

И все-таки он почти не удивился, когда Элисса выбралась из-под одеяла. Лагерь наполнял разноголосый храп, даже Пончик посапывал, смешно суча ногами. Девушка тихонько устроилась у костра на расстоянии вытянутой руки. Положила подбородок на колени.

— Не спится? — спросил Алистер, чтобы что-то сказать.

— Угу... — она помолчала. — Обними меня...

Алистер придвинулся ближе, позволил ей забраться на колени. Может быть, это просто вино и страх, может быть, утром она снова отодвинется, когда он случайно коснется — но это будет утром. А пока он баюкал ее на коленях, шепча какие-то глупости и чувствуя, как ее дыхание касается кожи. Девушка выпрямилась, заглядывая в глаза, взъерошила Алистеру волосы. Тот улыбнулся в ответ, перехватил ее руку, коснувшись губами пальцев.

— Погоди, я сейчас.

Морриган не обманула — роза и правда выглядела совершенно так же, как в тот вечер в Рэдклиффе. На лице Элиссы изумление сменилось неподдельным восторгом, и Алистер рассмеялся.

— С ума сойти... — выдохнула девушка. — На Глубинных тропах... Как?

— Могу я приберечь свой маленький секрет?

Она тихонько засмеялась, сунула нос в лепестки, снова подняла взгляд. Повторила.

— С ума сойти... я уже почти забыла, как это.

— Значит, нужно напомнить, — деланно серьезно заявил Алистер, и накрыл ее губы своими. Оторвавшись на миг, шепнул.

— Надеюсь, это ты не забыла?

— Ммм... Пожалуй, нужно напомнить еще.

Когда Стэн проснулся его сменить, Элисса спала, сидя у Алистера на коленях и зажав в руке розу.

===== 20 =====

Покидая Орзаммар, Алистер злился. Прежде всего — на себя самого. Не смог, не предусмотрел, не успел... Не смог убедить Каридина — и пришлось своими руками убить легенду. Не предусмотрел, что Бранка, избавившись от наваждения Наковальни, осознает, что натворила. О, выдержки у этой гномы оказалось не меньше, чем у тэйрны Кусланд. Она даже выковала им корону для нового короля. Корону из рук живой Совершенной. А потом просто шагнула в лаву — так спокойно и непреклонно, что Алистер слишком поздно понял — и не успел... Разве что вдвоем со Стэном оттащить от кипящего рва Огрена — и тем вечером никто, даже Морриган не фыркала на вусмерть пьяного гнома, разражавшегося то проклятьями, то слезами.

Не предусмотрел, что потомок последнего гномьего короля, получив вожделенную корону, прикажет казнить соперника прямо там, в зале Совета. Хотя вот уж это-то он должен был предвидеть, чай не мальчик, верящий, что истинное благородство всегда идет рука об руку с благородством происхождения. И то, что второй претендент на трон, скорее всего, сделал бы то же самое, только не так открыто — надо же сохранить репутацию исключительно порядочного гнома — утешало слабо. Равно как и обещанная подмога в войне с Мором.

Алистер унес из Орзаммара лишь одно доброе воспоминание. Они с Элиссой

перебирали амулеты и прочие магические безделушки на прилавке слегка двинувшегося от лириума торговца, и Алистер заметил, как девушка крутит в руках изящное золотое зеркало.

— Купить для тебя? — спросил Алистер. — Сушья безделица, лишний груз, но если порадует...

— Купить — но не для меня, — ответила Элисса. — Морриган.

— Ей-то к чему?

— К чему Лелиане наг? — хмыкнула девушка. — Не буду передавать рассказанное с глаза на глаз. Просто... купи для нее, если не жалко.

Алистеру было жалко. Кому угодно другому — нет, но Морриган? Тем не менее, любопытство одолело жадность. И право слово, ради того, чтобы увидеть лицо ведьмы, стоило лезть под землю.

Что же до остального — Элисса была права. По-настоящему порядочные люди не вмешиваются в схватку ядовитых пауков, именуемую борьбой за власть. И мысль о том, что на него самого корону не натянет никто, ибо мертвец править страной не может, успокаивала. Впрочем... Не так давно он был уверен, что стоит ему начать командовать — угробит всех, кто окажется под его началом. Но пришлось, не сваливать же эту ношу на новобранца. И пока что все были живы, хотя за Огреном надо будет приглядывать какое-то время. Видит Создатель, не то, чтобы во всем этом было много заслуг лично его, Алистера. Но пока все были живы. А что в команде один чудней другого — так каков командир, таковы и люди. Оставалось только надеяться, что в Бресириане не найдется еще одного безумца, желающего к ним присоединиться. И — что гораздо важнее — что их не утыкают стрелами еще на опушке, приняв за карательный отряд "шемов". Пончик, конечно, о засаде предупредит, но идти просить — требовать, поправил себя Алистер — помощи, начав с открытой резни, как-то неразумно.

Но обошлось. Возможно потому, что убивать их оказалось просто некому. Пока неприветливая стражница вела его и Элиссу — остальных потребовали оставить на опушке, пока Хранитель не позволит — сквозь лагерь, Алистер все отчетливей понимал, что эльфам самим нужна помощь. Озабоченные лица, у многих женщин — заплаканные глаза и отчетливо ощутимый запах полевого лазарета, который доносило малейшее дуновение ветерка. Где-то рядом множество людей — или эльфов, невелика разница — истекали гноем и кровью, ходили под себя, не в силах подняться. Этот запах страдающего пока еще живого тела, смешанный с ароматом микстур и припарок, невозможно спутать ни с чем. Поэтому, когда хранитель Затриан начал длинно и витиевато говорить о своем уважении к древним договорам, Стражам и к ним лично, дослушивать Алистер не стал. Слышал уже.

— Но дай угадаю, — перебил он. — У вас самих случилось что-то, от чего вы не в силах защититься. И почти не осталось воинов.

— Ты прав, Страж.

Алистер вздохнул. Ну хоть бы раз все оказалось просто. Мало ему собственных забот... Дороги становятся все опасней, не порождения тьмы, так охотники за головами. Купить еду все труднее, крестьяне срываются с насиженных мест и бегут, кто в Орлей, кто в Вольную Марку, неважно, лишь бы подальше от Мора. Лелиане нужна новая тетива, прежняя еще держится, но лучше заменить, пока в разгар боя не лопнула. Огрэн давеча выпил что-то не то и весь день отбегал за кусты каждые четверть часа, и... да мало ли, этих забот — так еще опять превращайся в святого последователя Андрасте, давшего обет помогать всем дальним

своим. Надоело.

Но ему нужна армия. И Алистер, внутренне поминая всех демонов кряду, выслушал, как кровожадные оборотни преследуют клан, не убивая, так превращая в себе подобных.

— Действительно, чего б не помочь, — не удержался он, дослушав до конца. — Всего-то и дел — пройти сквозь колдовской лес, из которого, поговаривают, и в хорошие времена далеко не все возвращаются, добраться до вожака оборотней и вырезать у него сердце. Каждый день нечто подобное проделываем, просто чтобы кровь в жилах не застаивалась.

Элисса ощутимо пихнула его в бок.

— Прошу прощения, — сказал Алистер. — Мои люди устали, да и я не в лучшем виде. — Это было правдой: приближался вечер, а за день им пришлось дважды отбиваться от порождений тьмы, заполонивших здешние места после гибели Лотеринга. — Разумеется, мы сделаем все, что в наших силах — но не раньше завтрашнего дня. Еще раз приношу свои извинения.

Он поклонился, и, кажется, даже получилось неплохо. Затриан вернул поклон, велел своим привести остальных и разместить гостей. Им выделили два шатра и поделились едой. Морриган тут же заявила, что ей нужно побродить по окрестностям, поискать не зараженные скверной травы. Алистер заикнулся было об оборотнях, но волшебница лишь фыркнула, мол, нашел чем пугать, оборотня — ей подобными. Алистер прикусил язык. Ведьма обещала "смирить норы" в качестве благодарности за подарок — правда, так и не рассказав, почему ее так обрадовала безделушка — но получалось у нее не очень. Лелиана, по обыкновению, ушла "побродить-послушать", Зевран увязался с ней — вскоре, Алистер увидел их вместе с клановым сказителем и понял, что дело затянется надолго. Мабари носился по лагерю — Элисса строго-настрого запретила псу гоняться за живностью и пытаться поиграть с кем-то из обитателей, не ровен час, не так поймут — и увлеченно метил все, что казалось ему более-менее интересным. Винн пошла к лекарям выяснять, не позволят ли ей помочь. Элисса со Стэном занялись костром и ужином. Огрен традиционно надирался. Сам Алистер пошел потолковать с клановым мастером и, разумеется, дело затянулось.

Возвращаясь, он как раз огибал шатер, когда услышал Огрена и замер. Говорили о нем.

— Ну так что? — Гном рыгнул. — Когда ты позволишь командиру кинуть пару палок?

— Фи. — Алистер будто воочию увидел надменную мордочку ЭлиССы. — Как вульгарно... Примять траву, объездить кобылицу, стать зверем о двух спинах...

— Вот дает! — выдохнул гном. Булькнуло. — Это всех благородных учат таким словечкам?

— Почти.

— Ну так когда? Жалко ж мужика, видно, что по тебе сохнет, а тронуть боится.

Алистеру захотелось провалиться сквозь землю.

— Знаешь, что... Когда мессир Дуббини соберется брать Лесистый Холм приступом, он определенно не повелит герольдам трубить об этом на всех перекрестках и едва ли призовет шесть свидетелей, дабы убедить, что все свершится как подобает.

— Пожалуй, да. Тем более что дело не обойдется без кровопролития. Я невинность за версту чую, — кажется, Огрен хлопнул ее по плечу — Да не тушуйся ты так. Выпьешь?

— Давай.

Алистер подумал, что сам бы это пить не рискнул. И точно — закашлялась.

— А ты ничего так... хоть и из благородных.

— Полагаю, я должна поблагодарить. Но, Огрэн...

— Да?

— Раз ты не понимаешь намеков, скажу прямо. Еще раз заикнешься... об Алистере — и я тебя обрею, а потом заставлю сожрать собственную бороду.

Молчание. Долгое. Наконец, гном икнул.

— Верю.

— Вот и хорошо. Зови остальных, каша готова.

Алистер тихо выругался. Все знают. Только этого и не хватало.

===== 21 =====

В том, что "все знают", Алистеру пришлось еще раз убедиться не более чем через час. Вернувшись с вымытой посудой, он увидел, как Винн что-то выговаривает Элиссе. Лицом девушка владела по обыкновению прекрасно, но вот с румянцем поделаться ничего не могла. Она ответила. Винн поджала губы. Алистер решил, что стоит вмешаться.

— В чем дело? — спросил он самым беззаботным тоном, какой только сумел изобразить.

— Что между вами?

Алистер честно попытался быть тактичным:

— Винн, не сомневаюсь, ты желаешь только добра. Но что бы между нами ни было, это касается только меня и ее.

Волшебница снова поджала губы.

— На Стражей возложен огромный долг.

— О, не волнуйся, об этом я знаю. — Все запасы тактичности, правду сказать, невеликие, вмиг иссякли. — Но только я не помню, чтобы когда-либо Серые Стражи давали обет целомудрия.

Элисса зарделась еще пуще.

— Так вы уже... — задохнулась Винн.

Алистер ругнулся сквозь зубы — вот уж помог, так помог!

— И не сквернословь!

— Винн, все, что я могу сказать по этому поводу — есть между нами что-то или нет, касается только меня и нее. На сем закончим. И я бы не хотел возвращаться к этой теме. Или, чтобы к ней возвращалась Элисса. Я достаточно внятен?

— Более чем. — Холода в голосе волшебницы хватило бы на отличный ледник.

— Спасибо, Винн.

Он взял девушку за руку, уводя прочь от любопытных.

— Прости. — Алистер покаянно развел руками. — Наверное, мне следовало быть осторожней.

Элисса тихонько хмыкнула, ткнулась лбом ему в плечо.

— Не за что извиняться. Когда столько народа постоянно трутся бок о бок, есть только один способ избежать сплетен — не давать повода. Или у Стражей было не так?

— Так, — признал Алистер. — И если ты не захочешь давать повода, я пойму.

Видит Создатель, из него едва ли выйдет рыцарь без страха и упрека. Постоянно быть рядом и не вправе даже коснуться... Но если ей будет плохо от косых взглядов и шепотков за спиной...

Она снова хмыкнула, не поднимая лица.

— Я дочь изменника, и сама предатель — Серый Страж, за чью голову назначена награда. Несомненно, любовь к собрату по ордену — то, что способно окончательно погубить столь блестящую репутацию.

— Что ты сказала? — выдохнул Алистер.

Элисса охнув, шарахнулась прочь, закрыв ладонями лицо. Алистер перехватил запястья, заставляя отнять руки. Прошептал:

— Я люблю тебя.

Неподалеку хрустнула ветка, и голос Лелианы произнес:

— Нужно непременно сложить балладу о том, как посреди Мора, крови и смерти распустился настолько прекрасный и хрупкий цветок истинной любви.

— И не забудь описать страдания несчастного отвергнутого красавца-эльфа, — добавил еще один голос.

— Да простит меня Создатель, сегодня я точно кого-нибудь убью, — простонал Алистер.

Элисса рассмеялась и потянулась к его губам.

Утром опушка Бресиана выглядела светлой и покойной. Но едва сунувшись в лес, Алистер понял, что дурную славу тот заслужил не зря. И дело было не только в оборотнях. Хватало и просто диких зверей, и чудовищных колдовских порождений, одно из которых едва не сгубило их всех — благо Морриган и Винн успели развеять колдовство, увидев, как Алистер плавно оседает в траву, бормоча что-то о "выспаться, а потом можно и дальше". Сам он этого, к слову, совершенно не помнил, помнил лишь морозный вихрь, пущенный ведьмой, что заставил прийти в себя. Потом они с ужасом разглядывали нагромождения костей — человеческих, эльфийских, поди сейчас разбери на казавшейся такой уютной поляне. Одного этого Алистеру за глаза хватило бы на всю оставшуюся жизнь, и совершенно необязательно видеть своими глазами ходящие и говорящие деревья, восставших из праха древних чародеев и свихнувшихся отшельников. Редкие шайки порождений тьмы в этом лесу вызывали едва ли не умиление — такими знакомыми и понятными они выглядели.

Алистер честно пытался договориться. Наткнувшись на первую же... самку? Женщину? Он понял, что Затриан кое о чем умолчал. Эльфийка, которую проклятье превратило в оборотня, умоляла о последнем даре, и Алистер не смог ей отказать. Обратни отнюдь не были безумными животными, жаждущими лишь крови, какими описал их Хранитель. А если он солгал единожды, бездумно верить всему остальному не стоило. И он пытался поговорить, призывая на помощь все свое невеликое красноречие — но те, кто считал, что он идет убивать их, слушать не желали. И приходилось действительно их убивать, спасая собственную жизнь. Пробиваясь к последнему этажу древних эльфийских руин, Алистер начал было думать, что Затриан был не так уж и неправ, а та несчастная просто не успела еще лишиться рассудка. Но, наконец, с ним все же согласились поговорить.

Как он и предполагал, обратни рассказали совсем другую историю. Так всегда случается, когда вражда длится годами — все уже начинают забывать из-за чего все началось, помня лишь собственные обиды. Но убивать кого бы то ни было Алистеру расхотелось совершенно. Та, что звала себя Хозяйкой Леса, хотела переговоров. Затриан жаждал крови. И Алистер всерьез засомневался, на той ли он стороне.

Он ожидал, что первыми не выдержат оборотни — от них прямо-таки несло злобой, жестокостью и ненавистью, но первым сорвался хранитель. Вот когда Алистер благословил Изольду, без которой он бы не очутился в аббатстве и не знал бы, как остановить мага, не убивая. Правда, чуть сам не сдох, но "чуть" не считается. А потом он взял эльфа за грудки, приложил о стену и, не слишком стесняясь в выражениях, спросил, скольких еще из своего клана он готов положить во славу древней мести. Рывкнул на Элиссу, которая сунулась под руку, но тэйрна не отступилась. Отобрала эльфа, обняла, что-то тихо рассказывая.

— Моли своего бога, шем, чтобы тебе никогда не довелось узнать, каково носить под сердцем ребенка насильника! — сказал Затриан, и Алистер приготовился было снова доступно объяснять Хранителю, в чем он неправ, но Элисса лишь кивнула, и продолжала что-то втолковывать, тихо и настойчиво.

— Ты же сама знаешь, что такое этот огонь внутри, потушить который может лишь кровь врага, — теперь в голосе эльфа слышалась лишь усталость.

— Знаю. Но те, кто причинил тебе столько горя, давно мертвы. — Теперь она говорила в полный голос. — Так давно, что даже память о них забыта...

— Нет!

— Хотела бы дочь, чтобы ты почтил ее память кровью твоих людей? Неужели сын твой радуется, видя, как зло тянет за собой новое зло, как женщины твоего клана оплакивают мужей и сыновей? Как мужчины хоронят жен? Это твои люди, Затриан. Те, кто верят в твою мудрость и благость. Как ты платишь им за эту веру?

На миг Хранитель показался Алистеру уставшим и дряхлым. Потом эльф выпрямился.

— Вы правы. Это тянется слишком долго.

Алистер было обрадовался, но когда тело Затриана упало на плиты, а вместо оборотней их окружила дюжина голых людей, он понял, что проблемы только начинаются. Не отпускать же их так, в лес, без штанов?

Одежду и еду они, конечно, выторговали. У эльфов. Лишившись всех своих сбережений. И Лелиана едва не отболтала язык, выдумывая, зачем им вдруг понадобилась такая прорва штанов и рубах. Еще и пришлось сочинить героическую оду о том, как хранитель пожертвовал собой, чтобы навсегда уничтожить оборотней — и Алистер понял, что больше никогда в жизни не поверит ни одной героической оде. Потом они вели ошалевших от радости людей к ближайшей деревне, и право слово, Алистер предпочел бы встретиться с ордой порождений тьмы, чем караулить этот сумасшедший дом. Когда по дороге им повстречался отряд рыцарей Рэдклиффа, Алистер, мысленно вознося хвалу Создателю и Пророчице Его, передал эти ходячие недоразумения под ответственность командира, велел сопровождать в деревню Рэдклифф, в которой как раз отчаянно не хватает рабочих рук, велеть старосте приютить, расселить — пустых домов тоже хватало — и пусть на земле работают. А там видно будет. После чего пришлось возвращаться к долидцам, потрясая древними договорами и напоминая об обещании ныне покойного Хранителя, пока не добился клятвы прислать воинов по первому зову, хотя воинов в клане почти не осталось. Порой Алистер становился противен сам себе — но другого способа остановить Мор не было.

помнил, Алистер выполнял приказы. Что сказали — то сделал, куда пошлют — туда пошел. Вести отряд в полдюжины человек он еще мог, но что делать с армией? До сих пор он об этом не думал, не будучи уверенным, что затея вообще удастся, но теперь у него была армия — точнее, будет, стоит только позвать: он знал, где найти связных и как быстро дойдет приказ. Вопрос в том — куда и зачем. Хорошо было Кайлану: у него была жена, исключительного ума женщина, у него был... При одном воспоминании о нем Алистер скрипнул зубами — но как ни крути, гениальный полководец, и — Алистер снова скрипнул зубами — похоже, в том бою все действительно было слишком плохо, иначе происшедшее невозможно объяснить, оставаясь в здравом рассудке. У Кайлана, в конце концов, были советники.

— Фергюса бы сюда, — сказала Элисса, когда Алистер поделился с ней сомнениями. Перед всеми остальными он по-прежнему делал вид, будто знает, что делает, но не выговориться было невозможно. — Он любил читать про старые сражения и великих полководцев. Но...

— Так и не знаешь...?

— Нет. С тех пор, как его величество сказал, что он с отрядом разведчиков отправился в дикие земли — не слышала ничего, — она тихонько вздохнула. — Но у любого уважающего себя... полководца были советники.

— У любого уважающего себя короля, ты хотела сказать, — хмыкнул Алистер. — Хватит припоминать мне ту глупость, — он легко коснулся ее губ, переходя на шепот. — Я умирал от ревности и был не в себе.

Элисса хмыкнула.

— Поверь, я буду припоминать ее еще долго — так меня никто не оскорблял. Но пока оставим эту тему. К друзьям отца я бы сунуться не рискнула — раз он во всеуслышание объявлен изменником, те, кто в самом деле был ему другом, в бегах или постараются о себе лишней раз не напоминать, те, кто искал повода цапнуть за жопу — сдадут нас с потрохами. — Она поморщилась. — Надо снова привыкать следить за речью, Зевран и Огрен вместе — это слишком.

— А до того ты выражалась исключительно как подобает благородной даме, — не удержался Алистер.

— Только когда того требовали обстоятельства: ругань, вошедшая в привычку, становится бессмысленным лаем, — отмахнулась она. — Тебе нужны советники. Я смогла бы привести в порядок замок вроде Рэдклиффа, даже организовать оборону. Но армия? Узнать, где Орда, встретить в нужном месте и в нужное время, обеспечить отвлекающий маневр, чтобы небольшой отряд смог добраться до Архидемона. А до того — обеспечить едой и фуражом на марше, снаряжением, помощью врачей, и чем там еще, не соображу сходу... — Элисса вздохнула. — Прости. Не осилю.

— И после этого кто-то еще удивляется, почему я не хочу быть королем, — хмыкнул Алистер.

— Да чему тут удивляться... Эмона надо лечить. Создатель ведает, как.

"Она тоже не верит в эту Урну, прах ее подери", — понял Алистер. Но если, вернувшись в замок, они увидят, что состояние эрла не улучшилось, ничего не останется, как превращаться в охотников за древними реликвиями.

Добравшись до Рэдклиффа, Алистер прежде всего решил заглянуть в деревню и потолковать со старостой. На первый взгляд дела шли неплохо: заборы починили, по улицам

носились дети и собаки, люди, что кланялись, едва завидя, голодными и напуганными не выглядели.

— Господин, не сомневаюсь: ты думал о том, что лишние руки нам пригодятся, — сказал староста. — Но откуда эти люди? Они же не умеют ничего! Ни дрова рубить, ни за скотиной ходить, охотиться только... И то как-то странно. С ножами. Из засады. Что это за люди?

Пока Алистер мялся, соображая, как бы ответить, чтобы не напугать крестьян до полусмерти — еще не ровен час, прищепцов на вилы поднимут — вылезла Лелиана.

— Они были в плену у злого чародея... — Она взяла старосту под руку, тот расцвел от такой фамильярности от хорошенькой девушки, и повела прочь, что-то оживленно рассказывая.

— Проникся, — сказала бард, вернувшись. — Пообещал лично приглядеть, чтобы их всему научили.

— Из плена злого волшебника, значит, — хмыкнул Алистер.

— Я сказала правду... в определенном смысле этого слова.

— В определенном смысле?

— Очень многое зависит от стороны, с которой мы смотрим... О! — Она просияла. — Получится чудесная лирическая баллада. Злой чародей, несчастные узники...

— И шайка героев.

— Нет, герой должен быть один, — рассеянно сказала Лелиана, явно потеряв интерес к беседе.

Алистеру стало крайне интересно, что из рассказанного ей когда-то было "правдой с определенной точки зрения" — но поди тут проверь. Додумать эту мысль он не успел, по тропинке из замка уже бежал мальчишка, посланный сказать, что банн Теган и эрлесса Изольда очень рады гостям. Слухи в Рэдклиффе разносились быстро.

Эамон оставался без сознания. И когда Алистер зашел к нему, Винн показала красные пятна на лопатках и крестце эрла. Скоро на этих местах появятся язвы и гной. Слуги добросовестно разглаживали простыни и несколько раз в день перекладывали тело, но этой заботы оказывалось недостаточно. Выходило, что Алистеру придется таки искать сперва бесследно исчезнувшего землеописателя, который был уверен, что знает, где Урна, а потом и саму реликвию, если она вообще существует. Теган обещал подумать, кто из его знатных друзей смог бы помочь, если затея с Урной не удастся, но на то, чтобы с ними связаться и договориться тоже уйдет время.

Лелиана не нашла ничего лучшего, чем исполнить хозяевам замка новую балладу о любви, и Алистер не знал, куда девать глаза, так что даже не услышал — было ли в ней что-то про красавца-эльфа. Вот с тем, что героиня обладала неизъяснимой прелестью, он был абсолютно согласен, насчет доброго и кроткого нрава поспорил бы, буде кто поинтересовался его мнением, а на описании героя просто тихо вышел из зала, про себя удивляясь, как это у Элиссы получалось сидеть, изображая на лице доброжелательный интерес.

Алистер закрылся в комнате, твердо намереваясь не высовывать носа самое малое неделю, и как раз метался от стены к стене, борясь с искушением что-либо сломать, когда в дверь осторожно постучали. Он распахнул створку, собираясь высказать все, что думает о тех, кто ломится в чужие спальни посередине ночи. На самом деле до ночи было еще далеко,

но Алистера это не интересовало. Через порог шмыгнула Элисса, прислонилась к стене. На лице девушки отчетливо боролись злость и веселье. Веселье победило.

— Я точно подсыплю Лелиане той травки, которую Морриган набрала для Огрена, — сказала она отсмеявшись.

Алистер вспомнил, как Огрэн то и дело сворачивал с дороги, потом несясь за ними вприпрыжку.

— Так это он не сам что-то съел?

Элисса ойкнула, зажимая рот ладонью.

— Ну говори уж, раз проболталась.

— Огрэн попытался ущипнуть ее за...

— Задницу, — развеселился Алистер. — Удивляюсь ее милосердию.

— Он не успел. Но вместо того чтобы сделать вид, будто ничего не было, решил выразить свое восхищение на словах.

Алистер представил, как в устах Огрена могло звучать "выражение восхищения" и развеселился еще пуще.

— И?

— От пинка увернулся и поспешно ретировался. Но Морриган злопамятна.

— И я ее понимаю, — сказал Алистер, отсмеявшись. — Если Лелиана вдруг прихворнет, сделаю вид, что ничего не знаю.

Элисса хихикнула.

— Им понравилось. На страданиях отвергнутого эльфа Изольда прослезилась.

— Надеюсь, ты не поверила в эти... страдания?

— Баллада не должна быть правдивой. Она должна беречь сердца — и это Лелиана умеет, что бы я ни думала по поводу... источника ее вдохновения.

Алистер придвинулся ближе, заглядывая в смеющиеся глаза:

— Она была правдива — там, где про красоту юной девы.

Элисса коснулась его щеки, не отводя взгляд.

— Там, где про прекрасного лицом и душой воина — тоже.

— А вот это бессовестная ложь, — прошептал он в полураскрытые губы. — И не спорь.

Он подхватил ее на руки, опустил на кровать, помедлил — не испугается ли, не оттолкнет — но Элисса обвила руками его шею, и скоро все баллады на свете стали не важны. Остался лишь стук сердца, неровное дыхание и звонкий девичий вскрик.

===== 23 =====

Алистер не слишком верил, что утерянная святыня вообще существовала. Еще меньше он верил в чудесные исцеления. К добру или к худу, но вышло, что чуду все равно — верят в него или нет. Оно просто случается. Даже когда Алистер пересыпал щепоть праха из найденной урны в кисет, он не мог до конца уверовать. Рядом плакала от восторга Лелиана, шептала молитвы Винн и даже неугомонный эльф подозрительно притих — а он так и не мог в полной мере осознать, что прямо сейчас, он, Алистер, действительно держат в руках частицу Священного Праха Пророчицы. Не то, чтобы он когда-либо разуверился, напротив. Просто посреди Мора, крови и обыденных забот вдруг обнаружить, что держишь в руках частицу Вечности было... невыносимо.

Но Эамон пришел в себя, едва кисет с частицей праха коснулся лба, и в чудо пришлось поверить. Правда, известие о Конноре и демоне едва снова не уложило эрла, и пришлось

звать Винн, но в конце концов, все обошлось. Жажда жизни и жажда деятельности у Эамона били через край, несмотря на болезнь и почтенный возраст — едва поднявшись с постели и передвигаясь лишь с поддержкой, он потребовал немедленно отправляться в Денерим, пока "узурпатор" не отправил весь Ферелден под хвоста Архидемону. Причем, в буквальном смысле. Многие банны не признали Логэйна регентом, и, будучи солдатом до мозга костей, тот не удержался от самого простого решения. Гражданская война в разгар Мора — сама эта мысль никак не уместилась у Алистера в голове. До распрей ли тут, если вскоре окажется, что делить уже нечего и некому, потому что на опоганенной скверной земле не останется ничего живого. Но сколько он ни пытался поделиться своим недоумением, Эамон лишь советовал избавиться от наивности, а Элисса смеялась — что какой-то там Мор по сравнению с перспективой полной и окончательной потери власти?

Эамон поселил их в своем денеримском особняке, сам почти все время пропадая у влиятельных знакомых. Частенько он брал с собой тэйрну Кусланд, и Алистер никак не мог понять, почему седовласый эрл не только обращается с юницей как с равной, но и всерьез советуется. Впрочем, похоже, что Элисса могла найти общий язык с кем угодно. Если давала себе труд сделать это, разумеется. Винн коротала время в библиотеке, Огрэн — на кухне, сравнивая сорта эля и прелести служанок, а сам Алистер с Лелианой и Зевраном развлекались, болтаясь по трактирам. Удивительно, сколько интересного может узнать и увидеть троица недорогих наемников. Жаль только, увиденное Алистера совершенно не радовало. Он бывал в Денериме вскоре после Посвящения, и помнил его щедрым и безопасным. Нынешний Денерим походил на голодного шакала. Грязь и нищета, стоит лишь пройти несколько улиц от Дворцового квартала, уличные грабители — причем тех, кто вышел на промысел и тех, кто просто искал повода сорвать злость на том, кто послабее, примерно поровну. Впрочем, и в богатых кварталах люди ходили на пересушенную солому, готовую вспыхнуть даже просто от слишком яркого солнца. Век расшатался, и скверней всего, что Алистер уже не был уверен, можно ли хоть что-то исправить.

Он удивился, когда Эамон вдруг зазвал его в библиотеку, но обнаружив там Элиссу, понял, в чем дело и мысленно застонал. Все это время он ждал, что речь пойдет об его правах на трон, и сам не знал, как поступить. Покойник не может править страной — но если уж быть честным с собой до конца, за время, прошедшее после катастрофы у Остагара, корона перестала быть жупелом. Может быть, он просто успел насмотреться на сильных мира сего и обнаружил, что они отнюдь не пример для юношества, а может, привык командовать. Если бы не Архидемон...

— Эамон, а почему бы тебе самому не сесть на престол?

— Я брат ныне покойной королевы, Логэйн — отец вдовствующей, так что я даже дальше от престола, чем он. Ты сын Мэрика...

— Ублюдок Мэрика, ты хочешь сказать, — не удержался Алистер.

— Глупости. В любом случае, ты единственный, в ком течет кровь Тейринов. Династии...

— Восходящей к Каленхаду Великому, и прочая и прочая. От меня случайно сияние не исходит?

— Не вижу поводов для смеха, — сказал Эамон. — Собрание Земель назначено, и так или иначе придется решать, кто будет править страной после устранения узурпатора. Анора

прекрасная королева, и любима народом, но она, увы, простолюдинка по рождению.

— Разве она родилась не после того, как Мак-Тир взял под руку тэйрнир? — влезла Элисса.

— Формально — да, но на престоле должен быть Тейрин. Если бы можно было...

— Договаривай, — сказала Элисса. — Женить его на Аноре. Да, это было бы идеальное решение... Если думать лишь о стабильности власти.

Алистер хватанул ртом воздух и обнаружил, что дар речи куда-то исчез. Словно все слова стерлись из памяти каким-то злым колдовством.

— А, ты понимаешь, — сказал Эамон.

Девушка кивнула.

— Не будет разговоров о том, что король — самозванец, мужская версия Софии Драйден, и все это лишь многоходовка Стражей для захвата власти. Не будет грызни у трона — подковёрные свары, конечно, никуда не денутся, но хотя бы на первых порах расклад сил останется прежним. Не...

— И это говоришь ты? — Алистер, наконец, обрел дар речи.

— Я же не говорю, что мне это нравится. Я говорю, что это был бы оптимальный вариант для сохранения стабильной власти. Правда, она не смогла родить наследника Кайлану и, возможно...

— Элисса! Это говоришь ты?!

— Это говорит тэйрна Хайевера, — она опустила голову, но через миг на лице появилась та маска холодного спокойствия, при виде которой Алистеру каждый раз хотелось кого-нибудь убить. — Но если оставить в стороне политику... Алистер, если ты умрешь, обречены все мы. Потому что живые герои — крайне неудобная штука, а особенно — если эти живые герои сопровождали человека, который мог забрать трон, лишь щёлкнув пальцами, потому что за ним стоит армия из трех народов... и никому неважно, что собирал ты ее не для того, чтобы поддержать притязания на трон. Анора не позволит нам жить, какими именно методами — поинтересуйся у Зеврана.

— Но...

— Алистер, она умна и властолюбива. Она не потерпит даже тень соперничества. Меня можно в расчет не брать — Архидемон. Стэн вернется в Пар Воллен. Но остальные... Если их не прикроешь ты, они обречены.

— То есть ты хочешь сказать, — начал медленно закипать Алистер. — Что моя жизнь — высшая ценность, потому что от нее зависят все остальные. И что ради блага страны я должен жениться на Аноре.

Девушка кивнула.

— А ты?

Она криво улыбнулась.

— Архидемон. Мертвой мне будет все равно.

Алистер поднялся, нависая над ней. Элисса смотрела на него снизу вверх, и как Алистер ни старался, не смог увидеть ни тени эмоций в холодном как ключ взгляде.

— Прекрасно. Скажи мне только одно — как называется мужчина, который пожертвовал жизнью... — он чуть было не сказал "любимой женщины", но вовремя осекся. Не при Эамоне. — Жизнью женщины, ради того, чтобы сохранить свою, и который собирается скоростижно жениться на другой женщине ради того, чтобы его власти ничего не угрожало.

— Мудрый монарх и дальновидный политик, очевидно, — усмехнулась Элисса. Девушка тоже поднялась. — Прошу прощения, но мне больше нечего сказать. С вашего позволения, господи.

Прямая спина, поднятый подбородок, уверенная походка. Алистеру захотелось запустить стулом в стену рядом с ней, чтобы хоть так разбить это неестественное спокойствие. Но что-то подсказывало — тэйрна не поведет и бровью. А вот что она будет делать, оказавшись в своей комнате... Впрочем, наверное, это уже не имело значения.

— Подумай, Алистер, — сказал Эамон. — Она права.

— Знаете, что... Вы, оба. Засуньте себе эту корону... Предварительно постучав молотком, чтобы острых углов побольше было. — Он все-таки шарахнул стулом о ближайшую стену, и вылетел из библиотеки, едва не сшибив с ног ЭлиССу. Если бы не мог, он убрался бы из этого особняка... подальше от них обоих, таких муд... мудрых и всезнающих. Алистер пнул не вовремя оказавшиеся рядом доспехи, украшавшие коридор и едва не споткнулся об Огрена.

— Ага, — сказал гном. — С девкой поспорил, зуб даю.

Алистер, не стесняясь в выражениях, пригрозил ему зубы пересчитать, если еще хоть слово...

— Да ладно, перемелется — мука будет, — ухмыльнулся Огрэн. — Пошли лучше, выпьем.

Алистер набрал было воздуха, открыл рот... и устало махнул рукой.

— А пошли.

===== 24 =====

Кто-то немилосердно тряс не желающее просыпаться тело. Алистер кое-как разлепил один глаз, но узнать расплывчатый силуэт не смог. Голоса немилосердно звенели в голове, словно он сидел в жестяной бочке, в которую швыряли камнями.

— Бесполезно... — пробилось сквозь муть.

— Ничего, сейчас...

Бочка стремительно наполнилась водой, Алистер начал отмахиваться, новый ледяной водопад обрушился сверху. Алистер дернулся, больно приложился об пол и, наконец, кое-как начал осознавать себя. Он сидел на полу кухни, рядом с опрокинутым стулом, вокруг разливалась бескрайняя ледяная лужа, а сверху нависал Стэн со здоровой кадкой в руках.

— Проснулся. Хорошо, — сказал великан, отставляя кадку. За его спиной обнаружили Лелиана с Зевраном, почему-то крайне встревоженные.

— Какого...

Лелиана молча протянула сложенный лист пергамента. Алистер кое-как сосредоточил взор на рунах, убористо покрывавших лист, едва не попрощавшись с содержимым желудка, но после первой же фразы похмелье как рукой сняло.

<i>"Сер Коутрен любезно разрешила попрощаться. Правда, прежде чем передать это письмо с нашими друзьями, к которым корона не имеет вопросов, потому как они не принадлежат к нашему Ордену, сер Коутрен прочтет его, дабы быть уверенной, что оно не содержит злого умысла против государства.

Я постараюсь о себе позаботиться, но если не выйдет — умоляю, не делай глупостей. Эрл Хоу мертв, моя семья отмщена, и, право слово, плаха — невеликая плата за это. Я расплачусь без сожалений — не Серому Стражу бояться смерти, впрочем, ты знаешь об этом

куда лучше меня. Архидемона оставь Риордану. Как бы ни было жаль упустить возможность стать героем — сделай мне одолжение, хорошо? Иначе я дождусь тебя в Тени и выскажу все, что об этом думаю, в выражениях, не подходящих леди. Уверяю, с моей смертью этот мир не закончится. Живи. Пожалуйста. Считай это последней просьбой.

Единственное, о чем я жалею — что знала тебя слишком недолго. Прости, что так вышло.

Элисса"

— Что это значит?

Взгляд у него, видимо, был весьма нехорош, потому что Зевран безотчетно задвинул Лелиану себе за плечо, и начал рассказывать. Когда он закончил, Алистер обнаружил, что пытается нашарить на поясе меч, бард и убийца глядят на него с откровенным испугом, а Стэн — в напряженном ожидании. Алистер заставил себя разжать кулаки, медленно выдохнул.

— Почему мне никто не сказал, когда вы уходили?

— Они хотели посоветоваться, — сказал Стэн. — Ты был пьян.

Алистер смутно припомнил, как Эамон его тормозил, пытаясь чего-то добиться, и ровный голос Элиссы:

— Оставь, слишком рискованное дело. Да и толку от него в таком состоянии... Сами справимся.

Эамон хотел сказать что-то еще, но Огрэн грохнул по столу пивной кружкой.

— Сказано тебе, отвяжись.

Эамон "отвязался", а они продолжили пить, рассказывая друг другу о женском коварстве.

Алистер опустился обратно в лужу, вцепившись пальцами в волосы. Застонал, раскачиваясь взад-вперед, точно болванчик. Значит, пока он в очередной раз жалел себя и топил мысли о несовершенстве мира в пивной кружке, Элисса отправилась спасать королеву, которая попросила помощи у эрла. Взяла с собой лишь двоих и пса, чтобы не привлекать лишнего внимания, разнесла подвалы Хоу, попутно прикончив самого эрла, вытащила Анору из комнаты, куда ее заперли под предлогом обеспечения безопасности — и, столкнувшись с отрядом сера Коутрен, сдалась в обмен на свободу тех кто был с ней. Включая ее величество, пальцем не пошевелившую, чтобы помочь тем, кто помог ей самой.

Сер Коутрен не из тех, кто позволит солдатам сотворить с женщиной что-либо неподобающее, но она солдат, а не тюремщик, и едва Элисса останется на милость стражников... И даже если вдруг пронесет... по закону дворянина нельзя допросить с пристрастием, но Зевран слишком подробно рассказал о том, что творилось в подвалах особняка свежеубиенного эрла Денерима.

Из-за него. Все это случилось только из-за того, что в нужный момент он был пьян как последняя свинья.

И теперь снова сидит и предаётся сожалениям вместо того, чтобы действовать.

— Где Анора? — спросил Алистер.

— Они с Эамоном...

— Пойдем.

Он распахнул дверь кабинета эрла едва ли не пинком, и лишь встретив почти

испуганный взгляд Эамона и изучающий — королевы, вспомнил, что мокр до нитки, не говоря уж о небритой похмельной морде, как когда-то изволила выразиться Элисса. Ну и пусть. Сейчас важно лишь одно.

— Прошу простить мое вторжение, — он поклонился. — Эамон, представь меня ее величеству.

Красивая женщина. Но почему-то глядя на эти безупречные черты Алистер, преисполнился сочувствием к Кайлану. Хотя, говорят, он любил жену...

— Алистер. Серый страж, — сказал Эамон. Товарищ по ордену той храброй леди, которая откликнулась на вашу просьбу.

Алистер не стал слушать, какой предлог изобретет Эамон, объясняя, почему он не помчался спасать королеву. Увидел, как на миг исчезла маска вежливого доброжелательного внимания, как во взгляде изумление сменяется суеверным ужасом, словно королева увидела перед собой восставшего покойника, затем этот взгляд сделался настороженно-изучающим, и Алистер понял, что "похмельная морда" и в самом деле слишком похожа кое-на кого, как тогда сказала Элисса. И что ее величество это так не оставит. Впрочем, об этом можно будет подумать потом.

— Знакомство с вашим величеством огромная честь. Счастлив видеть вас в добром здравии.

Выслушал ответные речи. От пустых пышных фраз сводило челюсти, но надо терпеть.

— Благодарю за то, что хотите помочь моей сестре по Ордену. Насколько я понял, ее увели в форт Драккон. Много ли вашему величеству известно об этой крепости?

Вот сейчас и станет ясно, действительно ли она "беспокоится о судьбе той, что явила преданность и отвагу". Королева не могла не бывать в крепости, давшей начало Денериму. Пусть она не знает количества караульных, но ей все равно известно больше, чем самому Алистеру, который видел лишь шпили форта, парящие над городом.

К его изумлению, Анора потребовала чернил и пергамент и начала рисовать планы этажей. То ли и в самом деле хотела помочь, то ли сознавала, что один Страж в поле не воин, а, скорее всего, задумывала многоходовую комбинацию — неважно. Сейчас — неважно. Главное, вытащить оттуда Элиссу до того, как станет слишком поздно.

Он взял с собой только Лелиану. Силой штурмовать форт бесполезно, исчезать в тенях, незаметно пробираясь в двух шагах от другого он не умел, значит, придется заговаривать зубы и молиться, чтобы дело выгорело. А Лелиана способна убедить гнома в том, что он умеет колдовать. Слушая, как она несет совершенно неопишумую чушь про объедки и псарню, Алистер покрывался холодным потом под шлемом — если они попадутся, Элисса обречена. Но они миновали караул у входа.

Алистер шел по коридорам, изо всех сил стараясь не выглядеть ни слишком торопливым, ни слишком праздным, когда навстречу вылетела молоденькая девушка в форме стражи форта. Они узнали друг друга одновременно, но Элисса едва заметно мотнула головой, когда он только собирался ее обнять, затараторив что-то про увольнительную. Они бодро промаршировали обратно за ворота, и лишь отойдя на квартал, девушка бросилась ему на шею.

— Как? — выдохнул Алистер.

Она сморщила нос.

— Чем плюгавей мужичонка, тем неотразимей он себя мнит. Особенно учитывая, что в камере многие готовы отдаться за лишнюю миску похлебки.

— И? — Создатель, даже если она воспользовалась своим телом для того, чтобы выбраться, он не имеет, просто не имеет права ее в этом винить, но...

Элисса снова скривилась.

— Похлопала глазками, покрутила... Гм, в общем, этот идиот открыл дверь и полез лапаты. Так увлекся, что не заметил, как я стащила его кинжал. Лелиана, спасибо. Твоя наука. — Она поежилась. — Штаны расстегнуть не успел, но первое, что я сделаю, оказавшись в доме Эамона — вымоюсь. Раза три.

Алистер обнял ее прямо посреди улицы. Прошептал.

— Прости.

— Ты тут ни при чем. — Она снова поежилась. — Могло быть гораздо... гораздо хуже, но... Это пройдет. Только пойдем отсюда побыстрее. И... спасибо, что ты пришел.

— А я думал, будешь ругаться, что не послушался, — хмыкнул Алистер, шагая следом.

— Буду. Потом. Когда приду в себя, и смогу убедительно рассказать, что было бы, если бы ты попался, и... — она махнула рукой. — Я и не надеялась, что ты внемлешь здравому смыслу. Только очень боялась, что не успею... Что ты попадешься или... — Ее голос упал до шепота. — Создатель милостив. Все обошлось.

"Создатель милостив, — подумал Алистер. — До поры до времени..." Он сбился с шага, припомнив. Что она там писала? Риордан? Он-то откуда взялся?

Впрочем, с этим он тоже разберется потом.

===== 25 =====

Это действительно оказался Риордан собственной персоной. Осунувшийся, ослабевший, с распухшими, лишенными ногтей руками, хромающий — но живой и способный передвигаться самостоятельно, что после пребывания в подвалах Хоу уже немало.

Несмотря на то, что Риордан и Дункан дружили, Алистер с ним близко не сходил. Просто так вышло — сам он почти не покидал родины, а Риордан почти все время проводил в Орлее, даром что ферелденец. И все же Алистер был рад его видеть, хотя радость эта не обошлась без червоточины. Он понимал, что втайне надеется — именно Риордан избавит их с Элиссой от того кошмарного выбора, который становился все ближе. Это было недостойно и неподобающе, как сказала бы тэйрна, но за время их безумного похода Алистер разучился врать сам себе.

— Что за бардак у вас творится? — спросил Риордан, едва они успели поздороваться.

— Бардак и есть, разве что шлюх не хватает, — ответил Алистер, садясь на предложенный стул. — Не я это начал, поверь.

— Да уж, для тебя масштаб великоват. Гражданская война. В разгар Мора. Вы в своем уме?

— Это Логэйн специально. Чтобы потом орлесианцы точно на Ферелден не зарились — кому он будет нужен, в скверне-то?

— Гениальный план.

— Так он и есть гениальный полководец. — Алистер усмехнулся. — Ладно, с этим мы разберемся, так или иначе. Расскажи лучше, сам какими судьбами?

Риордан начал рассказывать, и Алистер в который раз подумал, что не понимает Хоу. Отравить гостя — куда не шло, не он первый, не он последний. Но пытаться Серого Стража? И, главное — зачем? Какие тайны он хотел узнать?

— Ясно, — сказал Алистер, наконец. — И что теперь?

— А что теперь? — пожал плечами Риордан. — Утрясай свои дела со знатью — тут я тебе не помощник, слишком давно дома не был. Надеюсь, к тому времени, когда мы столкнемся с Ордой, я буду в состоянии сражаться. Эамон аж двух лекарок прислал...

— Это не Эамон, это я... Точнее, это мои люди.

— Тем более. Вчера я сам не знал, доберусь ли до поместья, про которое рассказала тэйрна Кусланд... Наша сестра по ордену, надо же.

— Так вышло.

— Да, мне уже пересказали. Винн весьма словоохотлива... Сегодня я чувствую себя почти здоровым...

— В зеркало давно смотрел? — не удержался Алистер.

— Чего мне туда смотреть, не девица. Я старше вас обоих, значит, последний удар мой. Но как тут загадывать, когда нас всего трое, а схватка выйдет нешуточная?

— Это точно, — Алистер хлопнул его по плечу. — Отдыхай. А с Архидемоном ближе к делу разберемся.

И все же, когда он выходил из комнаты, внутри по-прежнему сидела постыдная радость — возможно, все, так или иначе, решится без него. Алистер отогнал эту мыслишку, вспомнил, что Элисса просила поговорить до конца дня, и поспешил к ней.

— Скажи, что не я один чувствую себя последней сволочью, — заявил он вместо приветствия.

— Не ты один, — кивнула она. — Но с этим можно разобраться позже.

Она придвинула стопку пергамента и чернильницу.

— Записывай. Имен много, вечером придется выучить, кто есть кто.

— Это ты так заботишься, чтобы я не страдал от бессонницы?

— Можешь считать и так... Это родственники тех людей, которых мне довелось увидеть в подвалах Хоу. Завтра нам надо будет с ними встретиться, и разговаривать будешь ты.

— Почему я? — не то, чтобы Алистер не догадывался, почему.

— Из особняка Хоу их вывела сер Коутрен, я не могла, сам понимаешь. Но все они помнят, что дверь клетки открыла Серый Страж.

— Не тэйрна?

— Нет, — девушка покачала головой. — Серый Страж. И поэтому говорить будешь ты — как старший по Ордену.

— Да ну? — Алистер прищурился. — Не как Тейрин?

— Пока — нет. Но когда об этом объявят, они тебя вспомнят.

— А меня-то и не спросили.

Элисса помолчала, чуть склонив голову. Потом перевернула часы на камине.

— Здесь песка на несколько минут — но тебе хватит. Сейчас я уйду... А ты за эти несколько минут честно ответишь сам себе — хочешь ли ты корону. Просто — да или нет.

— И если "нет"?

— Тогда завтра я буду разговаривать с этими людьми сама — как Серый Страж, с Логэйном все равно придется что-то решать. Править будет Анора.

— И?

— И все. Остальное — не твои проблемы, — она взялась за ручку двери.

— Погоди, — сказал Алистер. На самом деле он уже знал ответ. — Мне не нужны эти минуты. Да.

Элисса невозмутимо кивнула, возвращаясь к столу, но Алистер заметил, как она украдкой вздохнула.

— А как же крайне неудобные живые герои? — не удержался он.

Элисса пожала плечами.

— Это в самом деле были бы уже не твои заботы. Полагаю, с Собрания Земель ты бы живым не ушел... Я бы постаралась, конечно, изо всех сил, но...

Алистер приподнял бровь.

— И не предупредила?

Элисса хихикнула.

— Чтобы ты точно отказался, иначе, не ровен час решат, что испугался?

Алистер покачал головой. Уела. Придвинул чернильницу.

— Рассказывай.

Она перечисляла имена и земли, родственные связи Алистер старательно записывал, и в который раз поражался наглости Хоу. Вздернуть на дыбу сына банна? Запереть храмовника? Посадить за решетку сына эрла? Впрочем, этого не жаль...

— А зачем ты выпустила Вогана? — О том, что именно этот сластолюбивый мерзавец спровоцировал бунт в эльфинаже, он слышал несколько раз, пока болтался по трактирам, изображая наемника.

— Зевран о нем позаботится. Но после Собрания Земель.

Алистер поднял взгляд от пергамента.

— Порой ты меня пугаешь.

Девушка очень невесело усмехнулась и ничего не ответила.

Половину следующего дня они провели в городе. Алистер честно затвердил урок, так что мог словно бы небрежно спросить о здоровье какого-нибудь дальнего родича или о том, как дела у соседей. И каждый раз на вопрос, как отблагодарить Серых Стражей за то, что спасли... не дали пропасть... принесли весточку... внутренне кривясь приходилось изображать самую простодушную физиономию, на которую он только был способен и разводить руками — мол, мне-то лично ничего не надо, просто не мог пройти мимо такого вопиющего безобразия... Вы же понимаете, что с этим нужно что-то делать? Миг спустя в игру вступала Элисса, сочувственно поддакивая сожалениям о том, что попираются дворянские привилегии, которые суть договор между государем и нобилитетом, основы самого существования страны... И все это с таким убийственно-серьезным видом, что Алистер сам не понимал, готов ли он зарыдать от смеха или от ужаса, осознав, что это только начало игры. Вернувшись в поместье, он рухнул на кровать, как был, в одежде и обуви, обхватив голову руками.

— Зачем я на это согласился?

Элисса присела рядом, перебирая пальцами волосы.

— Привыкнешь. Это как "башенки" — в первый раз смотришь на доску и не можешь даже запомнить, как ходят фигуры. Потом начинаешь что-то понимать. А потом вдруг оказывается, что получаешь от игры удовольствие — особенно, когда противник силен.

— Боюсь, что я не успею даже разобраться, как ходят фигуры.

— Разберешься. У тебя есть Эамон. Есть я. Будут другие.

Алистер тяжело вздохнул и накрыл голову подушкой.

Все эти дни Анора показывалась из своей комнаты только за ужином, на который

собирались все обитатели особняка. Неизменно вежливая. Дружелюбная. Алистер сказал бы даже — очаровательная, если бы не ловил порой холодный оценивающий взгляд. И если бы не выходило так, что напрямую к нему ее величество не обратилась ни разу с того дня, когда они обсуждали планировку форта Драккон. Алистер четко пытался подумать над предложением Эамона — не получалось. Наверное, можно привыкнуть ложиться в постель с одной женщиной, думая о другой. Наверное, можно научиться жить рядом, но не вместе, не перебрасываясь друг с другом и парой слов сверх того, что предполагает этикет. Наверное, можно даже проникнуться друг к другу чем-то вроде симпатии ведь любил же за что-то Кайлан эту женщину. Но право слово, уличная шлюха — и та честнее. Благо государства? Трон под задницей не закачается, вот и все "благо государства".

Эамон несколько раз пытался возобновить разговор, Алистер уходил от ответа. А вот Элисса об этом больше не заговаривала, и Алистер знал, почему — с появлением Риордана она, как и он сам, начала надеяться пережить встречу с Архидемоном. Точно так же, как и он, отчаянно стыдясь саму себя. Она не лгала в том письме — смерти девушка не боялась. Но не бояться смерти и желать ее — разные вещи. Как и он сам, Элисса хотела жить. О, она была сильной и знала, что такое долг — но своими руками сосватать любимого мужчину другой и отойти в сторону, пожалуй, слишком даже для нее. Сам Алистер, разумеется, не настаивал.

Дни неслись один за другим, пока однажды утром Алистер не обнаружил, что пора ехать на Собрание Земель.

===== 26 =====

Эамон уехал раньше, прихватив с собой почти ожившего Риордана. "Все подготовить", как он выразился, хотя чего тут готовить, Алистер представления не имел. Анора не высовывала нос из комнаты, а сам Алистер, привычно застегивая ремешки доспеха, обнаружил, что руки трясутся. Хотя, казалось бы, ну не было у него той короны — и дальше не будет, но страшно было подвести тех, кто прошел с ним и башню, полную демонов, и глубинные тропы, и жуткие чащи Бресилиана. Они все ждали его в большой зале — собранные, на вид совершенно спокойные — только Зевран был почему-то непривычно молчалив. Огрэн почти трезв, Лелиана то и дело касалась амулета церкви на шее, который Алистер отдал ей еще в Башне Круга, увидев, как она напугана, хотя изо всех сил старается этого не показывать.

Элисса была тут же. Взгляд глаза в глаза, улыбка — мол, не дергайся. Прорвемся. Алистер едва заметно кивнул в ответ на это, невысказанное, еще раз оглядел всех остальных. — Пойдем.

Он совсем не удивился, обнаружив Коутрен за дверями замка. Эта женщина была преданней пса. Огрэн поудобней перехватил топор, Стэн напрягся — но убивать лишь за верность душа не лежала. И Алистер, молча выслушав гневную тираду, лишь покачал головой.

— Сер Коутрен, вы человек чести. Вы были в подвалах поместья эрла Денерима и форте Драккон. Неужели вы не видите, во что он превратился?

И больно было видеть, как она опускает меч и склоняет голову.

— Спаси его, если сможешь.

Алистер не ответил. Оставляя мерзавца в живых он не собирался.

После того, что он видел в Залах Совета Орзаммара, Алистер ожидал безобразной свары. Но право слово, если бы деширы узрели, как перекрикивает друг друга цвет Ферелдена, они бы бороды сжевали от зависти. Даже если бы Алистер знал, что сказать, он не успел бы и слова вставить. Как это удавалось Эамону с Элиссой, он так и не понял. Так что молча слушал, молясь лишь, чтобы голова не разболелась, и он не пропустил миг, когда слова сменяются действиями. А уж в том, что у тэйрны язык подвешен куда лучше, чем у него самого, Алистер убеждался не раз. Возможно, даже лучше чем у Аноры, которая, — впрочем, этому Алистер тоже не удивился — на Собрание явилась. Ничтоже сумняшеся заявив, что именно он, Алистер, держал ее в заложниках в доме Эамона. Разумеется, гвалт стоял такой, что Алистер начал всерьез опасаться за собственный слух. И душевное здоровье — стоило только подумать, что нечто подобное придется повторить не раз и не два.

— Стражи предали нас всех!..

— И именно потому ты приказал отравить одного из знатнейших людей королевства?

— Клевета!

— Записи из допросной... — Эамон. Успел ведь слово вставить

— Мой брат попал за решетку лишь потому, что преследовал этого малефикара! — банн... Альфстанна, да. Не зря он тогда чуть язык не отболтал...

— Орлей...

— Так это Орлей повелел Хоу вздернуть на дыбу благородного рыцаря?

А вот и седовласый отец... похоже, так и не оправился от того, в каком состоянии нашел когда-то красавца-сына. Сам Алистер этого не видел — но и рассказов хватило, чтобы он потом несколько ночей подряд видел кошмары... Только вместо неведомого юнца в них была Элисса... И каждый раз Алистер крался к ее двери, чтобы тихонько заглянуть и убедиться, что это всего лишь сон.

— Я не могу отвечать за деяния Хоу.

— Вот как? — голос Элиссы зазвенел презрением. — За провинность слуги наказывают и господина. Так с кого спрашивать за прегрешения Хоу, если ты сам отдал ему под руку Денерим? Ты спустил ему с рук незаконное убийство тэйрна Брайса Кусланда и его семьи.

— Кусланд продал нас Орлею!

— Готов ли ты поклясться в этом именем Создателя? — Откуда в девичьем голосе взялось столько силы, что он разом перекрыл чаячий гвалт, стоявший в зале?

— Да.

Почему Анора изменилась в лице, а за спиной тихо охнула Лелиана?

— Тогда я, как последняя из рода Кусланд, вызываю тебя на суд пред лицом Создателя, ибо честь моего рода не потерпит навета.

Вот тогда охнул и Алистер, а зал разом затих, словно на него наложили заклятье. Все верно. Несправедливо обвиненный может потребовать суда пред Создателем. Поединка.

Логэйн криво улыбнулся. Солдат по сути своей, простолюдин по рождению, он, как и Алистер, слишком поздно понял, к чему все идет. Теперь ему следовало либо отказаться от своих слов — то есть прилюдно признаться во лжи. Либо сражаться.

— Кого ты выставишь вместо себя?

Алистер и Стэн шагнули одновременно, но Элисса словно не заметила.

— Я сама постою за честь своего рода — как последняя Кусланд. И за честь Серых Стражей, как одна из них.

На холеном лице Аноры проступило неопишное облегчение. Логэйн ухмыльнулся.

— Подумай.

— Не надо... — прошептал Алистер. Она услышала, подошла ближе, почти вплотную, заглядывая в лицо.

— Не бойся.

— Он сражается всю жизнь...

— Он тридцать лет как полководец. Алистер, он опасен, это правда. Но и я кое-чего стою, тебе ли не знать.

Ему ли не знать. За этот безумный... Создатель, почти год непрерывных сражений! Да, любой из них стоит многих, и лучшее доказательство тому — что все они еще живы. Но...

— Девчонка, если ты струсил, передумав, так и скажи.

— Я не могу позволить, чтобы ты сражалась за меня.

— Не за тебя, Алистер. За себя.

Он нашел в себе силы улыбнуться:

— Ну, смотри. Умрешь сейчас — Архидемон тебе не достанется.

Она хихикнула — точь-в-точь девчонка на первом свидании.

— Не дождешься.

И шагнула на середину разом притихшего зала.

Какое-то время они молча стояли друг против друга с обнаженными клинками — обманчиво-спокойные, словно не бой им предстоял, а танец. Первым шевельнулся, кажется, Логэйн, повел клинком, смещаясь в сторону, будто хотел зайти за спину, мягко, по-кошачьи ступая. Элисса подхватила движение, столь же мягкое, обманчиво-неторопливое, ни один поначалу не попытался сократить дистанцию до длины клинка. И шагнули навстречу друг другу они почти одновременно, даже Алистер не понял, кто сделал первый шаг. Не было ни красивых финтов, ни обманных выпадов — когда сходятся двое, умеющих быть не просто опасными — смертоносными, каждый удар направлен в цель и каждый может стать последним. Опускается тяжелый клинок — но Элисса там уже нет, она... уткнулась, иначе не скажешь, неторопливо вроде бы, но невыразимо стремительно. Нырок под руку, клинок целит в неприкрытую доспехом подмышку — Логэйн отшатывается, бьет щитом — но юркая девчонка оказывается на дюйм дальше, чем нужно. "Крупные мужчины обычно тяжелы и неповоротливы", — вспоминает Алистер — на первый взгляд Логэйн не таков, но доспех тяжел, и щит висит на руке, и массивное тело — все это замедляет движения. Элисса порхает вокруг разъяренным шершнем, и как того шершня, ее можно прихлопнуть одним махом — если попадешь. Но она тоже это понимает. Короткий и быстрый удар между пластинами доспеха — попала, но чересчур замешкалась, и клинок Логэйна успевает чиркнуть острием по плечу. Неглубоко, но крови изрядно, Алистер вздрагивает, словно это ему достался удар, ни Логэйн, ни Элисса не поводят и бровью. Шорох шагов, шелест рассекаемого сталью воздуха, короткий звон, когда клинки сталкиваются и снова разлетаются. Элисса все же добирается до артерии под мышкой, кровь бьет струей и эрл, поняв, что обречен, если не закончить битву в ближайшие минуты, пытается достать ее напоследок — девушка стелется над землей и Логэйн начинает оседать, прижимая рукой рану в боку — хотя толку-то, через доспех. Остается лишь короткий росчерк по горлу — и все будет кончено, но негибемый герой встречается взглядом с расширенными от ужаса глазами Аноры и выдыхает:

— Пощады...

Элисса мягко отступает, опустив клинки.

Тихо. Только стучат по полу алые капли.

— Добей, — шепчет Алистер. Повторяет, уже громче: — Добей.

Зал взорвался гомоном, криком, слезами. Элисса не сдвинулась с места. Алистер тряхнул ее за плечо, разворачивая.

— Добей!

За Дункана. За несчастного Кайлана. За Рианне, Камиллу, Керана... Он мог бы перечислять их поименно.

Она покачала головой.

— Не могу. Герой реки Дейн просит пощады. Не могу.

— Тогда я. — Он взялся за меч, но клинок не покинул ножен — кто-то из-за спины перехватил руку. Алистер обернулся, взбешенный — Риордан. Заговорил, негромко и торопливо.

Алистер потряс головой — не может быть. Он ослышался.

— В Стражи? Его — в Стражи? Назвать его братом? Прикрывать спину?

— Держи лицо, люди смотрят, — прошипела Элисса. — Он прав.

Алистер попятился, точно на голове у нее вместо волос выросли ядовитые змеи.

— Ты же была там... Сама видела...

Она накрыла его руку своей — Алистер шарахнулся — убрала ладонь.

— Послушай...

— Не хочу я ничего слушать!

— Твое высочество, прекрати истерику, заткнись и послушай! — Голос хлестнул, точно пощечина, даром, что говорила она едва слышно.

— Ещё раз назовешь меня высочеством... — Он выдохнул. Заставил себя разжать кулаки. Прокусил до крови губу — боль вернула в реальность. Расслабил ноющие челюсти. Как она это делает... Плечи назад и вниз, точно на них висит мокрый тяжеленный суконный плащ...

— Объясни.

— Не нужно начинать свое правление с убийства героя реки Дейн. Этого тебе не простят.

— Переживу как-нибудь.

Она права, но признать эту правоту было невыносимо.

— Есть еще одно. Архидемон.

До Алистера начало медленно доходить.

— Это подло.

Элисса невесело усмехнулась.

— Это возможность погибнуть с честью.

— Еще лучше. Сделать из предателя героя.

— Он уже герой, Алистер. Тридцать лет как герой.

Она права... Только хочется удавиться от этой правоты, и Алистер решил попытаться в последний раз.

— Если бы на его месте был Хоу?

Элисса вздрогнула. На миг отвела взгляд.

— Если бы на кону была твоя жизнь — да.

Теперь вздрогнул Алистер. Их всего трое. Орда. Архидемон.

— Это бесчестно.

— Расскажи ему все, — сказала Элисса. — Все как есть. И пусть выбирает.

— Вы с ума сошли? — снова Риордан. — Это тайны...

— Засунь себе свои тайны, — все так же, не повышая голоса, перебила Элисса. —

Алистер?

Он кивнул.

— Винн, помоги ему.

Остановить кровотечение, убрать слабость — чтобы Логэйн понимал, о чем идет речь. Больше всего на свете Алистеру хотелось сжать в пальцах его шею и смотреть, не отрываясь, в глаза, пока все не закончится. Но он заставил себя опуститься рядом и заговорить, негромко, спокойно и вежливо.

Как они будут сражаться бок о бок, Алистер не представлял.

— Правильно ли я понял, — сказал Логэйн, наконец. — Возможно, я не переживу Посвящение.

Алистер кивнул.

— Но если переживу, — продолжал тот. — У меня будет возможность погибнуть героем, а не предателем.

— Да. — Создатель, только бы не сорваться.

— Ты щедр... Мэрик говорил, что человека создают его враги. И теперь я не знаю, для кого из нас это комплимент.

Алистер усмехнулся.

— Но есть одно "но", — сказал Логэйн. — Моя дочь.

— Кажется, ты не в том положении, чтобы торговаться.

— Торговаться — нет. Но выбор есть всегда. Что будет с моей дочерью?

— Пока Архидемон жив — ничего. Посидит... в башне.

— А потом?

Еще бы он сам знал. Убить? Анора бы не колебалась, но Алистер — не она. Оставить в заточении? Так милосердней убить. Отправить в изгнание? Чтобы через несколько лет она вернулась с армией?

— Церковь. Обеты пред Создателем нерушимы.

Логэйн едва заметно усмехнулся.

— И, возможно, лет через двадцать ты увидишь новую Верховную Жрицу.

— Я столько не проживу, — сказал Алистер. — И так?

— Я согласен.

Алистер поднялся, перекрикивая гул.

— Он помилован. — Повторил: — Помилован. И в знак признания былой доблести герою реки Дейн будет оказана честь стать Серым стражем.

Разглядел, как Эамон удовлетворенно кивнул, и подумал, что сегодня вечером напьется. Непременно. Потом вспомнил, чем закончилась его последняя попытка утопить жалость к себе в вине, тихо выругался себе под нос. За спиной кто-то уже распорядился, чтобы прислали людей, проводить и приглядеть, и лекарей. Рядом с Анорой словно из ниоткуда соткались воины в цветах Рэдклиффа.

Эамон, как-то разом заставив зал замолчать, заговорил о происхождении Алистера, наследстве и короне.

— А меня-то и не спросили, — хмыкнул Алистер.

— Вот видите, он сам отказывается! — Анора. Вот неугомонная, аж завидно.

Он ухмыльнулся:

— Не дождешься. — Повернулся к Эамону. — Но править я буду не один.

За спиной едва слышно вздохнула Элисса, и Алистер широко улыбнулся, предвкушая, какое у нее будет лицо. Обернулся.

— Ты будешь моей королевой, тэйрна Кусланд, — добавил так, чтобы услышала только она. — Или я пошлю это все под хвост Архидемону.

— Это называется "шантаж", — прошептала девушка. Отвесила издевательски-безупречный поклон. — Для меня это большая честь, ваше высочество.

— Еще раз назовешь меня высочеством... — прошипел Алистер. Обернулся в зал. — На том и порешили. И давайте заканчивать этот балаган.

===== 27 =====

Он все-таки напился вечером. Правда, не один. За огромным столом в денеримском особняке Эамона собрались все, кроме Риордана, который, велев, чтобы его не ждали, отправился возиться с Логэйном. Пили за нового короля — и никого не интересовало, что до коронации Алистер остается всего лишь бастардом короля Мэрика. Потом за будущую королеву. За победу над мором. За то, что "нагнули все это собрание высокородных зазнаек" — невеселый смешок Элиссы заметил, похоже, только Алистер. Снова за победу над Мором. И за королеву, а как же. Будущую. И...

Словом, когда вернулся Риордан, тостами уже никто не утруждался. Тот ухмыльнулся, окидывая взглядом изрядно поддатых соратников, пропустил в комнату еще одного. Алистер осекся на полуслове.

— Прошу прощения, господа. — Логэйн коротко поклонился. — Боюсь, сегодня я не в силах разделить веселье. С вашего позволения.

Алистер начал медленно подниматься, намереваясь высказать... этому... все, что он думает и не только, когда его рукав с неожиданной силой потянуло книзу. Опустив глаза, он увидел, что Элисса, совершенно осоловев, сползает под стол, вцепившись в его рукав, словно в последнюю соломинку. Алистер вздохнул, начал вытаскивать нареченную из-под стола, и когда, наконец, справился с этим нелегким делом, обнаружил, что мерзавец исчез, и ничего не остается, кроме как нести девушку в комнату — не оставлять же под столом, в самом деле?

Риордан вышел следом, окликнул:

— Предупреди своих — завтра придется выступать прямо с утра.

— Что случилось? — остановился Алистер.

— Жаль, поздно вести пришли... Орда идет на Рэдклифф. Эамон вестников уже послал, армии выдвинутся туда, а нам придется поторопиться... и, возможно, готовиться к осаде. Твои как, смогут?

— Куда денутся, — буркнул Алистер. Настроение испортилось окончательно. — Можешь сам им сказать. Или подожди — донесу до места...

— Да я и сама дойду.

Алистер едва не разжал руки, встретившись с почти трезвым взглядом. Риордан расхохотался. Элисса высвободилась из объятий.

— Извини...

— Но... — на то, чтобы сложить два и два времени понадобилось порядочно — видимо,

Алистер все-таки хватил лишку. — Почему тебя так волнует этот мерзавец?

— Меня волнует не он. И не хотелось, чтобы и без того тяжелый день закончился грязной сварой.

Алистер вздохнул. Риордан снова рассмеялся.

— Если мы переживем эту битву, за будущее Ферелдена я спокоен.

— Да ну вас... — Он тоскливо ругнулся. — Ну как, скажите на милость, я должен драться рядом с ним и делать вид, будто ничего не было?

— Никто не заставляет его любить, — сказала Элисса. — Просто не ищи повода для ссоры.

— "Просто..."

— Дункан рассказывал, как он попал в Орден? — спросил вдруг Риордан.

— По Праву Призыва... — растерялся Алистер. — Но...

— Он убил жениха Страж-командора. Случайно, испугался, не рассчитал...

— Да, я знаю. И что она спасла его от виселицы.

— А он рассказывал, что Женевьева хотела, чтобы он умер на Посвящении? Приняв чашу Призыва из ее рук?

— А ты откуда знаешь?

Риордан хмыкнул.

— Дункан как-то обмолвился... чуть больше, чем следовало бы, а я вцепился и вытащил всю историю.

Да, это и в самом деле на него похоже. Но...

— И как потом?

— А вот так. Подумай, Алистер. Или ты хочешь сказать, что ненавидишь сильнее, чем женщина, потерявшая возлюбленного?

— Ничего я не хочу сказать, — насупился Алистер. — Но целовать мерзавца в задницу я не намерен.

Он отмахнулся от Риордана, который говорил что-то еще и вернулся в зал. И помрачнел окончательно, увидев, как исчезают улыбки и суровеют лица. Еще и Элисса ухитрилась исчезнуть, ничего не сказав, а сам Алистер заметил это, только вытащив из-под стола Огрена. Он хотел было ее разыскать, потом решил, что не хватало еще за девчонкой бегать, и вообще, это она и Риордан во всем виноваты, цапнул со стола бутылку и пошел к себе.

Чтобы обнаружить у двери Элиссу, подпирающую косяк.

— Я пришла мириться.

Алистер обнаружил, что рот помимо воли расплывается до ушей.

— Да мы, вроде, не ссорились... Заходи.

Она улыбнулась в ответ, позволив закрыть за собой дверь.

— Наверное... — Она бездумно потерла свежий рубец там, где сегодня прошелся меч Логэйна — колдуньи постарались на славу. — Несуразный какой-то сегодня день.

Вот это точно. Весь сегодняшний бесконечный день Алистер чувствовал себя младенцем, которого макают попеременно из горячей воды в ледяную.

Элисса тихонько вздохнула, обхватив себя руками за плечи.

— Не сердись на меня за Логэйна. Это подло по отношению к нему и нечестно — к тебе, но... — голос стал еле слышен. — Я так боюсь потерять тебя...

Алистер порывисто шагнул навстречу, обнимая, коснулся губами макушки, мимоходом подумав, что не успел заметить, когда ежик превратился в пушистые пряди.

— Ага, а кто сегодня чуть не заставил меня умереть от разрыва сердца?

Она хихикнула, не поднимая головы.

— Не выдумывай.

— Ничего я не выдумываю, — деланно обиделся он. — До сих пор болит... где-то тут. Или тут?

Элисса засмеялась. Алистер коснулся ее подбородка, заставляя поднять лицо.

— Я не сержусь. Уже нет. И потерплю я этого мерзавца — но не более того. И вообще...

Он хотел сказать "иди сюда", чтобы чуть после довольно незамысловатым образом доказать, что не только не сердится, но очень рад, что она вообще есть на этом свете, и рядом с ним, когда в дверь постучали. Алистер, помянув Архидемона открыл — и обнаружил за дверью Морриган.

— Хочу я попросить об одолжении...

— Я буду у себя, — сказала Элисса, выскальзывая в коридор.

Алистер кивнул ведьме — мол, говори, и приготовился к очередной неожиданности этого бесконечного дня.

Предчувствие его не обмануло. Выслушав до конца, он долго искал подходящие слова, наконец, выдавив.

— Но почему он и почему именно сегодня?

— А ты хотел бы сам? — хмыкнула Морриган, и Алистер решительно замотал головой, снова лишившись дара речи. — Риордан или ты в крови носили скверну слишком долго и едва ли способны зачать. Не то Логэйн. А почему сегодня? Тоже легко ответить, не дано нам знать, удастся ли улучшить еще хоть ночь под крышей и в покое. Не хочу я зачинать дитя в кустах поодаль от костра, когда все краем глаза коситься будут, притворяясь, что спят. Ты сам ведь не приходишь к Элиссе, при других, лишь есть когда возможность уединиться, хоть я вижу, как влечет друг к другу вас...

— Довольно! И это говорит женщина, заявившая, "чего стыдиться естества" — не удержался он от подколки.

— Я не стыжусь. Но если ты не видишь разницы меж тайным и постыдным...

— Хватит, Морриган. Я понял. Но я не могу приказать... кому бы то ни было лечь в постель к тебе... или к кому-то еще. Уговори его сама. К тому же, — он, наконец, нашел спасительную отговорку, — учитывая, как мы с Логэйном друг друга любим, мои уговоры могут вызывать обратную реакцию.

— Пожалуй, прав ты в этом. Хорошо. Попробую уговорить. Не так уж я страшна, и он не стар еще, чтоб перестать смотреть на женщин. Попытаюсь.

Она шагнула за дверь, как всегда, забыв попрощаться. Алистер бездумно смотрел ей вслед, пытаясь уложить в измученный за день разум только что услышанное. Он ничего не понимал ни в ритуалах, ни в древних богах, и сама мысль о том, что нерожденный еще ребенок способен вместить душу древнего бога, избавив от верной гибели того, кто нанесет решающий удар Архидемону, казалась совершенно безумной. Впрочем, не была ли безумной вся их затея изначально — а вот поди ж ты. Он запоздало сообразил, что не выпросил у Морриган, откуда ей известны такие вещи... И, это получается, мерзавец увильнет от заслуженной кары? Впрочем, ночь любви с Морриган сама по себе могла сойти за наказание — несмотря на то, что ведьма действительно была хороша собой, веяло от нее какой-то

жутью, а, может, так и не изжитые инстинкты храмовника давали о себе знать. Алистер не стал об этом думать. Понял, что, похоже, заснет и пошел к Элиссе. Даже если она не настроена... на ритуал, — хмыкнул он про себя, — Просто побыть рядом. Морриган права — возможно, другой ночи у них не будет.

Оказалось, что Элисса очень даже настроена... А потом ее голова покоилась у него на плече, и прежде чем уснуть, Алистер успел подумать, что хотя бы заканчивается этот долгий день как нужно. А обо всем остальном он будет беспокоиться завтра.

===== 28 =====

Разумеется, все пошло наперекосяк.

Прибыв бодрым маршем в Рэдклифф, Алистер обнаружил там армию, трупы порождений тьмы и никаких следов Архидемона. Следующим приятным открытием стало известие, что Орда, не дойдя до Редклифа, свернула в сторону Денерима. Выходило, что они не только зря проделали немалый путь, но и оставили столицу на поругание — потому что с людьми и обозами двигаться так же стремительно, как Орда, не нуждавшаяся ни в пище, ни в сне, они не смогут. Единственной по-настоящему хорошей новостью оказался воскресший Фергюс Кусланд, и, глядя как Элисса с визгом виснет на шее брата, прослезился даже Огрэн. Оказалось, Фергюса, раненого во время вылазки в Дикие Земли выхаживали хасинды, и без магии выздоровление затянулось. Едва окрепнув, тейрн обнаружил, что сам он — изменник и сын изменников, а семьи и дома у него больше нет. Как он узнал о судьбе сестры и как, без денег и друзей добирался до Рэдклифа где, по слухам, бывали стражи, Фергюс рассказывать не стал, заявив, что история долгая и не слишком радостная, поэтому — потом, а пока он почтеннейше просит разрешения присоединиться к войскам Рэдклифа. Впрочем, времени для того, чтобы толком поговорить, действительно не было. Хотя на то, чтобы отвести Алистера в сторону и прошипеть "обидишь сестренку — убью, и не посмотрю, король ты там или нет", Фергюс время нашел.

Гонца к Эамону послали, но в то, что людей успеют вывести из Денеримма, никто не верил. Так что в столицу двинулись, даже не заночевав в замке — несмотря на то, что все понимали — опоздают, каждый хотел успеть. Но, как и было очевидно с самого начала, когда армии подошли к городу, Орда уже бесчинствовала внутри.

Алистер, недолго думая, оставил координировать войска Тегана с Фергюсом, решив, что книжные знания и жизненный опыт как-нибудь друг друга уравновесят, а сам решил прорываться к Архидемону. На узких городских улочках армии не развернуться, зато небольшой отряд пройдет, словно нож сквозь масло. Риордан затею одобрил, правда, внеся коррективы. Он лично с несколькими добровольцами из Рэдклиффа попытается заманить Архидемона на крышу форта Драккон и помешать ему улететь. На крыше, как бы велика она ни была, много бойцов не соберешь, но это будет работать в обе стороны, так что дракон окажется отрезан от Орды, с которой могут разобраться и обычные воины. Тем временем Алистер со своими людьми должен будет прорваться на крышу, и вместе они как-нибудь дракона порешат. Если так будет угодно Создателю, — криво ухмыльнулся Риордан, прощаясь.

Алистер кивнул, оглядел своих — мол, если кто-то передумал, пусть остается. Все уже давно не зеленые юнцы, рвущиеся к подвигам, понимают, чем может дело кончиться. Подумал было, что надо оставить Элиссу с братом, но, встретившись с ней взглядом понял, что неугомная тейрна в ответ тут же выдаст десяток доводов, согласно которым именно

он, Алистер, будущий король Ферелдена должен побережь собственную драгоценную жизнь, тут же подтянутся Теган и Фергюс, и в конце концов самому придется за воротами оставаться. Так что ну ее. Есть Риордан, есть Логейн, есть он сам, в конце-то концов. Глядишь, обойдется.

Он успел неплохо изучить Денерим за то время, пока с Зевраном и Лелианой изображал банду наемников. Но сейчас многие улицы просто перестали существовать, заваленные горящими обломками, многие выглядели неузнаваемыми среди огня и копоти, и Алистер смог сообразить, где же они находятся, лишь оказавшись на Торговой площади в центре города. Над головой заложил вираж дракон, истошно визжа, и снова исчез в дымном небе. Алистер махнул рукой своим, и они двинулись дальше, пробиваясь сквозь развалины, пламя и порождения тьмы.

Алистер был почти благодарен Логейну, когда в стенах форта тот перехватил командование, ведя их кратчайшим путем — выше и выше, не отвлекаясь на разветвленные переходы и тупиковые ходы, прорубаясь сквозь порождения тьмы словно топор сквозь дерево, и как щепки от того топора отлетали от него раненые и мертвые твари, так что Алистеру лишь оставалось, пристроившись за правым плечом, перехватывать чересчур резвую нечисть, норовящую зайти в тыл, а слева то же самое делал Стэн. О том, что он все же прикрывает мерзавцу спину, Алистер уже не думал. Не до того.

Когда они вывалились на крышу, Архидемон там был. Во всей своей жуткой красе. Попытался взлететь — неловко и тяжело, тут же рухнув обратно — и только тогда Алистер увидел, что у чудовища разодрано крыло. Риордана не было. Нигде. И думать о том, жив ли он, времени уже тоже не было. Алистер успел лишь крикнуть своим — мол, все как всегда, прежде, чем пришлось уворачиваться от здоровенных челюстей, а потом и думать толком времени не осталось. Впрочем, после года бок о бок уже не надо было никому ничего объяснять. Маги и Лелиана постараются влезть повыше — чтобы обзор был — и подальше — чтобы под горячую... руку — слегка не то слово, но неважно — не попасть. Алистер, Стэн и Огрэн — а теперь еще и Логейн попытаются обездвижить тварь, пока Зевран и Элисса сбивают ее с толку, появляясь из ниоткуда и снова исчезая. Примерно так они уже одолели одного дракона — там, в Морозных Горах. Одолеют и этого. На чью-либо помощь Алистер не рассчитывал, вдоволь наглядевшись на то, что творится в городе. Завязнут среди огня и развалин, в муторных городских сражениях, когда с крыш летят стрелы и камни, и что ждет за поворотом — неизвестно. Ни Теган, ни Фергюс не дураки, гнать людей на убой не будут. Так что — сами, все сами, впрочем, не впервой.

Мерзавец оказался на диво хорош — впрочем, оценить его по достоинству Алистер успел еще глядя на ту дуэль посреди зала собрания. Но сейчас он сражался размеренно и расчетливо, на рожон не лез, успевал держать в поле зрения остальных и предугадывал приказы едва ли не раньше, чем сам Алистер успевал их отдавать. Если бы это был кто-то другой, Алистер был бы счастлив и горд сражаться бок о бок с таким бойцом, но то, что стояло между ними было сильнее обоих. Он отбросил эту мысль — не время и не место, проткнул брюхо одному из немногих оставшихся гарлоков, быстро огляделся. Винн — за камнями, магичит — вон, пошатнувшийся было Зевран распрямылся, упруго шагнул навстречу чудовищу. Вон Морриган швырнула здоровую ледышку прямо дракону в пасть, сбив струю огня. Лелиана размеренно кладет стрелу за стрелой туда, где шея, извиваясь, открывает пространство между чешуями. Огрэн в который раз примеривается со своим топором к задней лапе, будто дровосек к дубу. Элисса... Алистер едва не закричал, увидев,

как вылезшие невесть откуда два генлока вынудили девушку ввязаться в затяжную схватку, а сверху уже примериваются здоровенные челюсти. Алистер не стал кричать — отвлечет и будет еще хуже, лишь рванулся на пределе сил, понимая, что не успевает, не...

Успел Логейн. Развернулся стремительно и мощно, бронированный бок отшвырнул девушку, точно осенний лист из-под ног — челюсти клацнули вхолостую, Меч рухнул на голову генлоку, завершил дугу в боку второго, Логейн начал разворачиваться к дракону...

Челюсти клацнули снова, сминая металл точно старый пергамент. Чудовищная башка мотнулась, отбрасывая в сторону... смятое, изломанное. Алистер все-таки закричал, махнул клинком, отвлекая чудовище на себя — хотя к чему, поздно уже. Рядом возник Стэн, Дракон развернулся к нему. Элисса рухнула на колени рядом с еще шевелящимся телом, голоса не слышно, но по губам читается — "прости". Кривая улыбка на иссиня-бледном лице, струйка крови из угла рта. Коротко взлетел и опустился клинок, Элисса выпрямилась, мазнула по лицу рукавом.

— Зевран, Стэн! — заставьте его поднять хвост! — звонкий голос перекрыл вой и визг. — Лелиана!

Чудовище ринулось вперед, балансируя хвостом, свистнула стрела — дракон взвился точно норовистая лошадь — и Алистер похолодел, забыв, как дышать, когда по хвосту и выше, вдоль чудовищных гребней хребта легко, точно пританцовывая взлетела легкая фигурка. Несносная девчонка в очередной раз решила все сделать по-своему. Алистер метнулся к голове чудовища, думая лишь о том, что его в очередной раз никто не спросил, а он должен — должен оказаться первым. Клыки клацнули рядом, смрад из пасти обволол — Алистера едва не стошнило — меч бессильно скользнул по челюсти, а в это время девчонка уже дотанцевала до самой головы, оседлала верхнюю челюсть и вонзила в глаз кинжал — точно по самую рукоять. Алистер успел подумать, что он все-таки опоздал, когда взрыв швырнул его о стену и стало темно.

Когда свет вернулся, подняться вышло не сразу. Алистер кое-как сел, огляделся. Из-за камня выглянула Лелиана, неподалеку от нее выпрямилась Морриган, у двери на крышу шевелились Огрэн и Стэн, где-то вне поля зрения застонал Зевран. Элиссы видно не было. Алистер смог встать со второй попытки, шатаясь, побрел к голове уже мертвого чудовища. Несколько шагов дались так, словно он прорывался через густой кисель — так бывает в кошмарах, но в этот раз случилось наяву. Откуда взялись силы, чтобы сдвинуть чудовищную башку и вытащить из-под нее безжизненное тело, Алистер так и не понял. Обнял, баюкая на коленях, как когда-то. Зачем? Бедная глупая влюбленная девочка... Ему ведь все равно остается не так уж много — в лучшем случае лет пятнадцать — это если очень, очень повезет. И ведь она об этом знала — но не вспомнила, или не захотела вспомнить. Как всегда, все решив сама, не подумав лишь об одном — зачем ему теперь эта никчемная жизнь и бессмысленная корона. И что он скажет Фергюсу — впрочем, это сущая мелочь по сравнению со всем остальным.

Алистер дернул зубами ремешок, кое-как стащив латную перчатку, бережно погладил еще теплую щеку. Может быть, еще можно хоть что-то сделать... Почти ни на что не надеясь, положил пальцы на жилку на шее — и спустя несколько бесконечных мгновений заорал не своим голосом, зовя Винн.

===== Эпилог =====

Обнаружив, что мутное беспокойство и непонятная возня в голове и есть тот самый Зов,

Алистер не удивился. Он и так протянул бессовестно долго и ждал этого со дня на день — а то, что он почти не заметил, как пролетели десять лет, ничего не значит. До счета ли дней, когда надо сперва поднимать разоренную Мором страну, после — налаживать отношения с соседями, при этом не забывать про свет, иначе тот напомнит о себе очередной интригой, да и красавица-королева под боком... Но то, что Элисса услышала Зов одновременно с ним, напугало Алистера не на шутку. Это не должно было случиться так скоро.

Он послал письма в Вейсхаупт, прося разрешения изучить архивы — король он там или не король, Стражей не волновало. Еще несколько гонцов отправились в замок на пике Солдата, где до сих пор возился с исследованиями древний-преддревний Авернус. Магия крови? Плевать. Собственная близящаяся смерть Алистера не волновала, но отдавать скверне Элиссе он не собирался. Любой ценой.

Занятый всем этим, он почти не видел жену, лишь краем сознания отмечая, что она почти все дни проводит в дворцовой библиотеке, чудом уцелевшей во время мора — и тоже то и дело кому-то пишет — впрочем, она всегда вела активную переписку как со знакомыми, так и с разного рода просителями, правда, раньше Алистеру не приходилось обнаруживать, что в их кабинете не осталось ни одного чистого листа пергамента. Устроив выволочку слугам, призванным за этим следить, он снова занялся собственными делами — и очень удивился, однажды вечером обнаружив жену, разглядывающую в зеркало коротко стриженную голову.

— В дороге так удобней, — улыбнулась Элисса в ответ на его удивленный взгляд.

— И далеко собралась?

— Далеко, — кивнула она. — Я не намерена отдавать тебя скверне.

Алистер невесело хмыкнул.

— Так вроде пора уже...

— Чушь! — она резко развернулась, с туалетного столика свалилась какая-то склянка, тонко зазвенела, разбившись. — Были случаи, когда Стражи избавлялись от скверны в крови. Один — даже еще жив. Одна. Фиона — та, чьим магам ты разрешил обосноваться в Рэдклифе. И другие... немного, но были. — Элисса коснулась рукой виска, едва заметно поморщившись — этот жест, припомнил Алистер, появился у нее совсем недавно, примерно когда он сам почувствовал Зов.

— Я собираюсь докопаться до истины. Найти средство.

— А меня снова никто не спросил, — хмыкнул Алистер.

Элисса шагнула ближе, прижалась, обнимая.

— Разве ты не был занят тем же самым?

— Ну... — он коснулся губами волос. — Я тоже не хочу отдавать тебя скверне.

Она кивнула. Дыхание щекотно коснулось ключицы.

— Обещай мне только одно... что до моего возвращения ты не совершишь ничего непоправимого.

— Например, не велю повернуть вспять реку Хафтер?

— Алистер!

Он улыбнулся. Сколько бы лет ни прошло, она так и останется взбалмошной девчонкой, которая все равно все сделает по-своему.

— Хорошо. Непременно тебя дождусь, прежде чем выкинуть что-нибудь этакое. Когда выезжаешь?

— Утром.

— Отлично, — Алистер подхватил ее на руки. — Значит, у нас впереди целая ночь.

— Когда я вернусь, у нас впереди будет целая жизнь. Это я тебе обещаю.

Больше книг на сайте - Knigoed.net